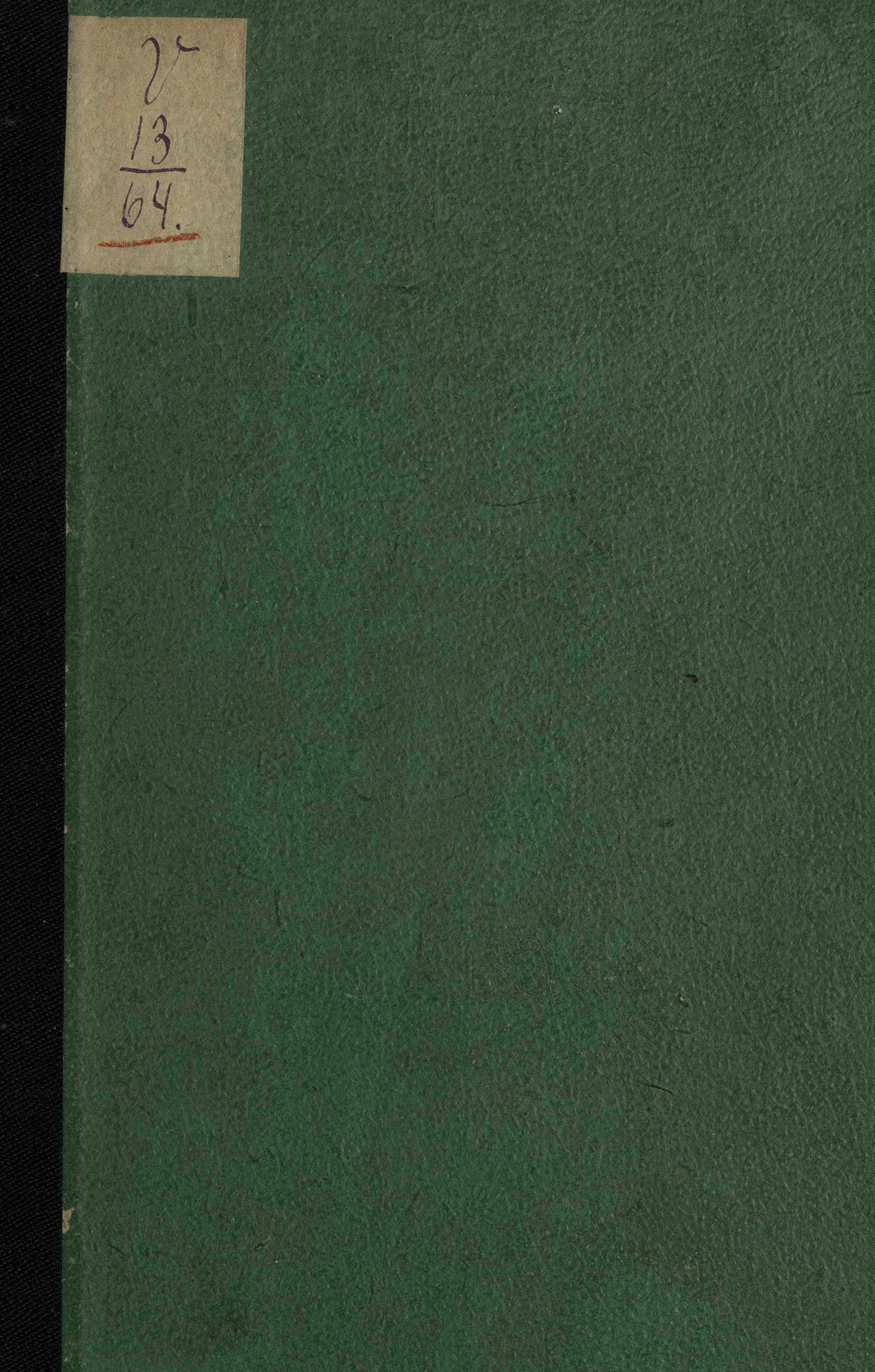

V
13
64.

(4

И. А. Родіоновъ.

# ТИХІЙ ДОНЪ.

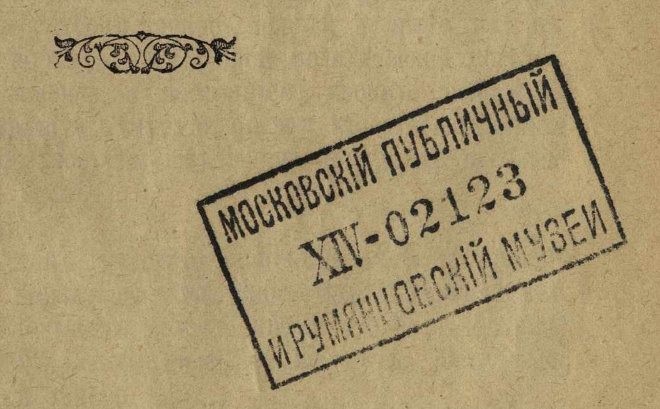


Типо-литографія  Т-ва „СВѢТЪ“.
СПБ., Невскій просп., д. 136.

1914

И. А. Родіоновъ.

# Тихій Донъ.






Типо-литографія Т-ва „СВѢТЪ" СПБ, Невскій просп., д. 136.

1913.


2020126631



# Тихій Донъ.

Настоящимъ моимъ выступленіемъ въ печати я хочу напомнить нашему обществу объ одномъ сословіи въ Россіи, о томъ сословіи, которое въ грозные и опасные моменты нашей государственности неукоснительно призывается къ дѣйствію, отъ него требуютъ огромныхъ, подчасъ непосильныхъ, жертвъ, и какъ бы ни были тяжки эти жертвы, это сословіе всегда молчаливо, безропотно и добросовѣстно несетъ ихъ.

Въ такіе моменты имя этого сословія у всѣхъ на устахъ.

Но схлынутъ волны непогоды, пронесутся тяжелыя зловѣщія тучи, заблещетъ на небосклонѣ яркое солнце, и никто уже въ Россіи не вспомнитъ о творцахъ этой доброй политической погоды, о тѣхъ, кто, рискуя и жизнью, и достояніемъ своимъ, разорвалъ и сбросилъ съ неба зловѣщую, хмурую завѣсу, кто открылъ снова ликъ солнца и тѣмъ далъ доступъ животворнымъ лучамъ ко всей нашей обширной родной землѣ.

Я разумѣю казачество.

Отношеніе къ нему какъ русскаго общества, такъ и правительства лучше всего характеризуется извѣстнымъ изреченіемъ: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти», только съ однимъ непремѣннымъ добавленіемъ: «пока вновь не позовутъ». Это было всегда прежде, это есть и теперь.

И только одна Державная Власть на Руси, только Она одна никогда не забываетъ своихъ вѣрнѣйшихъ изъ вѣрныхъ слугъ, своихъ до смерти преданныхъ сыновъ.

И пора громко сказать, чтобы знали и други и недруги Царя,

что казачество съ трогательной сыновней любовью относится къ своей Державной Власти, въ Ней одной видитъ олицетвореніе правды, справедливости и всяческаго добра на землѣ и за Нее и ради Нея безъ сожалѣнія и раздумья отдастъ все, даже жизнь свою.

Но у казаковъ, обособленныхъ самой исторіей въ отдѣльное отъ всей Россіи сословіе, имѣются свои особыя права, свои особыя нужды и чаянія и свои особыя обиды...

Достаточно ли ограждены эти права, не нарушены ли они, осуществлены ли справедливыя чаянія, удовлетворены ли нужды, заглажены ли обиды?

Вотъ вопросы, которые теперь своевременно поднять, и не только поднять, но такъ или иначе рѣшить.

Сами казаки, цѣлымъ рядомъ поколѣній воспитанные въ безпрекословномъ повиновеніи волѣ начальства, дисциплинированные, покорные, молчатъ. Крикливость не въ ихъ натурѣ. Правительство и общество относятся къ нимъ по извѣстной пословицѣ: «дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ».

А иногда и хуже того! и въ обществѣ, и въ печати, и въ исторической наукѣ казачество часто предается незаслуженному поношенію, ему зачастую приписываются такія позорныя дѣянія, въ которыхъ оно нисколько не повинно.

Попечительная Державная Власть, обремененная тысячами многосложныхъ заботъ обширнѣйшей въ мірѣ монархіи, не всегда имѣетъ время и не всегда знаетъ правду о положеніи и нуждахъ казачества.

Но, можетъ быть, казачество—произведеніе и наслѣдіе иныхъ временъ, иныхъ условій государственной жизни, не только не нужно современной Россіи, но прямо вредно, какъ теперь многіе думаютъ у насъ.

Я въ мѣру слабыхъ силъ моихъ попытаюсь освѣтить поставленные мною вопросы и отвѣтить на нихъ.

Говорить я буду только о Донскомъ казачествѣ—объ этомъ старомъ орлиномъ гнѣздѣ, въ которомъ вывелись, оперились и отрастили крылья и нѣкоторыя другія казачества.

Когда живописецъ задается цѣлью представить на полотнѣ полный обликъ какого нибудь человѣка, онъ не только изображаетъ его во весь ростъ, но зарисовываетъ даже окружающую обстановку и развертывающіяся въ глубинѣ перспективы и дали.

Моя задача не та. Я не пишу исторіи Донского казачества, я только въ самыхъ краткихъ чертахъ отмѣчу самое существенное и самое характерное въ этомъ оригинальномъ проявленіи русской исторической жизни, которое, по моему мнѣнію—наши историки освѣщаютъ сплошь и рядомъ неправильно.

Какъ во всѣ древніе извѣстные намъ вѣка Кавказъ или—вѣрнѣе—та береговая полоса, которая со стороны Кавказскихъ горъ огибаетъ Каспійское море, считалась тѣми Великими Воротами, черезъ которыя воинственные азіатскіе кочевники, ища пропитанія, пастбищъ и добычи, безпощадной волной заливали юго и сѣверо-востокъ Европы, такъ широкая привольная степь, на неохватное пространство разстилающаяся по обоимъ берегамъ средняго и нижняго Дона, являлась тѣмъ браннымъ Полемъ, на необозримомъ просторѣ котораго въ смертныхъ бояхъ сшибались разноязычные народы.

Это во всѣ вѣка и было то бранное, то боевое Поле, какъ бы Самимъ Творцомъ предназначенное для кровавыхъ поединковъ, для богатырскихъ подвиговъ.

Русскій народный духъ давно разгадалъ роковой смыслъ этого Поля и прославилъ его въ своихъ вдохновенныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, въ своихъ таинственныхъ преданіяхъ и легендахъ.

Два удивительныхъ явленія русскаго творческаго духа, два геніальныхъ сына великаго русскаго народа воспѣли это Поле. Одинъ сложилъ свои безсмертные, дивные по красотѣ и глубоко-трагическому содержанію, стихи: «О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями? Чей борзый конь тебя топталъ въ послѣдній часъ кровавой битвы? Кто на тебѣ со славой палъ? Чьи Небо слышало молитвы»?

Другой переложилъ эту размѣрную, величавую рѣчь на музыку, одухотворилъ и углубилъ вызываемые ею образы и картины, сдѣлалъ смыслъ ихъ въ самыхъ тончайшихъ оттѣнкахъ понятнѣе и еще ближе, еще роднѣе русскому сердцу.

Въ глубинѣ вѣковъ своими костями усѣивали это неоглядное бранное Поле скифы, сарматы, греки, хозары, печенѣги, половцы; кони дикихъ гуннскихъ полчищъ топтали это Поле; здѣсь запекшимися устами возсылали къ Небу свои предсмертныя молитвы дружины и рати князя Игоря Сѣверскаго, здѣсь, истекая кровью, боролась Русь съ татарами и въ несчастной битвѣ при Калкѣ вынула жребій пораженія и тяжкой неволи, но здѣсь же на Куликовомъ полѣ, въ первый разъ послѣ полуторастолѣтняго позорнаго ярма забрезжила, обагренная кровью, заря будущей свободы на Руси.

## I.

Слово «казакъ» или по-турецки и по-татарски «гозакъ» значитъ легко-вооруженный конный воинъ, выступающій на бой безъ доспѣховъ, шлема и кольчуги.

Впервые въ нашей исторіи упоминаются рязанскіе казаки подъ 1444 годомъ.

Когда казаки появились на Дону, откуда пришли, принесли ли они съ собой на Донъ свою готовую организацію или ихъ бытъ постепенно сложился въ опредѣленныя формы уже на мѣстѣ въ степи, до сего времени не установлено. Несомнѣнно только одно, что Донское казачество, какъ общество, сложилось и существовало гораздо ранѣе, чѣмъ появились о немъ письменныя свѣдѣнія. Х. И. Поповъ—усердный и добросовѣстный изслѣдователь донской старины—говоритъ, что во времена татарскаго владычества въ 1265 г. въ Сараѣ—столицѣ Золотой Орды—была учреждена православная епархія, въ предѣлы которой входило все пространство между Волгою и Днѣпромъ, что грамотою митрополита Московскаго св. Алексія въ 1360 г. послано было благословеніе «ко всѣмъ христіанамъ, обрѣтающимся въ предѣлахъ Черленаго Яру и по караулѣмъ возлѣ Хопоръ и Дону», что существуетъ преданіе о принесеніи Донскими казаками наканунѣ Куликовской битвы 1380 г. двухъ иконъ Божіей Матери Велик. Кн. Дмитрію Іоанновичу Донскому. Обѣ эти иконы сохранились до нашихъ дней въ Москвѣ. Одна изъ нихъ называется Гребенской.

Изъ этихъ данныхъ Поповъ заключаетъ, что Донскіе казаки существовали на нѣсколько столѣтій ранѣе письменныхъ о нихъ свѣдѣній и, можетъ быть, составляли особое русское племя, отрѣзанное полчищами татаръ отъ остальной Руси во времена ихъ нашествія. Но это одни предположенія.

Первыя дошедшія до насъ упоминанія о Донскихъ казакахъ относятся въ 1549 г. Царь Іоаннъ Грозный, отправляя въ этомъ году своего посла къ ногайскому князю Юсуфу, велѣлъ ему сказать секретно наединѣ слѣдующее: «Дошелъ до насъ слухъ, что Крымскій царь недоброжелательствуетъ вамъ, ибо Астраханскому царю пушки и людей прислалъ на помощь. Я же, по дружбѣ вашей ко мнѣ, повелѣлъ моимъ Путивльскимъ и Донскимъ казакамъ крымскіе улусы воевать».

Въ томъ же году ногайскіе князья, съ Юсуфомъ во главѣ, жалуются Московскому царю на обиды, чинимыя имъ Донскими казаками. Въ одной жалобѣ Юсуфа говорится: «холопи твои, нѣхто Сары-Азманъ словетъ, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстѣхъ города подѣлали... и людей стерегутъ и разбиваютъ».

По тону приведеннаго мною отрывка изъ царской грамоты видно, что къ 1549 году казаки были уже не новичками на Дону. Они составляли уже боевое товарищество, съ болѣе или менѣе опредѣленными отношеніями къ Московскому царю.

Россія, находясь тогда почти въ безпрерывной войнѣ съ ногайскими ордами и съ крымцами, конечно, дорожила и всячески на свою сторону привлекала донскихъ витязей, добровольно не

только охранявшихъ ея юго-восточныя границы, но и раздвигавшихъ ея предѣлы.

Въ тѣ времена, когда не существовало ни сколько-нибудь сносныхъ дорогъ, ни постоянной арміи, ни флота, когда не было ни газетъ, ни телеграфовъ, единственными защитниками на сушѣ и на морѣ далекой, дикой юго-восточной окраины и единственными всезнающими вѣстовщиками о дѣйствіяхъ и замыслахъ враговъ являлись Донскіе казаки, которые почти безпрерывно посылали въ Москву станицы съ вѣстями.

Отношеніе Московскихъ царей къ Донцамъ вплоть до эпохи Петра Великаго со стороны могло показаться предательскимъ: съ одной стороны, въ своихъ грамотахъ къ казакамъ они приказывали «промышлять войною» надъ врагами, съ другой—на жалобы султановъ и хановъ отрекались отъ казаковъ, какъ отъ воровъ, разбойниковъ, людей вольныхъ, не признающихъ власти царей.

Но такое отреченіе было всегда притворное, вынужденное тяжелыми внутренними и внѣшними обстоятельствами.

Сами казаки, видимо, всегда превосходно освѣдомленные въ политикѣ, отлично понимали затруднительное положеніе Россійскихъ Вѣнценосцевъ и въ своихъ отпискахъ обиженнымъ ими врагамъ всю вину всегда принимали на себя, дабы отвести готовящійся для матери-Россіи ударъ на свои безстрашныя головы.

Насколько солоно приходилось сосѣдямъ: ногайцамъ, крымцамъ, туркамъ, черкесамъ отъ неукротимой воинственности казаковъ, свидѣтельствуютъ многочисленныя грамоты XVI и XVII-го столѣтій.

Въ нихъ ханы и султаны безпрерывно жалуются Московскимъ царямъ на безчисленныя обиды, чинимыя Донскими казаками и настаиваютъ, чтобы тѣ уняли ихъ или вывели съ Дона куда нибудь подальше этихъ безпокойныхъ и опасныхъ головорѣзовъ.

И хотя московскіе цари всегда отписываютъ ханамъ и султанамъ, что казаки—люди вольные, царской власти не подчиненные и что они—воры и разбойники, а между тѣмъ сами утверждаютъ за казаками такія права, какими другіе подданные не пользуются. Напримѣръ: всякій, сбѣжавшій на Донъ и принятый казачьимъ кругомъ, какія бы преступленія въ прошломъ ни числились за нимъ, считался прощеннымъ и очищеннымъ навсегда.

Это обстоятельство въ свою очередь доказываетъ, насколько высоко Московскіе Вѣнценосцы цѣнили полезную службу казачества.

Донскія преданія и пѣсни свидѣтельствуютъ, что въ 1552 году казаки, свѣдавъ о томъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный стоитъ съ многочисленной ратью подъ Казанью, своей доброй

волею пришли на подмогу къ Царю, заявивъ, что «за домъ Пресвятыя Богородицы всѣ свои головы готовы положить».

Старые историки: Ригельманъ и Сухоруковъ согласно свидѣтельствуютъ, что Донцы оказали огромныя услуги царю при взятіи Казани. Ригельманъ говоритъ, что они сдѣлали подкопъ подъ стѣны и подкатили туда нѣсколько бочекъ пороха. Наступилъ часъ взрыва и Донцы первые бросились въ проломъ, безъ пощады поражая сопротивлявшагося непріятеля. За это царь пожаловалъ казаковъ «рѣкою Дономъ до тѣхъ мѣстъ, какъ имъ надобно», и свое пожалованіе закрѣпилъ грамотою.

Что таковая грамота на Дону была—на это есть общее и согласное мнѣніе всѣхъ казаковъ.

Сухоруковъ по этому поводу говоритъ: «Многіе утверждаютъ по преданіямъ предковъ своихъ, что она (жалованная грамота) представляема была Императору Петру I-му въ 1695 году, когда Государь сей изволилъ останавливаться въ Черкасскѣ во время путешествія своего къ Азову и съ того времени неизвѣстно уже гдѣ затратилась». И Карамзинымъ и Соловьевымъ фактъ участія казаковъ во взятіи Казани отмѣчается нѣсколько разъ, хотя историки не говорятъ, какіе именно это были казаки.

Въ 1554 году Донскіе казаки, свѣдавъ о намѣреніи царя покорить царство Астраханское, опять-таки по своей доброй волѣ собрались въ походъ подъ начальствомъ двухъ атамановъ: Павлова и Ляпуна. У Переволоки казаки дождались прихода царскихъ войскъ.

Отсюда царскій воевода послалъ ихъ впередъ въ отрядѣ князя Вяземскаго. Близъ Чернаго Острова казаки нанесли такое страшное пораженіе передовымъ татарскимъ полчищамъ, что Вяземскій безпрепятственно завладѣлъ городомъ, изъ котораго ханъ Ямгурчей бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ.

Впослѣдствіи на долю казаковъ выпало преслѣдованіе и истребленіе бѣгущихъ татаръ, захватъ женъ и дочерей ханскихъ.

Въ 1555 г. казаки одними своими силами разбили и прогнали вернувшагося хана Ямгурчея съ крымской и ногайской ордой, намѣревавшагося захватить Астрахань.

Между тѣмъ, какъ часть казаковъ подвизалась подъ Астраханью, другіе товарищи глазъ не спускали съ крымцевъ и обо всѣхъ дѣйствіяхъ татаръ, объ ихъ приготовленіяхъ къ походамъ на Россію и даже о замыслахъ ихъ заблаговременно извѣщали царя. Напримѣръ: въ 1556 году ханъ Девлетъ-Гирей ополчился на Россію, но едва втянулся онъ въ русскіе предѣлы, какъ Донцы подъ начальствомъ доблестнаго дьяка Ржевскаго, появились въ самой Тавридѣ, предавая все огню и мечу, съ бою взяли Османъ-Керемень и Очаковъ, отбили табуны лошадей и ушли въ степь. Оча-

ковскій и Тянянскій паши, собравъ большія силы, погнались за казаками. Ржевскій заманилъ ихъ въ засаду и разбилъ на голову. Наконецъ, ханскій калга, вооруживъ весь Крымъ, вступилъ въ кровопролитный бой съ горстью казаковъ. Шесть дней продолжалась упорная битва. Калга, видя, что побѣдить ему донскихъ витязей не придется, послалъ къ хану гонцовъ, заклиная его вернуться, если повелитель не хочетъ вмѣсто селъ и городовъ видѣть однѣ догорающія развалины. Ханъ съ Міуса вынужденъ былъ вернуться спасать собственную страну.

Тоже случилось и зимою 1558 года, когда Девлетъ-Гирей съ 100-тысячной своей и ногайской ордой двинулся на Россію. Донцы такъ похозяйничали у него въ Тавридѣ, что тотъ, побросавъ обозы и потерявъ множество людей, вернулся въ Крымъ, находя разгромы, дымящіяся развалины и множество перебитыхъ своихъ подданныхъ. Они участвуютъ и въ знаменитомъ походѣ князя Дмитрія Вишневецкаго на Тавриду и своими боевыми дѣйствіями, блестящей храбростью и мужествомъ удивляли своего титулованнаго предводителя—этого «истаго казака по природѣ», какъ называетъ его историкъ Соловьевъ.

Донцы заблаговременно извѣстили Царя Іоанна Грознаго о готовящемся страшномъ нашествіи на Россію крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Царь трусливо бѣжалъ изъ Москвы съ своею опричиною и столица была отдана дикимъ Азіатамъ на страшный погромъ и сожженіе.

Дѣятельность казаковъ на разныхъ фронтахъ среди враговъ Россіи возбуждаетъ удивленіе.

Въ то время, какъ воюютъ съ астраханцами и крымцами, они успѣваютъ наносить удары и ногаямъ, и даже туркамъ.

Турецкій Азовъ они берутъ раза два или три и заставляютъ азовцевъ платить имъ дань, въ то же время выжигаютъ ногайскую столицу-Сарайчикъ, и разоряютъ аулы черкесовъ.

Котошихинъ, служившій въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Посольскомъ приказѣ, вѣдѣнію котораго подлежали сношенія съ Донскими казаками, настолько высоко ставилъ заслуги Донского казачества передъ родиной, что въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее: «И дана имъ (казакамъ) на Дону своя воля... А ежели-бъ имъ воли своей не было и они-бъ на Дону служить и послушны быть не учали, и только-бъ де они, Донскіе казаки не укрѣпились бы, и не были-бъ давно въ подданствѣ за Московскимъ Царемъ Казанское и Астраханское царствы съ городами и землями во владѣтельствѣ».

## II.

Оффиціально принято считать началомъ существованія и службы Войска Донского Московскимъ царямъ 1570 г., потому что этимъ годомъ помѣчены двѣ самыя раннія царскія грамоты, непосредственно относящіяся къ войску Донскому.

Эти грамоты были даны на руки Ивану Петровичу Новосильцеву, посланному царемъ Іоанномъ IV Грознымъ къ турецкому султану Селиму.

Вотъ полный текстъ одной изъ этихъ грамотъ:

«А се такова грамота дана Ивану жъ Новосилцову.

Отъ Царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи на Донецъ Сѣверской, атаманомъ казатцкимъ и казакомъ всѣмъ безотмѣны. Послали есмя для своего дѣла въ Азовъ Ивана Петровича Новосилцова, и гдѣ учнетъ васъ для нашего дѣла посылати или по вѣстемъ, для береженья, на кои мѣста велитъ вамъ съ собою идти, и вы бы Ивана во всѣхъ нашихъ дѣлѣхъ слушали безо всякаго ослушанія, тѣмъ бы есте намъ послужили, а мы васъ за вашу службу жаловати хотимъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7078, Генваря въ 3 день».

Кто же такіе были первые насельники Дона, основатели Донского казачьяго войска?

Своихъ именъ вѣкамъ они не передали, но, несомнѣнно, это были чисто русскіе православные люди или пришедшіе изъ обширной Московіи или же—по догадкѣ Х. И. Попова—жившіе здѣсь еще въ первые вѣка татарскаго владычества, но несомнѣнно, что число ихъ въ первые вѣка ихъ историческаго существованія пополнялось постояннымъ прибоемъ новыхъ силъ изъ всѣхъ областей обширной русской земли. Историкъ Соловьевъ положительно утверждаетъ, что это были тѣ же рязанскіе казаки, передвинувшіеся только южнѣе, на Донъ.

Что они были чисто русскіе люди, свидѣтельствуетъ ихъ великорусскій говоръ, ихъ глубокая, сохранившаяся до нашихъ распущенныхъ упадочныхъ временъ, приверженность къ вѣрѣ отцовъ и безграничная любовь къ своимъ прирожденнымъ Вѣнценосцамъ.

Сюда, на вольный Тихій Донъ послѣ разгрома Новгорода, свирѣпыхъ расправъ Іоанна Грознаго и позднѣе, во времена раскола бѣжали люди всѣхъ званій, всѣхъ состояній.

Бѣжали холопы, бѣжали крестьяне, бѣжали служилые люди, бѣжали опальные бояре и дворяне, находили тутъ пристанище и тѣ,

кто стоялъ за старую вѣру и не хотѣлъ поддаться «никоніанской ереси».

Однихъ гнало сюда горе, другихъ нужда, третьихъ месть, но несомнѣнно, что главное ядро казачества состояло изъ той категоріи людей, у которыхъ «силушка живчикомъ по жилочкамъ переливается».

Несомнѣнно это потому, что жизнь въ тѣ времена на Дону была настолько тяжка, настолько переполнена ежечасными, ежеминутными опасностями, что въ такой страшной обстановкѣ могли уживаться только богатыри тѣломъ и духомъ.

Ко времени возникновенія казачества въ Донской степи кочевала дикая ногайская орда, воинственные закубанскіе черкесы дѣлали сюда свои свирѣпые набѣги, все нижнее теченіе Дона до впаденія въ него рѣки Аксая, вся та огромная площадь, гдѣ теперь стоятъ города: Азовъ, Ростовъ, Нахичевань, Новочеркасскъ, Аксайская станица—принадлежала могущественной Турецкой имперіи, подъ бокомъ было тогда грозное Крымское ханство.

Ни днемъ, ни ночью, ни у себя дома, ни, тѣмъ менѣе, во владѣніяхъ своихъ воинственныхъ сосѣдей, казакъ не имѣлъ покоя и ни одной минуты не могъ разставаться съ оружіемъ.

Соотношеніе силъ было таково, что казакъ всегда вынужденъ былъ драться съ десятками, а иногда и съ сотнями враговъ.

Широкая степь, только по берегамъ Дона и притоковъ его заросшая дубовыми, карагичевыми и вязовыми лѣсами, представляла собою мало природныхъ укрытій. Поэтому казаку приходилось полагаться только на свой зоркій глазъ, мѣткую стрѣльбу, на безпощадный ударъ острой шашки, на свою выносливость, сноровку, ловкость, силу да на добраго коня.

Постоянная смертельная опасность развила въ этихъ людяхъ необыкновенно высокое чувство товарищества. «Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного», вотъ что было лозунгомъ Донского казака.

Неудивительно, что эта горсть русскихъ людей, какъ маленькій островокъ, затерявшійся среди необозримаго азіатскаго моря, вынуждена была почти безпрерывно воевать. Воевали, и при этомъ на нѣсколько фронтовъ, годами и мѣсяцами, а перемиріе длилось днями и недѣлями. Вся донская степь въ тѣ далекія отъ насъ времена лежала еще цѣлинной. Грубый плугъ не бороздилъ ея дѣвственной груди. Да тогда казакамъ было не до обработки полей. Хлѣбъ получался изъ далекой Московіи.

Въ степи, лѣсахъ и болотахъ водилось неисчислимое множество пернатой дичи. Безчисленныя стаи дикихъ утокъ, гусей, лебедей, казарокъ, куликовъ и чибисовъ заполняли собою обширные заливные луга или по мѣстному выраженію—займища.

Въ степи, поросшей колючими кустарниками дикаго терна, бродили огромныя дрофы, многочисленные выводки стрепетовъ и куропатокъ.

Въ лѣсахъ имѣли убѣжище медвѣди, туры, олени, волки, кабаны, лисицы, дикія козы, сайгаки, горностаи и зайцы.

Рѣки кишмя кишѣли аршинными стерлядями, саженными осетрами и севрюгами, грузными, какъ огромныя бревна, бѣлугами, о другой, менѣе цѣнной рыбѣ и говорить не приходится.

Помимо рѣкъ она водилась въ каждой заводи, въ каждой, пересыхающей лѣтомъ музгѣ.

Казаки, въ свободное отъ бранныхъ поисковъ время, жили охотою.

Верхомъ на добрыхъ лошадяхъ они гонялись за лисицами и волками. Не диво было казаку убить звѣря мѣткимъ выстрѣломъ.

Казакъ стрѣлялъ изъ самопала или стрѣлою изъ лука въ любую цѣль безъ промаха. Зелье и свинецъ цѣнились дороже золота, потому что отнимались съ боя у враговъ или привозились съ большими затрудненіями изъ далекой Московіи и потому тратить ихъ на вѣтеръ было позоромъ для казака.

А поэтому считалось молодечествомъ только то, если казакъ на добромъ конѣ «загоняетъ» волка и на полномъ скаку, перегнувшись съ сѣдла, нанесетъ звѣрю ногайкой только одинъ ударъ по носу и этимъ ударомъ положитъ его на мѣстѣ.

Съ саблей и на конѣ или съ лукомъ и колчаномъ, набитымъ стрѣлами, пѣшкомъ или съ сѣтями на легкомъ челнокѣ проводили свои досуги казаки.

Гнѣздомъ казачества считается собственно небольшая площадь, прилегающая къ правому берегу Дона отъ теперешней Раздорской станицы до горъ, на которыхъ построенъ Новочеркасскъ. Пространство это по прямому направленію не превышаетъ и 40 верстъ.

Лѣвый берегъ Дона принадлежалъ враждебнымъ ногаямъ.

Казаки дѣлились на низовыхъ и верховыхъ.

Тѣ, которые жили отъ теперешней Цымлянской станицы внизъ по Дону, назывались низовыми, вверхъ отъ нея—верховыми.

Низовцы не безъ основанія считаютъ себя старшими въ Донской казачьей семьѣ, потому что первыя казачьи поселенія возникли именно на нижнемъ Дону, верхній Донъ заселился значительно позже.

По внѣшнему виду и по характеру низовцы и верховцы разнятся между собой. Низовцы больше дорожатъ своими казацкими привиллегіями, тщеславнѣе, честолюбивѣе, воинственнѣе и живѣе по темпераменту, вѣроятно унаслѣдованному отъ своихъ прабабушекъ—черкешенокъ, татарокъ и турчанокъ; верховцы медли-

тельнѣе и домовитѣе. «Верховые казаки по большой части русые, сѣроглазые, брюнетовъ между ними мало. Они крѣпкаго сложенія и способны переносить всякія невзгоды, развиваются очень медленно, но потомъ крѣпчаютъ и достигаютъ глубокой старости. Низовые казаки по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые. Отъ природы они менѣе крѣпкаго сложенія и не легко переносятъ большіе труды. Они ловки и проворны и быстро развиваются но, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, не долговѣчны». (Д. Семеновъ, «Отечествовѣдѣніе», М. 1879 г. II, ст. 136).

## III.

Казаки обыкновенно селились группами человѣкъ въ 80—100. Такія группы составляли свой станъ, становище. Отсюда произошло званіе казачьихъ поселеній станицами. Позже каждая станица имѣла свой юртъ, опредѣленный участокъ земли. Въ станицѣ каждый домъ окружали земляною и плетеною изъ хвороста изгородью для того, чтобы на случай нападенія враговъ каждый такой домъ или—по казачьи курень представлялъ собою маленькое укрѣпленіе. Иногда такія станицы обносились кругомъ сплошной земляной съ хворостомъ изгородью. Отсюда отъ слова изгородь, по-казачьи-огорожа или горожа и произошло званіе казачьихъ поселеній городками. Въ куреняхъ жили по нѣсколько человѣкъ. Въ каждомъ городкѣ обыкновенно имѣлся свой общій домъ, называвшійся становою или станичною избою. Даже въ болѣе позднія времена, когда дотолѣ почти сплошь безженные казаки стали обзаводиться семьями, въ становыхъ избахъ обыкновенно зимовали бездомовные казаки, имѣя продовольственные запасы по числу товарищей, но непремѣнно одинъ котелъ и одну общую суму для всѣхъ. Отсюда и пошло практикующееся среди Донцовъ и до сего времени величаніе другъ друга «односумъ». То-есть люди, служившіе въ одной воинской части и дѣлившіеся между собою всякимъ добромъ, какъ братья, навсегда остаются уже односумами.

Всѣ станичныя дѣла рѣшались сообща или въ станичной избѣ, или на майданѣ, т. е. на площади. Сюда же приходили станичники въ часы досуга поиграть въ кости, послушать сказокъ и разсказовъ о лихихъ набѣгахъ и бояхъ съ воинственными врагами. Сюда же сносились всѣ только что добытыя извѣстія о дѣйствіяхъ и замыслахъ непріятелей.

Во главѣ станичнаго управленія стояли выборные атаманъ съ старшинами. Слово атаманъ производятъ отъ слова ватманъ, т. е. начальникъ ватаги.

Всѣ станичныя дѣла обсуждались и рѣшались кругомъ.

Обыкновенно кругъ собирался на майданѣ и если тамъ имѣлась часовенка, то всѣ станичники становились вокругъ нея лицомъ другъ къ другу, если-же часовеньки не имѣлось, то на площадь выносили икону, ставили ее на аналой и вокругъ иконы составлялся кругъ.

Въ морскихъ походахъ, собираясь для совѣщаній, казаки сплывались на лодкахъ, образуя широкій кругъ, въ сухопутныхъ набѣгахъ поворачивали головы лошадей къ центру и становились тоже въ кругъ. Дѣлалось это для того, чтобы при совѣщаніяхъ и подачѣ голосовъ каждый видѣлъ всѣхъ товарищей, чтобы каждый могъ смѣло и открыто высказать свое мнѣніе и чтобы рѣшенія не принимались съ голоса немногихъ нахальныхъ горлановъ.

По такой-же схемѣ создалось и все управленіе на Дону.

Войсковой атаманъ въ мирное время былъ только старшій между равными, хотя и былъ окруженъ почетомъ товарищей, но картина круто мѣнялась, какъ только атаманъ садился на коня или въ лодку и поднималъ свой перначъ. Въ боевыхъ походахъ власть его становилась почти безграничной. Онъ распоряжался животомъ и смертью каждаго изъ своихъ подчиненныхъ товарищей.

Въ мирное время казаки много «гуливали» и для лихихъ головъ не считалось зазорнымъ пропить и прогулять все до нитки. Не пропивалось только одно—оружіе. Казакъ, пропившій оружіе, тѣмъ самымъ лишалъ себя высокаго званія казака и навѣки покрывалъ себя несмываемымъ позоромъ. Товарищество безъ всякаго снисхожденія изгоняло изъ своей среды такого пьяницу. Вотъ почему въ старомъ гербѣ Донского казачества, замѣненномъ въ началѣ XIX-го столѣтія на другой, красовалось изображеніе сидящаго на бочкѣ голаго казака, однако въ полномъ вооруженіи. Казаки щеголяли въ богатыхъ одеждахъ и въ драгоцѣнномъ вооруженіи только въ мирное время у себя въ станицахъ, въ походахъ они надѣвали самую сѣрую одежду и оружіе имѣли хотя и доброе, но безъ всякихъ украшеній.

Дѣлалось это для того, чтобы, въ случаѣ неудачи, непріятелю немногимъ возможно было бы отъ нихъ поживиться.

Свободные въ станицахъ, казаки на походахъ сковывали себя безпощадной желѣзной дисциплиной. Малѣйшій проступокъ строго карался. Если же у кого изъ товарищей находили водку, то обладателя ея тутъ же разстрѣливали, а на морѣ зашивали въ куль и бросали въ воду. Оправдывалась такая крутая мѣра наказанія тѣмъ соображеніемъ, что пьяный человѣкъ при случаѣ можетъ погубить и дѣло, и своихъ товарищей.

Многіе современные донскіе историки утверждаютъ, что принимались въ казаки на Дону всѣ безъ разбора и требовались отъ

желающихъ поступить только вѣра въ св. Троицу и умѣніе перекреститься.

Думаю, что такіе историки, подражая, съ одной стороны, великому Гоголю, съ другой, въ угоду передовому общественному мнѣнію, вездѣ и во всемъ находить равенство, впадаютъ въ немалую ошибку. Гоголь говорилъ такъ о запорожскихъ казакахъ.

Укладъ жизни, обстановка и нравы Донцовъ значительно разнились отъ запорожскихъ.

И хотя я—не историкъ, но имѣю вѣское основаніе утверждать, что получить званіе казака на Дону было не совсѣмъ легко.

Эта среда для всякаго новаго пришельца очень туго размыкалась и желающій попасть въ казачье товарищество предварительно долженъ былъ выдержать довольно трудный, а иногда и продолжительный искусъ.

Такіе пришельцы, желающіе быть казаками, назывались сперва батраками войска и удостоиться высокаго званія казака могли только доблестной службой и безпорочнымъ поведеніемъ.

Иногда такой искусъ растягивался лѣтъ на 20 и болѣе.

Объ этомъ мнѣ говорилъ покойный А. Н. Пивоваровъ, много лѣтъ изучавшій прошлое Дона по подлиннымъ архивнымъ документамъ.

## IV.

Вначалѣ казаки были почти сплошь безженные. Да и какъ было обзаводиться такой обузой, какъ семья, когда ни одной минуты не увѣренъ въ собственномъ существованіи?!

Женатыхъ даже ко времени знаменитыхъ Азовскихъ походовъ т. е. къ первой половинѣ XVII-го столѣтія, насчитывалась едва одна треть.

Церквей на Дону въ первыя столѣтія почти совсѣмъ не было, и хотя всегда казаки отличались большой набожностью, но поневолѣ приходилось обходиться безъ церковнаго брака.

Женъ брали, гдѣ придется. Сватали русскихъ дѣвушекъ изъ далекой Московіи, умыкали или сманивали жившихъ подъ бокомъ турчанокъ, крымскихъ татарокъ, черкешенокъ. Мусульманскихъ женщинъ не неволили переходить въ христіанство, но дѣти отъ нихъ обязательно должны были быть православными.

Казакъ, доставшій себѣ невѣсту, обыкновенно приводилъ ее въ станичный кругъ.

Тутъ, если невѣста была православная, оба молились передъ образами, кланялись на всѣ четыре стороны и женихъ говорилъ:

— Господа честная станица, вотъ моя жена!

Кругъ освѣдомлялся:

— Любъ тебѣ мужъ или не любъ?

Если женщина отвѣчала утвердительно, то кругъ гремѣлъ:

— Въ добрый часъ! Согласны. Разрѣшаемъ!

Признанный мужъ покрывалъ жену полою своего кафтана и уводилъ къ себѣ въ курень.

Если супружество оказывалось почему либо неудачнымъ, то разводъ происходилъ столь же просто.

Мужъ приводилъ въ кругъ жену подъ полою, на майданѣ открывалъ полу и отстраняясь отъ жены, говорилъ:

— Господа атаманы молодцы, она мнѣ больше не жена.

Въ свою очередь жена говорила:

— Онъ мнѣ больше не мужъ.

Станица одобряла и разводъ совершенъ.

Если въ толпѣ находился претендентъ на руку и сердце только что разведенной красавицы, то съ ея согласія онъ накрывалъ ее полою и заключался новый бракъ.

Прежнему мужу обыкновенно платилось отступное деньгами, оружіемъ, вещами, а чаще всего доброй попойкой, въ которой иногда принимала участіе вся станица.

Но такой брачный способъ практиковался только до появленія на Дону церквей.

Въ проворствѣ, силѣ, ловкости, воинской хитрости, въ храбрости, выносливости и предпріимчивости Донцы превосходили всѣхъ своихъ враговъ. Кромѣ того, во всю жизнь казакомъ руководила одна идея, кратко и полно выраженная въ слѣдующихъ словахъ: «чтобы басурманская вѣра надъ нами не посмѣялась, чтобы государевой вотчины пяди не поступиться».

Изъ этого стараго казачьяго завѣта видно, что Донцы всегда считали себя неразрывнымъ кровнымъ членомъ великаго русскаго племени и всегда, какъ вѣрные слуги, отстаивали государевы интересы и пользы.

Только такими высокими боевыми качествами и крѣпкой государственной и религіозной идеей и можно объяснить то обстоятельство, что эта горсть людей всегда одерживала побѣды надъ многочисленными разноязычными врагами и расширяла предѣлы русскаго государства.

Насколько широка была въ тѣ времена натура донского казака и насколько дѣятельно выражалась въ немъ идея расширенія государевыхъ вотчинъ, показываетъ то, что еще въ эпоху покоренія Казани и Астрахани въ Раздорскомъ городкѣ собрались какъ-то всѣ «непенные», т. е. ничѣмъ не опороченные казаки.

Совѣщались недолго, но порѣшили идти походомъ на Хвалын-

ское море. Властнымъ доводомъ въ пользу такого рискованнаго рѣшенія послужило то соображеніе, что у казаковъ «зипуны поизносились».

И вотъ снарядилась цѣлая флотиліи подъ начальствомъ атамана Андрея.

Цѣлое лѣто разгуливали казаки по Каспійскому морю, разбивая суда персидскихъ купцовъ, громя прибрежные мусульманскіе города. Молодцы настолько увлеклись удалой потѣхой, что и не замѣтили, какъ ихъ, отягченныхъ богатой добычей, застала въ морѣ ненастная осень. Подули вѣтры, зашумѣла буря, не пробиться казачьимъ ладьямъ на Волгу. Пришлось пристать къ невѣдомому берегу. Вдали виднѣлись Кавказскія горы съ снѣжными вершинами. Развѣдавъ мѣстность, поставивъ въ долинахъ шатры, Донцы зазимовали. Гребни горъ имъ понравились. На слѣдующій годъ они послали товарищей на Донъ звать къ себѣ охотниковъ. Къ нимъ пришли новыя толпы.

Такимъ образомъ, положено было начало славному Гребенскому, впослѣдствіи Терскому, казачьему войску со своимъ атаманомъ, старшинами, войсковымъ кругомъ и съ обычаями, во всемъ сходными съ обычаями Донцовъ.

Мелкія станицы Донскихъ казаковъ распространились и по Волгѣ вплоть до Астрахани и этими станицами было положено основаніе Волжскимъ казакамъ, впослѣдствіи переименованнымъ въ Астраханское казачье войско.

Въ 1584 году донской атаманъ Нечай съ 800 донскихъ и волжскихъ казаковъ пошелъ на Уралъ. Приволье степей, обиліе рыбы въ рѣкѣ настолько прельстили казаковъ, что они навсегда основались тамъ, положивъ собою начало Уральскому или иначе Яицкому казачьему войску.

Всѣ 30 лѣтъ, отдѣляющія взятіе Казани отъ похода Ермака въ Сибирь, Донцы мало того, что безпрерывно воюютъ съ своими ближайшими азіатскими сосѣдями, мало того, что громятъ Астраханское царство, совершаютъ лихіе сухопутные и морскіе набѣги на Тавриду и Турцію и даже нѣсколько разъ покоряютъ турецкій Азовъ, они въ 1576 г. принимаютъ участіе въ такъ называемой «судовой рати», а въ слѣдующемъ году въ составѣ царскихъ войскъ отстаиваютъ Псковъ отъ натиска литовцевъ.

## V.

Насъ учили въ школахъ, мы читали и въ исторіи и въ такъ называемыхъ историческихъ романахъ, что Ермакъ Тимофеевичъ

былъ донской воровской атаманъ и разбойникъ, раскаявшійся и рѣшившій искупить свои тяжкія вины славнымъ подвигомъ.

Такъ-ли это?

Достовѣрныя свѣдѣнія о завоевателѣ Сибири хотя и скудны, но всѣ единогласно говорятъ въ пользу того, что Ермакъ былъ безпорочнымъ служилымъ атаманомъ, а обвиненія его въ разбойничествѣ безусловно голословны.

Народныя пѣсни и преданія свидѣтельствуютъ, что Ермакъ принималъ самое дѣятельное участіе въ покореніи Казани.

Народъ говоритъ: «пѣсня—быль», хотя часто случается, что были эти искажаются позднѣйшими вставками и прибавленіями, но замѣчено, какъ неизмѣнное правило, что искаженія эти касаются исключительно подробностей, но никакъ не главныхъ событій.

Имени Ермака не упоминается ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ того времени, обвиняющихъ казаковъ въ разбояхъ и грабежахъ. Не упоминается оно и въ числѣ атамановъ, заслужившихъ царскую опалу за ограбленіе у Сосноваго острова ногайскихъ пословъ и боярскаго сына Василія Пелепелицына, попавшаго въ эту передрягу едва ли не по ошибкѣ атамановъ Ивана Кольцо, Борбоши и Пана, не распознавшихъ въ немъ царскаго слугу. Вѣроятно потому, что Кольцо и Панъ, приговоренные царемъ къ смертной казни за разгромъ Сарайчика—столицы ногайцевъ и за ограбленіе Пелепелицына, впослѣдствіи явились ближайшими помощниками Ермака въ покореніи Сибири, наши историки, не разобравшись хорошенько, и Ермака причислили къ сонму прославившихся разбоями атамановъ.

Между тѣмъ въ недавно найденной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича отъ 24-го февраля 1623 года, посланной тюменскимъ воеводамъ, между прочимъ, говорится объ атаманѣ Гаврилѣ Ивановѣ: «служилъ-де онъ (Ивановъ)... въ Сибири 42 года, а прежде того онъ служилъ намъ на полѣ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ»...

Около того-же времени въ челобитной Государю тобольскій атаманъ Ильинъ писалъ, что до похода въ Сибирь онъ «двадцать лѣтъ служилъ съ Ермакомъ въ полѣ»...

Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что Ермакъ Тимофеевичъ въ 1560—70 г.г. былъ атаманомъ отряда или станицы, какъ тогда называли, служившей на Полѣ, т. е. повидимому между Волгой и Дономъ, для противодѣйствія ногайскимъ вторженіямъ въ русскія украинныя области.

Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что русскіе историки, писатели и русское общество, хотя и невольно, но много погрѣшили передъ

памятью завоевателя Сибири, несправедливо и огульно установивъ за нимъ репутацію раскаявшагося разбойничьяго атамана?!

Походъ Ермака на Сибирь состоялся не въ 1581 г., какъ ошибочно считали Карамзинъ и Соловьевъ, потому что М. I. Кояловичъ своими серьезными изслѣдованіями доказалъ, что въ этомъ году доблестный атаманъ принималъ участіе въ войнѣ противъ польскаго короля Стефана Баторія и дѣйствовалъ съ своими казаками въ составѣ царской рати подъ Могилевомъ на Днѣпрѣ. Подтверждается это обстоятельство и польскими источниками. Панъ Стравинскій писалъ польскому королю, что 27 іюня 1581 года подъ г. Могилевъ пришла Московская рать, сдѣлала приступъ, разорила предмѣстья и, перечисляя Московскихъ воеводъ упоминаетъ: «четырнадцатый Василій Яновъ, воевода Донскихъ, казаковъ, и пятнадцатый Ермакъ Тимофеевичъ, атаманъ казацкій».

Походъ Ермака на Сибирь состоялся въ 1582 г., что удостовѣряется и грамотами Іоанна Грознаго.

Тоже говоритъ и Костомаровъ... «Что касается до Ермака Тимофеевича, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы онъ принадлежалъ къ разряду волжскихъ удальцовъ, навлекшихъ на себя опалу своими разбоями. Напротивъ оказывается, что, въ качествѣ казацкаго атамана, онъ находился въ царской службѣ и въ концѣ іюня 1581 г., вмѣстѣ съ русскими силами, былъ подъ Могилевомъ на Днѣпрѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1582 году онъ находился въ Перми на царской службѣ, и это доказывается царскою грамотою Строганову, въ которой, дѣлая выговоръ послѣднему за посылку казаковъ за Уралъ, царь приказывалъ возвратить Ермака въ Пермь на мѣсто его службы.

«Какъ бы то ни было, только 1-го сентября 1582 г., казаки снаряженные Строгоновыми, поплыли по Чусовой вверхъ».

Опустошительные набѣги сибирскихъ инородцевъ на Прикамскую окраину, отданную Іоанномъ Грознымъ почти въ полное феодальное владѣніе богатымъ купцамъ Строгановымъ, побудили этихъ умныхъ, предпріимчивыхъ русскихъ людей, въ свою очередь, силою оружія усмирить безпокойныхъ сибиряковъ.

Не думаю, чтобы умные и дальновидные Строгановы, къ тому же купцы, т. е. люди, знающіе цѣну деньгамъ и умѣющіе ихъ считать, снарядившіе военную экспедицію на собственный счетъ, затратившіе на нее огромныя деньги, могли всю судьбу этого государственнаго предпріятія всецѣло вручить въ сомнительныя руки воровского разбойничьяго атамана.

Думается мнѣ, что исполненіе такой важной и дорого стоющей задачи они могли возложить только на человѣка, высокія доблести котораго и незапятнанная честь стояли выше всякихъ подозрѣній.

А за эти качества вѣрнымъ ручательствомъ могла быть только долгая безпорочная служба атамана своему царю.

Только что прибывъ къ Строгановымъ Ермакъ и его казаки показали свою доблесть. Вотъ что пишетъ Карамзинъ: «Они (казаки) подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и (21 іюня) прибыли къ Строгановымъ—«съ радостью и на радость, говоритъ Лѣтописецъ: что хотѣли одни, что обѣщали другіе, то исполнилось: атаманы стали грудью за область христіанскую. Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, тамъ гибли». И дѣйствительно (22 іюля) усердные казаки разбили на голову Мурзу Бегулія, дерзнувшаго съ семью стами Вогуличей и Остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили Вогуличей.» Далѣе читаемъ у Карамзина:.. «Испытавъ бодрость, мужество, вѣрность казаковъ; узнавъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ славнаго Вождя, Ермака Тимофеева, родомъ неизвѣстнаго, душею знаменитаго, какъ сказано въ лѣтописи... добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы, Строгановы объявили походъ, Ермака воеводою и Сибирь цѣлію».

Къ 540 донскихъ казаковъ, служившихъ у Строгановыхъ, «славныхъ по буйству и храбрости», какъ сказано въ лѣтописи, придали 300 охотниковъ изъ стараго строгановскаго наемнаго войска: изъ литовскихъ, нѣмецкихъ и татарскихъ выходцевъ.

Такимъ образомъ, составился отрядъ въ 840 человѣкъ подъ главенствомъ Ермака, съ испытанными въ бояхъ безстрашными атаманами: Иваномъ Кольцо, Яковомъ Михайловымъ, Никитой Паномъ и Матвѣемъ Мещерякомъ.

Сборы были недолгіе: 1-го сентября, соборнѣ отпѣвъ молебенъ, взявъ съ собой толмачей, вожатыхъ, іереевъ, Ермакъ и его казаки съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія на небольшихъ ладьяхъ, нагруженныхъ всевозможными боевыми и съѣстными припасами, пошли вверхъ по рѣкѣ Чусовой.

Походъ съ переваломъ черезъ Уральскій хребетъ былъ труденъ и дологъ. Не разъ имъ приходилось вступать въ битву и разбивать сравнительно небольшія полчища татаръ. Великое дѣло было еще впереди.

Только 22-го октября подъ вечеръ Ермакъ подошелъ на стругахъ по р. Иртышу къ г. Атикъ-Мурзы и здѣсь высадилъ свою дружину на берегъ.

Стемнѣло. На высокихъ холмахъ, поросшихъ дубнякомъ и елями, въ крѣпкой засѣкѣ расположился царь Кучумъ съ своими несмѣтными полчищами. Тысячи огней пылали въ татарскомъ лагерѣ. Оттуда гомонъ голосовъ на много верстъ разносился по рѣкѣ и окрестностямъ.

Тихъ былъ лагерь казаковъ, число которыхъ уже замѣтно уменьшилось—нѣкоторые изъ нихъ полегли въ предыдущихъ бояхъ, другіе были ранены, третьи больны отъ тяжкаго похода и сопряженныхъ съ нимъ непосильныхъ трудовъ. Чуткимъ ухомъ прислушивались русскіе витязи къ крикамъ противниковъ, безстрашные глаза, привыкшіе такъ часто смотрѣть въ глаза смерти, непреоборимой силой приковывались къ безчисленнымъ огнямъ. На утро предстоялъ бой.

Казаки прикидывали въ умѣ, сколько же враговъ на каждаго изъ нихъ?

Примѣрный подсчетъ оказывался слишкомъ неутѣшительнымъ.

Безтрепетныя сердца поколебались...

Какъ всегда въ рѣшительныхъ случаяхъ, такъ и тутъ, по казачьему обычаю, близъ полуночи собрался кругъ на обширной лѣсной прогалинѣ, надъ обрывомъ, у глухо и грозно внизу въ темнотѣ бурлящаго Иртыша.

Сумрачны были лица, молчаливы уста. Одна тяжелая, малодушная мысль лежала у всѣхъ невысказанной на сердцѣ.

Даже храбрые изъ храбрыхъ атаманы, сотники и пятидесятники были молчаливы и угрюмы.

Но вотъ кто то не выдержалъ, у кого-то сорвались крылатыя слова:

— Идти назадъ!

И эти слова, какъ общій вздохъ, пронеслись по кругу.

— Идти назадъ... Съ ними не справиться. Лучше и не пробовать. Гдѣ же? Ишь сколько ихъ! На одного сотня, а то и больше. Навалятся—задавятъ, прямо задавятъ...

И малодушное рѣшеніе было готово.

Въ глухо шумящій, волнующійся кругъ своей быстрой, твердой поступью вошелъ Ермакъ.

Смоляной факелъ освѣщалъ его съ головы до ногъ.

Хорошаго роста, на диво сложенный, широкій въ плечахъ, подобранный въ станѣ, съ благородной и величавой осанкой, онъ представлялъ собою внушительную фигуру витязя-вождя.

Красные отблески огня въ темнотѣ ночи играли на стали его шлема и кольчуги.

Онъ взялся за шлемъ.

— Помолчи, честная станица! Атаманъ слово держать будетъ!— возгласилъ войсковой эсаулъ.

Стихъ казачій кругъ и безшумно, уже и плотнѣе сомкнулся около вождя.

Атаманъ, не спѣша, снялъ шлемъ. Сѣдѣющія черныя кудри раз-

сыпались вокругъ его шеи и упали на бѣлый лобъ надъ загорѣлымъ рѣшительнымъ лицомъ.

— Идти назадъ?—тихо, но сурово переспросилъ Ермакъ, обводя товарищей сумрачнымъ взглядомъ.

Всѣ съ непокрытыми головами, потупясь, молчали.

Презрительная улыбка скользнула по губамъ атамана.

— Я васъ спрашиваю, атаманы-молодцы: назадъ идти?

Голосъ Ермака повысился.

Тишина не прерывалась. Никто не поднялъ понурой головы, никто не смѣлъ взглянуть отважному вождю въ лицо.

— Идти назадъ?!—какъ бы въ раздумьѣ негромко продолжалъ Ермакъ.—Возвращаться безъ припасовъ черезъ мертвыя пустыни и горы, пѣшкомъ по снѣгу, когда не нынче-завтра рѣки замерзнутъ... Что-жъ? Съ какими же глазами вернуться къ Строгановымъ и что сказать имъ? А можетъ,—при этомъ голосъ атамана повысился, махнуть ужъ прямо домой, товарищи, и какъ воры, тишкомъ, миновать Строгановыхъ, да прямикомъ на Тихій Донъ? Такъ, что-ли? Насъ спросятъ дома старики, спросятъ товарищи и всечестной кругъ войсковой: вы пропадали долго, какъ царю служили, какую славу Дону принесли? что жъ мы отвѣтимъ, товарищи?

Гробовая тишина теперь нарушалась только вздохами богатырскихъ грудей. Минутное малодушіе отлегало отъ мужественныхъ сердецъ.

Ермакъ продолжалъ свою рѣчь. Могучій голосъ его окрѣпъ; соколиные глаза подъ черными бровями пламенѣли отвагой и несокрушимой вѣрой въ успѣхъ.

— Мы пришли покорить царство басурманское подъ высокую государскую руку, мы въ томъ у Строгановыхъ цѣловали крестъ и клялись крѣпкой клятвою, мы Строгановыхъ ввели въ большіе изъяны, а теперь ни съ чѣмъ отступимъ. Какъ это называется, атаманы-молодцы? Нѣтъ, товарищи, не посрамимъ себя побѣгомъ, лучше ужъ, если судилъ Богъ, помремъ всѣ тутъ до единаго, за то слава о насъ будетъ вѣчна...

— Да, лучше умремъ, а не отступимъ! закричали въ кругу.

— Умирать—дѣло послѣднее, всякій сумѣетъ, какъ—бы въ раздумьѣ замѣтилъ атаманъ. Наша думка казачья—побѣдить. Съ тѣмъ и шли сюда. И надо побѣдить!

Казаки точно переродились. Бодрый духъ-залогъ побѣды, покинувшій было ихъ, Ермакъ снова вдохнулъ въ ихъ сердца.

— Побѣдимъ, побѣдимъ!—громовымъ раскатомъ пронеслось въ воодушевленномъ казачьемъ кругу, всполошивъ въ засѣкѣ засыпающаго врага.

— Аминь! сказалъ атаманъ.

— Аминь! откликнулся войсковой кругъ.

На развѣтѣ 23-го октября небольшая кучка витязей, колѣнопреклоненно свершивъ общую молитву, имѣя впереди себя атамановъ и Ермака, рядомъ съ которымъ развѣвалось знамя, въ грозномъ молчанiи, нерушимой стѣной пошла на многолюдный укрѣпленный лагерь Кучума.

Тучи стрѣлъ полетѣли въ казаковъ. Съ ихъ стороны загремѣли пушки и ружья, засвистали пули, дымомъ заволокло окрестность.

Не могли казаки разбить Кучумовы засѣки и ворваться въ лагерь, да они объ этомъ и не думали. Мысль Ермака заключалась въ томъ, чтобы раздражить врага и вызвать его на просторъ. Дѣйствительно, къ полудню перестрѣлка прекратилась. Татары, видя малочисленность казаковъ, сами проломили въ трехъ мѣстахъ засѣки и бурными людскими потоками ринулись на витязей, надѣясь раздавить ихъ численностью.

— Съ нами Богъ! крикнулъ Ермакъ и съ обнаженнымъ мечемъ кинулся на толпу татаръ.

Закипѣлъ страшный рукопашный бой. «И бысть сѣча зла,— говоритъ лѣтописецъ,—за руки емлюще сѣчахуся», т. е. враги хватали другъ друга за руки и наносили смертельные удары.

Ермакъ, Иванъ Кольцо и другiе атаманы рубились въ переднихъ рядахъ, подавая собою примѣръ мужества. Вокругъ нихъ валились трупы убитыхъ враговъ. Всякiй боецъ ермаковой дружины сознавалъ, что надо побѣдить или умереть, иного выхода нѣтъ и всякiй напрягалъ всѣ свои силы, не было отсталыхъ, не было малодушныхъ, всѣ старались быть достойными своихъ атамановъ.

Съ остервенѣнiемъ, съ яростью дрались полчища Маметкула, кучами падали подъ могучими ударами казаковъ, но ихъ смѣняли новыя свѣжiя толпы.

Къ вечеру татары стали ослабѣвать, ряды ихъ замѣтно рѣдили. Несмотря на усталость отъ безперерывнаго боя въ продолженiе цѣлаго дня, казаки бились съ прежней всесокрушающей энергiей.

Наконецъ, Маметкулъ—племянникъ Кучума, предводитель и душа татарскихъ полчищъ оказался тяжело раненымъ, по преданiю, мечемъ Ермака. когда эти два витязя въ пылу сѣчи сошлись лицомъ къ лицу.

Мурзы взяли его, истекающаго кровью, съ поля битвы и въ легкой ладьѣ переправили на противоположный берегъ Иртыша.

Вѣсть о ранѣ вождя съ быстротой мысли облетѣла уже потрясенныя и разстроенныя боемъ полчища татаръ. Они дали тылъ.

Казаки до самой ночи безпощадно рубили бѣгущихъ и, наконецъ, водрузили свои знамена на самой засѣкѣ.

Сраженiе было столь гибельно для сибиряковъ, что, по словамъ

лѣтописи—окрестныя поля «очервленились ихъ кровью, устлались трупіемъ мертвыхъ и во многихъ мѣстахъ стояла кровь блатами». Кучумъ въ отчаяніи съ остатками разбитыхъ полчищъ бѣжалъ въ Ишимскія степи, оставивъ на произволъ судьбы свою столицу.

Всю ночь не спали казаки, перевязывали раны, рыли могилы, отпѣвали и хоронили убитыхъ товарищей. Ихъ оказалось 107 человѣкъ—уронъ, слишкомъ ощутительный для небольшого отряда Ермака.

Имена этихъ героевъ, на полѣ брани животъ свой положившихъ во славу отечества, донынѣ поминаются въ соборной Тобольской церкви.

На утро, отпѣвъ благодарственный молебенъ, Ермакъ съ своей дружиной двинулся къ Искеру—столицѣ Кучума и занялъ его безпрепятственно, потому что всѣ жители и самъ царь сибирскій, не успѣвъ даже захватить всѣхъ своихъ сокровищъ, въ паническомъ страхѣ бѣжали изъ него.

## VI.

Основавшись въ Искерѣ, Ермакъ дѣлалъ тяжелые походы далеко внутрь Сибири, покоряя подъ высокую государеву руку новыя племена, которыя потомъ присягали быть вѣрными Россіи «до вѣка, покамѣстъ изволитъ Богъ вселенной стоять».

Такъ покорилъ Ермакъ всю сѣверо-западную Сибирь до Оби и Тобола, а потомъ, возвратившись въ Искеръ, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы устроить мирный, спокойный бытъ покореннымъ.

По свидѣтельству современниковъ, онъ оказался правителемъ мудрымъ, кроткимъ и справедливымъ. Покорныхъ онъ миловалъ и ласкалъ, противящихся громилъ, измѣнникамъ не давалъ пощады, среди своихъ дружинниковъ поддерживалъ строгую дисциплину и каралъ тѣхъ изъ нихъ, кто обижалъ мирныхъ жителей. Къ развитію промысловъ и торговли среди новыхъ подданныхъ русскаго царя онъ прилагалъ неусыпныя заботы.

Всѣмъ этимъ онъ быстро снискалъ себѣ довѣріе и даже любовь сибирскихъ племенъ. Въ Искеръ и въ другіе города и селенія возвращались жители и находили жилища свои цѣлыми и имущество нерасхищеннымъ.

Вотъ свидѣтельство о немъ Карамзина: Ермакъ, «оказавъ себя героемъ неустрашимымъ, вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ, завоеванной ими, на краю свѣта, не смѣли тронуть ни волоса

у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое дѣло студное... Казаки его, по сказанію Тобольскаго лѣтописца, и въ пути, и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились»!

Въ ту же зиму послѣ кровопролитнаго боя Ермакъ взялъ въ плѣнъ перваго сибирскаго витязя Маметкула, принялъ его съ великою честью,—говорится въ лѣтописяхъ,—уваживъ въ немъ царственный санъ и высокое мужество.

Завоевавъ Россіи Сибирь, Ермакъ по веснѣ послалъ въ Москву станицу во главѣ съ приговореннымъ къ казни атаманомъ Иваномъ Кольцо бить челомъ новымъ царствомъ Сибирскимъ.

Станица была принята Грознымъ царемъ съ великою честью.

«Давно не было, по словамъ лѣтописца, такого веселья въ Москвѣ унылой».

Радовался царь, радовался народъ.

Царь богато одарилъ посольство, простилъ всѣ вины Ивану Кольцо и другимъ казакамъ, допустилъ каждаго къ своей рукѣ, Ермаку пожаловалъ титулъ князя Сибирскаго, шубу съ своего плеча, богатую кольчугу и шлемъ.

Вмѣстѣ съ станицей былъ отправленъ въ Сибирь вспомогательный стрѣлецкій отрядъ.

Велика была и радость Ермака, осыпаннаго царскими милостями и помощью. Герой ликовалъ и не зналъ, чѣмъ отдарить прибывшаго воеводу и стрѣльцовъ.

Но это было, кажется, послѣднее ликованіе великаго атамана.

Стрѣльцы пришли въ Искеръ къ зимѣ и совершенно неожиданно для Ермака. Продовольственныхъ запасовъ оказалось недостаточно для такого большого числа людей. Снѣга въ эту зиму стояли необычайно глубокіе, мѣшавшіе подвозу хлѣба. Въ отрядѣ появилась цынга. Сперва заболѣли ею стрѣльцы, не привыкшіе къ чужому климату. Отъ нихъ болѣзнь перешла на казаковъ. Умеръ воевода царскій, князь Болховской и почти половина русской боевой силы въ Сибири послѣдовала за нимъ въ могилу.

Татары подняли головы и въ концѣ концовъ обложили Искеръ со всѣхъ сторонъ несмѣтной ратью. Планъ былъ хитроумно придуманъ. Желѣзное кольцо, въ которомъ оказался Искеръ съ наполовину больными казаками и стрѣльцами, было настолько широкое, что ядра русскихъ пушекъ не могли долетать до татаръ, идти же малочисленнымъ казакамъ приступомъ на окопавшихся и загородившихся повозками враговъ равносильно было подвергнуть себя вѣрному разстрѣлу изъ луковъ. Татары разсчитывали выморить казаковъ голодомъ.

Три мѣсяца продолжалась осада, и наконецъ Ермакъ, предвидя въ дальнѣйшемъ полную гибель, рѣшился на отчаянное и рискованное дѣло. Самъ онъ съ частью отряда остался охранять городъ, а другую часть подъ начальствомъ атамана Мещеряка послалъ на вылазку. 12 іюля темною ночью Мищерякъ вывелъ свой отрядъ изъ города, тихо, ползкомъ, пробрался къ татарскому лагерю и напалъ на враговъ съ оглушительнымъ крикомъ.

Тѣ такъ поражены были неожиданностью, что со сна въ суматохѣ падали подъ ударами казаковъ и рубили другъ друга.

Вся дальнѣйшая короткая жизнь атамана прошла въ тяжкихъ заботахъ, трудахъ, походахъ и битвахъ.

Убѣдившись, что въ открытомъ бою никакъ не сладить съ горстью русскихъ витязей, татары измѣнили тактику.

Свирѣпый Карача, вельможа скитавшагося въ степяхъ слѣпого царя Кучума, притворился вѣрноподданнымъ русскаго государя и другомъ казаковъ.

Разъ онъ зазвалъ къ себѣ въ гости атамана Ивана Кольцо съ 40 казаками, угостилъ ихъ и когда простые сердцемъ, честные витязи, ничего не подозрѣвая, безоружные, остались у него ночевать, по приказу Карачи они всѣ были перерѣзаны сонными.

Гибель Кольцо—лучшаго и храбрѣйшаго изъ атамановъ, правой руки Ермака, было жестокимъ ударомъ для князя Сибирскаго.

Одинъ за другимъ погибли въ битвахъ доблестные атаманы: Яковъ Михайловъ и Никита Панъ.

Дошла очередь и до атамана-князя. Отъ коварства враговъ и собственной непонятной безпечности, которую Карамзинъ называетъ неумолимымъ рокомъ и объясняетъ тѣмъ, что атаманъ былъ уже до крайности утомленъ жизнью, Ермакъ погибъ въ волнахъ Иртыша въ дождливую бурную ночь на 6 августа 1584 года.

Ложно увѣдомленный татарами, что полчища Кучума не пропускаютъ караванъ бухарскихъ купцовъ къ Искеру, Ермакъ, рѣшительный и быстрый въ своихъ дѣйствіяхъ, нисколько не медля, рано утромъ 5 августа, взявъ съ собой 49 казаковъ, пошелъ освобождать купеческіе караваны и наказать вѣроломныхъ татаръ.

Весь день пробродивъ вдоль рѣки по лѣсамъ и болотамъ, Ермакъ съ дружиной нигдѣ не увидѣлъ и слѣда судовъ или татаръ.

Между тѣмъ посланные Карачей развѣдчики, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія казаковъ, зорко слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ.

Вечеромъ, утомленный безплодными поисками, маленькій отрядъ расположился на ночевку на берегу Иртыша.

Наступила ночь дождливая и бурная.

Казаки спали въ своихъ шатрахъ мертвымъ сномъ, по необъ-

яснимой оплошности не озаботившись даже поставить стражи, хотя по опыту имъ хорошо было извѣстно, что татары всегда слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ.

Между тѣмъ, пользуясь темнотою ночи, завываніемъ бури, громомъ и шумомъ дождя, татары осторожно подкрались къ казачьему становищу, окружили его плотнымъ кольцомъ и молча, дружной толпой кинулись рѣзать сонныхъ и безоружныхъ.

Стоны, крики, предсмертное хрипѣніе раненыхъ и умирающихъ товарищей пробудили Ермака.

Вспомнился ли атаману родной тихій Донъ, долгая вѣрная служба царю, сказочныя побѣды и завоеваніе цѣлаго царства?..

И вдругъ все гибнетъ изъ-за небольшой оплошности и смерть заглядываетъ въ глаза...

Живо, схвативъ оружіе и покрывъ голову шлемомъ, Ермакъ выскочилъ изъ шатра, зычнымъ голосомъ скликая и ободряя своихъ вѣрныхъ соратниковъ...

Но вмѣсто казаковъ, большинство которыхъ уже покоилось вѣчнымъ сномъ, а остальныхъ добивали враги, на атамана наскочили цѣлыя толпы татаръ.

Своимъ тяжелымъ мечемъ прокладывая кровавый путь среди насѣдавшихъ враговъ, Ермакъ пробился къ крутому берегу Иртыша къ своимъ лодкамъ и, улучивъ минуту прыгнулъ въ воду.

Тяжелый стальной панцырь и шлемъ—подарки царя затрудняли витязю борьбу съ бурными волнами, и атаманъ, не доплывъ до ближней лодки, утонулъ.

Изъ всѣхъ 50 казаковъ какимъ-то чудомъ спасся только одинъ, принесшій въ Искеръ, какъ громомъ поразившую казаковъ, ужасную вѣсть.

Живо собрался казачій кругъ «думать думушку единую».

Изъ всѣхъ атамановъ, пришедшихъ съ Ермакомъ въ Сибирь, уцѣлѣлъ только одинъ Матвѣй Мещерякъ. Около него теперь столпились осиротѣлые витязи.

Не шуменъ былъ казачій кругъ. Сумрачны и горестны суровыя лица, покрытыя рубцами и шрамами, на закаленныхъ въ бранныхъ испытаніяхъ сердцахъ накипали невыплаканныя слезы. Молча и угрюмо оглядывали другъ друга витязи. Какъ порѣдѣли ихъ богатырскіе ряды! Сколько славныхъ полегло въ этой чуждой, непривѣтной, далекой сторонѣ. Всего-на-всего какихъ-нибудь полтораста человѣкъ насчитывали они теперь въ своей дружинѣ. Наконецъ, великій атаманъ, ведшій ихъ къ сказочнымъ побѣдамъ, погибъ... и вмѣстѣ съ нимъ сгинула чудодѣйственная воля, умерла въ нихъ вѣра въ свое дѣло и не осталось надежды на будущее. Сердца

ихъ опустошены. Теперь не устоять имъ, малымъ числомъ, передъ несмѣтными толпами ободренныхъ враговъ...

Взоры всѣхъ неотступно обращались къ Мещеряку.

Атаманъ снялъ шапку.

Обнажились головы всѣхъ казаковъ...

Мертвая тишина...

Тяжело было Мещеряку говорить и странно, глухо прорѣзалась печальная рѣчь его.

Онъ говорилъ о томъ, что всѣмъ было ясно, что у всѣхъ, какъ неизбѣжное рѣшеніе, лежало на сердцѣ, но чего никто не рѣшился бы высказать вслухъ.

Атаманъ говорилъ о невозможности дальнѣйшей борьбы, о безвыходности ихъ положенія....

И кругъ единогласно постановилъ бросить политый ихъ кровью край, идти на родину, донести обо всемъ царю, предоставивъ все дѣло его могучей волѣ.

Съ понуренными головами пошли казаки обратно въ Россію.

Ихъ отступленіе изъ завоеваннаго края походило на путь львовъ, окруженныхъ стаями шакаловъ, сопровождавшихъ ихъ радостно-злобнымъ воемъ, но не смѣвшихъ броситься на малочисленныхъ царей пустыни.

Татары издали слѣдили за казаками, но не задирали непобѣдимыхъ воиновъ, страшныхъ даже въ своей малочисленности.

Но по мѣрѣ того, какъ приближались казаки къ границамъ Россіи, ихъ опечаленные взоры все чаще и чаще обращались въ сторону покидаемой земли, въ головахъ роились тяжелыя, безпокойныя думы, на сердце налегала тоска и сожалѣніе о брошенномъ краѣ.

Многіе уже поговаривали о томъ, чтобы опять вернуться въ Сибирь, хотя бы для того, чтобы лечь въ могилы рядомъ съ товарищами и незабвеннымъ атаманомъ.

Пройдя длинный трудный путь до р. Туры, казаки неожиданно встрѣтили царскаго воеводу Ивана Мансурова, шедшаго съ сильнымъ отрядомъ въ Сибирь на помощь завоевателямъ.

Радости казаковъ не было предѣловъ.

Мещерякъ и его дружина сознали, что та чуждая земля, которую они покидали, была имъ дороже старой родины. Оттого-то при разставаніи съ нею такъ невыносимо болѣли ихъ сердца, нѣмой укоръ отягощалъ ихъ души.

Пролитая ими кровь, могилы боевыхъ товарищей, великій духъ ихъ незабвеннаго атамана, осязательно рѣющій надъ городами, весями, надъ дремучими лѣсами и долами этой земли, властно звали ихъ сюда, въ этотъ край, ставшій имъ второй родиной.

И всѣ до единаго казаки вмѣстѣ съ отрядомъ Мансурова ушли въ Сибирь на новые подвиги и труды.

Эти остатки Ермаковой дружины положили основаніе Сибирскому казачьему войску.

## VII.

Между тѣмъ на Дону продолжалась безпрерывная кровопролитная война. Казаки не только побѣдоносно боролись у себя дома съ азіатскими сосѣдями, но переносили свое оружіе и далеко за предѣлы своей родины.

Дошедшія до насъ грамоты того времени свидѣтельствуютъ, что крымскіе и ногайскіе ханы и турецкіе султаны такъ же какъ и прежде, въ своихъ представленіяхъ безпрерывно настаиваютъ передъ Московскими царями, чтобы тѣ свели казаковъ съ Дона, иначе у нихъ мира и дружбы съ Россіей не будетъ.

Дальновидные Московскіе владыки все такъ же попрежнему неизмѣнно отписываютъ, что «казаки донскіе и волжскіе не наши— люди вольные, живутъ и ходятъ безъ нашего вѣдома», а подъ шумокъ время отъ времени посылаютъ тѣмъ казакамъ жалованье и милостивыя грамоты.

Вообще московскіе цари сознавали, что хотя донскіе казаки въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами часто причиняли своимъ владыкамъ много хлопотъ и дипломатической волокиты, но удаленіе казаковъ съ Дона они считали предпріятіемъ невыполнимымъ и самоубійственнымъ для Россіи, потому что донцы являлись единственной организованной добровольной и грозной стражей Руси на нашей обширной юго-восточной окраинѣ. Съ удаленіемъ казаковъ съ Дона эта длинная граница была бы совершенно обнажена и подставлена подъ безпрепятственные удары крымскихъ, турецкихъ и ногайскихъ полчищъ.

Слѣдовательно, тѣ дипломатическія неудобства, которыя создавались воинственностью казаковъ, въ неизмѣримой степени искупались той пользой, которую они приносили Московскому государству.

При Феодорѣ Іоанновичѣ вѣрная служба донцовъ цѣнилась настолько высоко, что жалованье, выдававшееся казакамъ при Іоаннѣ Грозномъ неопредѣленно и случайно, выплачивалось теперь постоянно въ опредѣленные сроки.

Но такое отношеніе круто измѣнилось при вступленіи на престолъ Бориса Годунова.

Простымъ, безхитростнымъ сердцамъ донцовъ—этихъ прирожденныхъ воиновъ, съ дѣтскихъ лѣтъ до могилы сражавшихся за русское дѣло съ татарвой, которую они презирали за постоянныя

клятвопреступленія и вѣроломство, — не любъ былъ на престолѣ св. Владиміра татарскій отпрыскъ и ничего добраго отъ него они не ждали.

Они, эти всезнающіе вѣстовщики Московскаго царства, не были безграмотными въ общей политикѣ и потому отлично помнили, какую роль игралъ Годуновъ при двухъ послѣднихъ царяхъ Рюрикова дома, какими злодѣяніями и ухищреніями добивался Борисъ Московскаго престола.

И тогда, когда вся Россія сперва притворно умоляла, потомъ подъ палками выбирала Бориса на царство, донцы, обезпокоенные, сконфуженные тѣмъ, что на Руси творится нѣчто противоестественное, глубоко неладное, молчали.

Они безъ сопротивленія вмѣстѣ со всей Россіей присягнули Годунову, но на Дону было смятеніе, уныніе и ожиданіе чего-то дурного. Не было подъема, не замѣчалось ни малѣйшаго воодушевленія. Поведеніе донцовъ и ихъ ропотъ на избраніе Бориса въ цари дошелъ до его ушей.

Себялюбивый и подозрительный, царь былъ больно уязвленъ такимъ недовѣріемъ и нелюбовью къ нему казаковъ, и могущественный владыка сталъ мстить маленькому боевому племени.

Прежде всего онъ лишилъ донцовъ жалованья и тѣхъ даровъ, какими обыкновенно цари награждали казаковъ за ихъ службы, не посылалъ имъ грамотъ, какъ бы давая этимъ понять, что въ составѣ русскаго государства ихъ какъ бы нѣтъ совсѣмъ.

Для безженныхъ рыцарей, жившихъ войной и добычей, скудное царское жалованье и дары не имѣли почти никакого матеріальнаго значенія.

Со стороны же нравственной такое отверженіе царя, которому они, хотя и неохотно, но все-таки присягнули и вѣрно служили, для казаковъ было большимъ ударомъ.

Они, оторванные отъ родины, заброшенные въ дикомъ Полѣ, вѣчно окруженные врагами, вѣчно смертно борющіеся съ ними, видѣли выраженіе связи съ великой Россіей именно, съ одной стороны, въ своей тяжелой службѣ, съ другой—въ милостяхъ и вниманіи царскихъ.

Тутъ этой связи пришелъ конецъ. Она оборвана рукой самого Московскаго Вѣнценосца. Казаки почувствовали себя заброшенными, одинокими. Дотолѣ полная смысла жизнь ихъ теперь оказалась сплошной безсмыслицей. Прежде они были въ постоянныхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Москвой, слали туда станицу за станицей, теперь, подъ страхомъ смертной казни, запрещено кому-либо изъ нихъ появляться въ столицѣ русскаго царства.

Несмотря на такія обиды, несмотря на полное отверженіе ихъ

службы со стороны царя, инстинктъ государственности у этихъ безграмотныхъ русскихъ воиновъ говорилъ сильнѣе и громче личнаго самолюбія. Казаки своей привычной службы передовой стражи на границахъ Россіи не только не оставили, но даже и не ослабили.

Въ 1598 году, т. е. въ пору разгара царскихъ немилостей, донцы имѣютъ на границахъ кровопролитныя сшибки съ крымцами, берутъ плѣнъ и узнаютъ, что крымскій ханъ съ своей многочисленной ордой, подкрѣпленной 7 тысячами турокъ, намѣренъ вторгнуться въ предѣлы Россіи.

Не смѣя послать вѣстовую станицу прямо въ Москву, потому что посланцы, согласно приказу царя, могли за это поплатиться жизнью, донцы немедленно извѣщаютъ о грядущемъ нашествіи ближайшаго царскаго воеводу въ Новомъ Осколѣ, прося его какъ можно скорѣе увѣдомить объ этомъ царя.

Борисъ на эту казачью услугу отвѣтилъ тѣмъ, что въ томъ же году построилъ на Донцѣ городокъ Царевъ-Борисовъ, поставилъ въ немъ сильный гарнизонъ, укрѣпилъ его и вооружилъ пушками, извѣстивъ крымскаго хана, что крѣпость эта воздвигнута имъ исключительно для обузданія донскихъ казаковъ.

Донцы растолковали этотъ поступокъ такъ, что въ царѣ Борисѣ заговорила его татарская кровь, что кровныя узы родства царь ставитъ выше интересовъ русскаго народа и ихъ, православныхъ русскихъ людей, вѣрныхъ слугъ родины, головой выдаетъ татарину—ихъ заклятому врагу.

Тутъ сердцемъ они окончательно отвернулись отъ Бориса, но объ измѣнѣ ему и не думали.

Вскорѣ царь издалъ указъ, которымъ казакамъ воспрещался въѣздъ не только въ Москву, но и во всѣ русскіе города. Каждаго казака, перешедшаго границы своей области, приказано было хватать, безъ суда ввергать въ темницы, сажать въ воду, вѣшать и убивать. И приказанія царя исполнялись. Казаковъ хватали въ русскихъ городахъ, вѣшали, топили и убивали.

Наконецъ, зная, что на Дону не сѣется хлѣбъ, не производится никакихъ товаровъ, что матеріи, кожи, одежда, обувь и хлѣбъ привозятся изъ Россіи, царь запретилъ Московскимъ купцамъ подъ страхомъ суровыхъ каръ ѣздить на Донъ и возить туда какіе бы то ни было товары.

Этимъ онъ билъ казаковъ по самому больному мѣсту, желая это ненавистное ему маленькое племя выморить голодомъ.

Смутенъ и безпокоенъ былъ Тихій Донъ въ годы Борисова царствованія. Однако никакихъ бунтовъ не было еще на Дону. Казаки и послѣ такихъ оскорбительныхъ царскихъ

гоненій честно несли свою многотрудную, отвергнутую царемъ службу Россіи, никому на свое тяжкое положеніе не жаловались, но ихъ взоры часто оборачивались къ сѣверу, невеселыя думы бродили въ кудрявыхъ казачьихъ головахъ, а сердца не могли не жаждать перемѣнъ къ лучшему.

## VIII.

И вотъ изъ Россіи пришла сперва робкая вѣсть, что гдѣ-то въ Литвѣ объявился царевичъ Димитрій, младшій сынъ Грознаго царя, котораго давно считали погибшимъ отъ руки подосланныхъ Годуновымъ убійцъ.

Разсказывали, что тогда былъ убитъ другой мальчикъ, царевичъ же былъ спасенъ вѣрными людьми, и гдѣ-то скрывался до сего времени.

Нигдѣ съ такимъ жаднымъ вниманіемъ не слушали разсказы о появленіи своего прирожденнаго царя, нигдѣ его такъ страстно не ждали, какъ на Дону.

Ожиданія стали оправдываться. Говорили, что царевичъ уже собираетъ войско и не нынче-завтра позоветъ преступника—Бориса къ грозному, кровавому отвѣту.

Затрепетали казачьи сердца. По пустынному, дотолѣ унылому Полю чаще замелькали конныя фигуры казаковъ. Донцы стали чаще съѣзжаться въ своихъ юртахъ, совѣщаться и дѣлиться между собою свѣжими вѣстями. Но никто самовольно, безъ рѣшенія главнаго войска и не подумалъ измѣнить царю Борису.

Между тѣмъ тотъ таинственный человѣкъ, который въ нашей исторіи слыветъ подъ именемъ Григорія Отрепьева, Лжедимитрія 1-го и Самозванца (будемъ и мы называть его такъ), въ то время, т. е. въ 1603 году, находился въ Польшѣ.

Несмотря на то, что и могущественные іезуиты, и польское панство, и самъ король польскій обѣщали этому человѣку всяческую поддержку къ осуществленію его грандіозныхъ плановъ, положеніе его было не изъ завидныхъ. Кромѣ польскаго и литовскаго сброда, въ боевомъ отношеніи величины ничтожной, стремившейся только нажиться на разореніи и ограбленіи Россіи, у него другихъ войскъ не было.

Лжедимитрій—человѣкъ сообразительный и умный, отлично видѣлъ, что положиться ему на хитрыхъ іезуитовъ, на кичливое панство и на тѣ боевыя силы, которыя давала ему Польша, нельзя. Это значитъ сразу обречь себя на полную неудачу, тогда какъ въ его дѣлѣ—счастливое начало опредѣляло уже и успѣшный исходъ. Онъ великолѣпно былъ освѣдомленъ о настроеніи умовъ

въ Россіи, зналъ, что бояре готовы измѣнить Борису, лишь бы они были увѣрены въ томъ, что тотъ, ради котораго они измѣняютъ, превосходилъ царя ратною силою, а народъ былъ взволнованъ вѣстью о спасенномъ царевичѣ и ждалъ его появленія.

Зналъ Лжедимитрій и то, что Борисъ своимъ несправедливымъ, тупымъ и жестокимъ отношеніемъ къ донцамъ возбудилъ обиду и злобу къ себѣ въ сердцахъ этихъ твердыхъ и мужественныхъ воиновъ.

Ихъ боевыя качества онъ расцѣнивалъ по справедливости очень высоко.

Онъ зналъ, что эти храбрые, вѣрные, находчивые и опытные въ бояхъ, превосходно владѣющіе оружіемъ воины, даже сравнительно въ небольшомъ числѣ, стоили цѣлой арміи.

Еслибъ удалось переманить донцовъ на свою сторону, Лжедимитрій былъ увѣренъ, что тогда ему до царскаго вѣнца рукой подать.

На Донъ былъ отправленъ литвинъ Свирскій съ грамотой, въ которой Лжедимитрій писалъ, что онъ—истинный сынъ перваго бѣлаго царя, которому эти вольные христіанскіе витязи присягали въ вѣрности, что у него измѣною и злодѣйствомъ Годуновъ похитилъ престолъ, и онъ звалъ донцовъ свергнуть раба съ отеческаго трона.

Съ глубокимъ волненіемъ слушали эту грамоту казаки, и каждое слово ея находило сочувственный откликъ въ ихъ оскорбленныхъ сердцахъ.

Развѣ неправда, что Борисъ былъ рабомъ Грознаго царя, развѣ онъ—не злодѣй, разъ хотѣлъ умертвить царевича и подсылалъ къ нему убійцъ, развѣ не предатель, если ихъ, вѣрныхъ своей присягѣ православныхъ русскихъ людей, предавалъ крымскому хану, строилъ противъ нихъ крѣпость, всячески преслѣдовалъ, казнилъ, даже хотѣлъ извести голодомъ и для этого запрещалъ московскимъ торговымъ людямъ привозить къ нимъ на Донъ хлѣбъ и товары?

Зашумѣлъ Тихій Донъ снизу до верху. Точно лучи вешняго южнаго солнца растопили глубокіе снѣга, и заговорили, заиграли бурлящей водой всѣ балочки, рытвины и овраги. Притихшее, унылое, точно долго и напряженно—прислушивавшееся къ чему-то важному Поле вдругъ загомонило, зашумѣло тысячами громкихъ голосовъ. Ключемъ забила жизнь. По всѣмъ направленіямъ летали конные гонцы, вездѣ мелькали лихо заломленные на бекрень высокія казачьи шапки съ разноцвѣтными верхами на молодецкихъ головахъ. Точно лазоревыми цвѣтами брызнула неоглядная степь.

Всѣ способные носить оружіе казаки сзывались въ главное войско для обсужденія великаго дѣла.

И живописными толпами неслись всадники къ главному войску. Весь Донъ съ притоками быстро опустѣлъ и жизнь необозримаго Поля сосредоточилась и полновѣсно забилась въ маленькомъ центрѣ—въ бѣдномъ казачьемъ городкѣ Раздорахъ.

Состоялся многолюднѣйшій войсковой кругъ. Прочли грамоту Лжедимитрія.

Никто не спорилъ. Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что призывающій ихъ подъ свои знамена человѣкъ есть подлинный царевичъ Димитрій.

Но казаки оказались людьми далеко не легковѣрными.

На кругу они долго совѣщались, какъ узнать, что человѣкъ, зовущій ихъ на такое важное, кровавое дѣло подъ свои знамена, есть подлинный сынъ Грознаго царя, а не ловкій обманщикъ?

Положеніе ихъ было тѣмъ болѣе затруднительно, что никто изъ донцовъ никогда не видалъ въ лицо царевича Димитрія.

Въ концѣ концовъ кругъ рѣшилъ послать къ нему сперва своихъ довѣренныхъ людей съ крѣпкимъ наказомъ: всяческими способами разузнать, подлинный ли царевичъ зоветъ ихъ? И эту важную задачу войско возложило ни на кого другого, а на самыхъ лучшихъ и самыхъ опытныхъ людей въ своей средѣ—на войскового атамана Андрея Карелу и неподкупнаго старѣйшину Михайлу Нѣжакова. Донскіе послы со свитой прибыли въ Краковъ въ то время, когда тамъ собрался польскій сеймъ съ королемъ во главѣ. Съѣздъ пановъ со своей многочисленной челядью, шляхты, духовенства и разнаго званія людей былъ чрезвычайный.

Карела и Нѣжаковъ, твердо помня крѣпкій наказъ войскового круга, немного знакомые съ польскимъ языкомъ, толкались по всѣмъ базарамъ и площадямъ, вмѣшивались въ народныя толпы, зорко ко всему приглядывались и внимательно прислушивались къ разговорамъ и толкамъ.

Вездѣ они слышали одно и то же, т. е., что въ Краковѣ сейчасъ гоститъ сынъ Грознаго царя, чудесно спасенный отъ руки подосланныхъ Годуновымъ убійцъ и что король, сеймъ, паны и духовенство готовы помочь ему добыть московскій престолъ.

Наконецъ донскіе атаманы были представлены Лжедимитрію. Они увидѣли его въ обществѣ короля, окруженнымъ гордыми раззолоченными панами и іезуитами.

И король, и паны и іезуиты оказывали Лжедимитрію царскія почести.

Въ обращеніи съ атаманами Лжедимитрій выказалъ много ума,

такта и обаянія, усердно честилъ ихъ и, отпуская на Донъ, посылалъ всѣмъ казакамъ ласковое слово свое и обѣщалъ щедрыя царскія милости.

На простыхъ сердцами, обвороженныхъ самозванцемъ суровыхъ воиновъ особенно убѣдительно подѣйствовало то, что король, всѣ польскіе вельможи и католическое духовенство оказывали Лжедимитрію такія почести, какія оказываются только особамъ царскаго рода, да и самъ самозванецъ обращался съ ними съ царственнымъ достоинствомъ и привѣтливостью.

Уѣзжая изъ Кракова, атаманы отъ лица войска клялись стоять за объявившагося молодого человѣка честно и твердо, какъ за сына прирожденнаго государя.

По возвращеніи изъ Польши пословъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидавшихся на Дону, казаки быстро выступили въ походъ на помощь Лжедимитрію. Ихъ было 6000 человѣкъ подъ начальствомъ храбраго войскового атамана Андрея Карелы. Такое количество донцовъ считалось тогда огромной и грозной боевой силой.

Между тѣмъ разбойничавшія на Волгѣ небольшія ватаги донцовъ, лишь только узнали о появленіи царевича, ограбили ѣхавшаго въ Астрахань окольничаго Семена Годунова—близкаго родственника царя Бориса, а сопровождавшихъ его стрѣльцовъ отпустили въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите гонителю нашему Борису что мы скоро пожалуемъ къ нему въ гости съ царевичемъ Димитріемъ.»

## IX.

Борисъ спохватился, да было поздно. Онъ послалъ къ донцамъ дворянина Петра Хрущова, будто бы знавшаго о смерти царевича Димитрія, съ увѣщаніемъ къ казакамъ остаться вѣрными ему, Борису.

Хрущовъ появился въ войсковомъ кругу, сталъ обвинять казаковъ въ измѣнѣ присягѣ и склонять ихъ на службу царю Борису, обѣщая имъ жалованіе за всѣ прошлые годы и царскія милости, заявивъ при этомъ, что тотъ человѣкъ, который зоветъ ихъ подъ свои знамена,—преступный самозванецъ.

Казаки и слушать ничего не хотѣли, а, заковавъ посланца въ цѣпи, подъ конвоемъ отправили къ Лжедимитрію.

— Ежели онъ говорилъ намъ правду, тогда нехай эту правду скажетъ въ глаза царевичу Димитрію Іоанновичу. Тогда мы ему повѣримъ...—разсуждали казаки.

3-го сентября 1604 года казачьи посланцы съ закованнымъ Хрущовымъ прибыли къ Сокольникамъ, гдѣ въ то время находился лагерь Самозванца.

Приведенный къ Самозванцу, Хрущовъ упалъ на колѣни и, заливаясь слезами, сказалъ:

— Вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ. Я твой на вѣки...

Никто изъ казаковъ не видѣлъ никогда Грознаго Царя и торжественное признаніе Хрущовымъ Лжедимитрія за подлиннаго царевича еще сильнѣе укрѣпило въ нихъ сознаніе, что они служатъ святому, правому дѣлу, и подвинуло ихъ на новыя жертвы. Если прежде хоть немного ихъ мутило темное сомнѣніе относительно подлинности новоявленнаго царевича, то теперь, когда человѣкъ, близкій къ царской семьѣ призналъ въ претендентѣ законнаго сына Грознаго Царя, этимъ сомнѣніямъ наступалъ конецъ.

Вдохновленные рвеніемъ къ святому дѣлу изъ-подъ Сокольниковъ во всѣ концы Дона поскакали гонцы поднимать всѣхъ, способныхъ носить оружіе, на помощь прирожденному царю Димитрію Іоанновичу.

И Донъ откликнулся. Собрались въ походъ всѣ отъ мала до велика. И широкое Поле опустѣло. Остались для защиты станицъ и женщинъ съ дѣтьми сѣдые старики и отроки.

Первая битва съ царскими войсками произошла въ декабрѣ мѣсяцѣ и кончилась удачею для Лжедимитрія; во второй битвѣ 21 января при Добрыничахъ, вслѣдствіе трусости или оплошности запорожцевъ, бившихся въ передовой линіи, онъ потерпѣлъ страшное пораженіе и вынужденъ былъ запереться съ донцами въ Путивлѣ.

Дѣло Лжедимитрія было на краю гибели, но къ нему неожиданно явилось 4000 казаковъ. Это были послѣдніе резервы Дона, тѣ казаки, которые пошли на кличъ гонцовъ, посланныхъ изъ-подъ Сокольниковъ.

Войска царя Бориса осадили Путивль.

5000 донцовъ и русская дружина въ 1000 человѣкъ послѣ кровопролитнаго боя нанесли въ свою очередь страшное пораженіе войскамъ Бориса.

Съ этого времени счастье уже неизмѣнно улыбалось Лжедимитрію.

Донцы въ его войскѣ составляли самый надежный, самый твердый и храбрѣйшій оплотъ.

Между многими подвигами казаковъ нельзя не отмѣтить ихъ мужественнаго отстаиванія города Кромъ. Больше 80 тысячъ царскаго войска, имѣя 70 стѣнобитныхъ орудій, осадили городъ Кромы, въ которомъ, кромѣ городскихъ жителей, засѣло 600 донцовъ съ мужественнымъ атаманомъ Андреемъ Карѣлою.

Казаки, благодаря своимъ частымъ войнамъ съ Азовомъ хорошо знакомые съ окопнымъ дѣломъ, настолько искусно и мужественно оборонялись отъ осаждающихъ, что московская рать не только не могла взять города, но даже допустила среди бѣла дня пробиться въ Кромы отряду въ 500 человѣкъ донцовъ съ 100 возами хлѣба, пришедшему изъ Путивля на выручку осажденныхъ.

Между тѣмъ 13 апрѣля 1605 года неожиданно скончался царь Борисъ. Воеводы и войска, стоявшіе подъ Кромами, измѣнили юношу царю Ѳеодору, перейдя на сторону Самозванца.

Вскорѣ юноша-царь и мать его царица Марія были убиты въ Москвѣ.

Послѣ этого медленный путь Лжедимитрія къ сердцу Россіи обратился въ торжественное, безпрепятственное шествіе.

Въ Тулѣ Лжедимитрія встрѣтили бояре и били челомъ отъ имени Москвы. Съ Дона походный атаманъ Смага Чершенскій прибылъ съ новымъ небольшимъ отрядомъ казаковъ, составленнымъ почти исключительно изъ сѣдобородыхъ стариковъ и изъ юношей, едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста.

Это показываетъ, насколько высоко и сильно было воодушевленіе на Дону и какъ крѣпка была среди казаковъ вѣра въ святость и важность того дѣла, за которое они стали поголовно, всей громадой.

Лжедимитрій за отмѣнныя боевыя заслуги, за непоколебимую вѣрность и безпримѣрную храбрость, проявленную донцами, оказывалъ имъ особые знаки вниманія, осыпалъ милостями и открыто отдавалъ имъ предпочтеніе передъ всѣми другими войсками и сословіями. Въ иностранный отрядъ его тѣлохранителей вошла нѣкоторая часть донцовъ, которымъ онъ довѣрялъ вполнѣ.

Казаки, сдѣлавъ свое дѣло и будучи увѣренными, что совершили великій подвигъ правды и любви къ отечеству тѣмъ, что посадили на московскій престолъ не Лжедимитрія, а законнаго царя Димитрія Іоанновича, ушли немедленно изъ Москвы съ своимъ знаменитымъ атаманомъ Карѣлой къ себѣ на Тихій Донъ, гдѣ ихъ ожидали новые боевые труды противъ обнаглѣвшихъ за время ихъ отсутствія ногайцевъ, крымцевъ, турокъ и черкесовъ.

Сами казаки, усердные слуги Россіи, отлично по опыту знали, что державная Русь никогда и не подумаетъ помочь имъ въ ихъ смертельной борьбѣ съ многочисленными азіатами, этой помощи они никогда и не просили и въ своихъ краевыхъ дѣлахъ имъ приходилось полагаться только на помощь Божію, да на свои необоримыя руки.

## X.

Такимъ образомъ, при Лжедимитріи, кромѣ небольшого числа преданныхъ ему до смерти тѣлохранителей, въ Москвѣ никого болѣе изъ донцовъ не осталось.

20 іюня 1605 года Лжедимитрій торжественно, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, какъ признанный всѣмъ народомъ законный царь, вступилъ въ Москву, а уже 17 мая слѣдующаго года онъ былъ растерзанъ чернью на кремлевской площади.

На престолъ московскій былъ возведенъ бояринъ Василій Шуйскій, но Россія уже такъ была развращена и расшатана бунтами и измѣнами, что наладить порядокъ было нелегко.

Въ то время, по словамъ лѣтописей, на Руси страшно было жить. Народъ безъ властей, безъ законовъ —озвѣрѣлъ, распьянствовался и развратился. Заниматься мирнымъ земледѣльческимъ трудомъ было и невозможно, да и никто ничего не хотѣлъ дѣлать. Отъ отсутствія твердой власти, отъ праздности, голода и пьянства крестьяне собирались въ шайки, выбирали атамановъ и занимались разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ, грабежами и убійствами. На каждомъ шагу творились невообразимыя звѣрства. Русскій народъ точно ополоумѣлъ въ страсти къ беззаконію и самоистребленію. Вотъ эти-то шайки озвѣрѣлыхъ вооруженныхъ крестьянъ, идя грабить и убивать, говорили, что они идутъ казаковать и себя величали казаками.

Эти воры-казаки были самымъ ужаснымъ бичемъ для мирныхъ жителей.

Сами московскіе бояре изъ зависти къ царю Василію Шуйскому за то, что онъ возложилъ на свою голову вѣнецъ Мономаха, своей враждебностью къ нему и интригами много способствовали появленію второго Лжедимитрія.

Когда до Дона дошла вѣсть сперва о печальномъ концѣ Лжедимитрія I-го, а потомъ объ его будто бы чудесномъ спасеніи, казаки отнеслись къ послѣдней вѣсти чрезвычайно осторожно.

Они по первому зову самозванца съ мѣста не тронулись, а какъ и къ первому Лжедимитрію, сперва нарядили своихъ пословъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли тотъ человѣкъ, который выдаетъ себя за царя Димитрія Іоанновича—не самозванецъ.

Сдѣлать это имъ было теперь значительно легче, чѣмъ прежде. Вѣдь большинство изъ нихъ знало въ лицо Лжедимитрія I-го.

Послы вернулись съ неутѣшительными вѣстями.

Имъ не удалось видѣть того, кто называлъ себя царемъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Онъ скрывался гдѣ-то въ Литвѣ, не показывался передъ войсками и за него всѣмъ распоряжались и правили воеводы и бояре. А тотъ, за кого они лили кровь и кому добывали престолъ, былъ храбръ, въ походахъ былъ всегда на виду и дѣлилъ труды съ своими войсками.

Донцы сразу заподозрѣли, что человѣкъ, поднимающій теперь новую смуту на Руси—самозванецъ, и хотя ихъ сманивали богатыми дарами, прельщали большимъ жалованіемъ, они за вторымъ Лжедимитріемъ не пошли.

Правда, отдѣльныя ватаги гулебщиковъ-донцовъ были въ сборищахъ и у послѣдующихъ самозванцевъ, но всевеликое войско

Донское всѣмъ своимъ составомъ не только не тронулось на защиту неправаго дѣла, но осуждало и всячески препятствовало отдѣльнымъ шайкамъ помогать самозванцамъ.

Обвинять однихъ донцовъ въ искреннемъ заблужденіи относительно Лжедимитрія І-го, когда вся Россія признавала его царемъ и допустила его процарствовать почти цѣлый годъ, мнѣ кажется, со стороны историковъ глубоко несправедливымъ и пристрастнымъ.

Повторяю, всестороннее изученіе мною источниковъ, относящихся къ той эпохѣ, убѣдило меня, что донцы искренно вѣрили въ то, что тотъ таинственный человѣкъ, который въ нашей исторіи слыветъ подъ именемъ Лжедимитрія І-го, былъ подлинный царевичъ Димитрій—сынъ Іоанна Грознаго.

Въ тѣ времена, когда предательство, политическое легкомысліе и низкая измѣна глубоко гнѣздились во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа, донцы показали себя все-таки людьми свѣжими, которыхъ всеобщая порча коснулась только слегка.

Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ одна запись Троице-Сергіевой лавры. 30-тысячный отрядъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ осаждалъ лавру во время второго самозванца. Единственный отрядъ донцовъ-гулебщиковъ въ 500 человѣкъ съ атаманомъ Степаномъ Епифановымъ принималъ участіе въ этой осадѣ.

Но набожнымъ донцамъ тяжело было бросать ядра въ родные православные храмы или мѣткими выстрѣлами снимать со стѣнъ иноковъ.

Тяжелыя кошмарныя видѣнія и сны стали преслѣдовать святотатцевъ измѣнниковъ.

Послѣ одного изъ такихъ видѣній донской атаманъ не выдержалъ и заявилъ гетману Рожинскому и другимъ военачальникамъ, что онъ съ товарищами раскаялся въ своемъ богопротивномъ дѣлѣ и сталъ уговаривать и ихъ снять осаду съ лавры, грозя иначе гнѣвомъ и наказаніемъ Божіимъ.

Заявленіе было сдѣлано въ такой рѣшительной формѣ, что ни поляки, ни русскіе отступники не знали что дѣлать.

Но какъ только вышелъ атаманъ, на общемъ совѣтѣ было рѣшено убить Епифанова, дабы онъ не испортилъ имъ всего дѣла.

Но какъ это сдѣлать?

На лесть и хитрость проницательный атаманъ не дался, взять его у казаковъ открытой силой нечего было и думать. Эта горсть людей ляжетъ вся костьми, а атамана не выдастъ.

Вступить же въ бой съ 500 человѣкъ опытныхъ воиновъ, каковыми были донцы, ни польскіе, ни русскіе военачальники сразу не рѣшались. Слишкомъ велики были бы потери.

Донцы, узнавшіе о коварныхъ замыслахъ поляковъ, страшно возмущенные, въ полномъ вооруженіи, собрались въ кругъ, на которомъ прокляли поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, поднявшихъ святотатственную руку на православные храмы и лившихъ родную русскую кровь и тутъ же со слезами, колѣнопреклоненно помолившись передъ иконами св. преподобнаго Сергія и Николая Чудотворца, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поклялись «стоять съ православными за одно на иновѣрцевъ».

Встревоженные поляки зорко слѣдили за дѣйствіями возмущенныхъ казаковъ.

Донцы въ ту же ночь тихонько осѣдлали лошадей и, обманувъ бдительность поляковъ, выѣхали изъ ихъ стана, направляясь на югъ, къ себѣ на Тихій Донъ Очутившись въ чистомъ полѣ, они уже чувствовали себя хозяевами положенія.

Опомнившіеся поляки отрядили въ погоню за казаками многотысячный отрядъ великолѣпной литовской конницы съ строгимъ наказомъ уговорить казаковъ вернуться или принудить ихъ къ тому силой.

На Клязьмѣ литовцы догнали казаковъ.

Донцы изготовлялись къ бою.

Одна часть спѣшилась, готовая по знаку атамана залечь съ самопалами, другая, съ обнаженными саблями въ рукахъ разсыпавшись своей гибкой, какъ змѣя, губительной лавой, молча и внушительно гарцевала на флангахъ.

Казаки рѣшительно и негодующе отказались слушать какіе-либо уговоры и увѣщанія.

Литовцы не рѣшились прибѣгнуть къ оружію.

Съ уходомъ донцовъ монастырю стало значительно легче, о чемъ лаврскіе иноки составили писаніе, въ которомъ отмѣтили глубокое усердіе донцовъ къ вѣрѣ.

## XI.

Россія была на краю гибели. Собственно Россіи, какъ государства, уже не существовало. Всѣ русскіе города къ западу отъ Москвы были во власти поляковъ, на самую Москву шель король Сигизмундъ съ большимъ войскомъ.

Огромное царство представляло собою чуть не сплошныя дымящіяся развалины городовъ и селъ, среди которыхъ бродили шайки разбойниковъ и отряды завоевателей. Сравнительно меньше другихъ областей пострадалъ сѣверо-востокъ Руси, приволжскія области: Ярославская, Нижегородская, Казанская и др.

Сами русскіе своими измѣнами, предательствомъ и безчинствомъ наносили, пожалуй, не меньше вреда, чѣмъ иноземные враги.

Но близокъ уже былъ часъ возрожденія.

Когда все и всѣ на Руси измалодушествовались, измѣнили самимъ себѣ, остался еще одинъ человѣкъ, пламенно молившійся, радѣвшій и принявшій наконецъ мученическую кончину за свою несчастную родину.

Человѣкъ этотъ былъ по крови донской казакъ, по высокому сану своему святѣйшій патріархъ всея Руси Ермогенъ, нынѣ причисленный православною церковью къ лику святыхъ Божіихъ.

Изъ своей темницы этотъ крѣпкій духомъ русскій человѣкъ заклиналъ единовѣрныхъ ему людей опомниться, взяться за спасеніе отечества и выбрать своего русскаго православнаго царя, а не иноземца. За это онъ поплатился жизнью, не имѣя утѣшенія видѣть возрожденія отечества; но брошенное имъ доброе сѣмя прозябло, взошло и дало благодатный плодъ.

Монахъ Авраамій Палицынъ изъ Троице-Сергіевой лавры по всей Россіи разсылалъ свои пламенныя воззванія.

Какъ набатъ вѣчевого колокола во время великаго пожара, раздавались обличительныя горькія слова его и потрясали сердца русскихъ людей.

— Отечество,—писалъ онъ,—терзали болѣе свои, чѣмъ иноземцы. Путеводителями, наставниками и хранителями ляховъ были свои измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ. Съ оружіемъ въ рукахъ ляхи только глядѣли на безумное междоусобіе и смѣялись. Оберегая ихъ въ опасности превосходнымъ числомъ своихъ, русскіе умирали за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала ляхамъ и, избирая себѣ лучшихъ юношей и дѣвицъ, они отдавали на выкупъ ближнимъ и снова отнимали ихъ, къ забавѣ россіянъ! Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ; тамъ гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій.... Святыхъ, юныхъ инокинь обнажали, позорили; лишенныя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама... Были жены, прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ; но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія... Всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти: метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сію неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: что же будетъ намъ отъ рос-

сіянъ, когда они и другъ друга губятъ, губятъ съ такою лютостію?!...

Каждое слово грамотъ Авраамія, какъ позорнымъ бичемъ, хлестало по безстыжимъ глазамъ опустившихся или равнодушныхъ русскихъ людей, забывшихъ честь, совѣсть и свой долгъ передъ родиной.

Русскіе люди отъ своихъ безчинствъ и злодѣйствъ просыпались, какъ отъ кошмарнаго сна съ мерзостными привидѣніями. Къ нимъ вновь возвращалась способность оцѣнивать свои низкіе поступки и видѣть тѣ ужасающіе результаты, къ которымъ они привели самихъ себя и свою оплеванную, затоптанную въ грязь родину.

Сумасшедшее опьяненіе проходило. Въ народѣ, забывшемъ Бога, искусившемся въ распущенности и злодѣяніяхъ и ничего не нашедшемъ кромѣ разоренія, страданій, потери политической самостоятельности и всевозможныхъ униженій, точно живая вода въ выжженной пустынѣ, ключомъ забила пламенная вѣра во Всемогущаго Бога и жалость къ несчастной родинѣ.

Въ Рязани первымъ отъ словъ перешелъ къ дѣлу, возставъ противъ поляковъ, пылкій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ.

На его пламенный призывъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться ратные люди, готовые сложить свои головы ради спасенія отечества.

Въ Россіи въ то время находился въ нерѣшительности и бездѣйствіи атаманъ Межаковъ съ донцами.

Въ самозванцевъ ни онъ, ни его казаки не вѣрили, царя Василія Шуйскаго не любили за то, что онъ оскорблялъ ихъ, вѣрныхъ сыновъ родины, смѣшивая за-одно съ разнымъ разбойничьимъ московскимъ сбродомъ и даже приказывалъ всячески ихъ преслѣдовать.

Поляки уговаривали донцовъ стоять съ ними за-одно, т. е. разорять и грабить русскую землю, но атаманъ Межаковъ отъ лица казачьяго круга съ негодованіемъ заявилъ, что они, донцы, православные русскіе люди и пришли съ Поля для того, чтобы биться съ врагами Россіи, сколько «Богъ помочи подастъ».

Дошелъ до донцовъ голосъ святѣйшаго патріарха-мученика, часто читали они въ своемъ лагерѣ и воззванія Авраамія Палицына, но Русь еще только начинала шевелиться, сами же они были слишкомъ слабы числомъ, чтобы начать самостоятельныя дѣйствія.

Лишь только до Межакова съ донцами дошла вѣсть о Ляпуновѣ, онъ первый поспѣшилъ къ нему въ Рязань.

Но донцы были такъ напуганы измѣною и предательствомъ рус-

скихъ людей, что и Ляпунову, имя котораго было имъ не безызвѣстно, не сразу повѣрили.

Убѣдившись же въ высокомъ патріотизмѣ, на этотъ разъ одушевлявшемъ рязанскаго воеводу, честный Межаковъ и его донцы единогласно рѣшили стоять за-одно съ Ляпуновымъ.

Бывшіе сторонники тушинскаго вора: запорожецъ Заруцкій и «перелетъ»-москвичъ князь Трубецкой, именовавшіе себя казацкими атаманами, а на самомъ дѣлѣ, предводители гулебщиковъ-черкасъ и разнаго московскаго сброда, тоже были приняты въ свое ополченіе неосторожнымъ, горячимъ Ляпуновымъ.

Между тѣмъ поляки были уже въ самой Москвѣ. Ихъ впустило туда московское боярское правительство, присягнувши королевичу Владиславу. Поляки безчинствовали и имѣли уже нѣсколько кровопролитныхъ стычекъ съ московскимъ населеніемъ и стрѣльцами.

Въ началѣ марта 1611 года Ляпуновъ съ своимъ ополченіемъ уже шелъ къ Москвѣ.

Самъ Ляпуновъ, не безъ ошибокъ въ прошломъ, но человѣкъ рѣшительный и въ эту эпоху своей жизни патріотически настроенный, своими талантами значительно превосходилъ атамановъ: Заруцкаго и Трубецкого.

Но атаманы неохотно подчинялись, втайнѣ оказывая ему всяческое противодѣйствіе, а Заруцкій тайкомъ даже переписывался съ польскими военачальниками. Это былъ типичный политическій авантюристъ, одинъ изъ тѣхъ прожженныхъ людей, которыми тогда кишѣла униженная Русь и которые приставали къ той сторонѣ, откуда больше можно было ожидать добычи и успѣховъ.

Сбродъ Трубецкого и особенно чернь Заруцкаго пьянствовали, безчинствовали, величали себя казаками, всячески кичась передъ земскими ополченцами.

Въ станѣ Ляпунова тоже было неблагополучно. Воеводы не слушались его и каждый дѣлалъ что хотѣлъ. Люди Заруцкаго подпаивали ополченцевъ и тѣ тянули къ мошеннику-атаману, самовольно называя себя казаками и перебѣгая въ его лагерь.

Ляпуновъ выбивался изъ силъ, чтобы внести единодушіе среди воеводъ и ввести хоть какой нибудь порядокъ и дисциплину въ ополченіе. Но ему никто не помогалъ. Всѣ всячески мѣшали и интриговали противъ него.

Всѣ эти непорядки и безначаліе яснѣе всѣхъ видѣли донцы. Свободные, вольные, никому не подчиненные въ мирное время у себя дома, казаки на походѣ добровольно сковывали себя мало сказать желѣзной, но прямо жестокой дисциплиной. Избранный казаками изъ своей среды походный атаманъ облекался въ боевое время такой властью, что воленъ былъ въ животѣ и смерти каж-

даго изъ своихъ провинившихся товарищей. Повиненіе старшимъ надъ собою начальникамъ было безпрекословное.

Всегда немногочисленные, всегда вынужденные сражаться съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, донцы въ суровой дисциплинѣ и въ отмѣнномъ порядкѣ видѣли главный залогъ побѣды.

Ляпуновъ, желая держать свое разношерстное войско въ повиновеніи, сталъ примѣнять къ провинившимся, особенно къ казакамъ, крутыя мѣры наказанія.

Одинъ разъ 28 человѣкъ черни изъ шайки Заруцкаго, за ограбленіе и убійство мирныхъ крестьянъ, были присуждены Ляпуновымъ къ казачьей казни: въ куль, да въ воду.

Чернь Заруцкаго при подстрекательствѣ своего атамана возмутилась, но кое-какъ дѣло на нѣсколько дней затихло.

Между тѣмъ, осажденный въ Кремлѣ польскій воевода Гонсѣвскій, узнавъ о несогласіяхъ между начальниками и непорядкахъ въ русскомъ станѣ, отъ имени Ляпунова распространилъ подложныя грамоты, въ которыхъ писалось, что—«гдѣ поймаютъ казака—бить и топить, а когда дастъ Богъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ перебьемъ».

Чернь Заруцкаго снова возмутилась и потребовала Ляпунова къ себѣ въ «кругъ» для объясненій. Часть изъ нихъ бросилась въ донской лагерь.

Какъ всегда въ важныхъ случаяхъ, такъ и на этотъ разъ донцы по своему обыкновенію быстро собрались въ кругъ обсудить дѣло.

Атаманы Заруцкаго съ возбужденіемъ разсказывали, что Ляпуновымъ изданъ приказъ всѣхъ казаковъ бить и вѣшать.

Угрюмо слушали донцы рѣчи чужихъ атамановъ. Въ душѣ они презирали и Заруцкаго и его сбродъ, не очень-то довѣряли ихъ навѣтамъ на Ляпунова, но имъ показывали и читали подложныя грамоты... И это ихъ сбивало съ толка и волновало.

Кругъ донцовъ еще не успѣлъ придти ни къ какому рѣшенію, какъ изъ лагеря ополченцевъ прибѣжали какіе-то люди и принесли вѣсть, что Ляпуновъ убитъ казаками Заруцкаго.

Воровской атаманъ отъ удовольствія поглаживалъ свои длинные усы; плохо скрывалъ свою радость и Трубецкой въ виду того, что послѣ Ляпунова онъ считался старшимъ начальникомъ и теперь осуществлялась его честолюбивая мечта взять подъ свою команду все войско. Сумрачны были только донцы.

Въ первое время Ляпуновъ оскорблялъ ихъ, часто смѣшивая съ ворами-казаками Трубецкого и Заруцкаго, въ послѣдніе же дни онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, относился къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, и донцы простили ему его невольныя обиды. Кромѣ

того они, какъ прирожденные воины, цѣнили въ Ляпуновѣ даровитаго вождя и честнаго русскаго человѣка, всѣмъ своимъ наболѣвшимъ сердцемъ, какъ и они, казаки, преданнаго интересамъ несчастной, истерзанной родины.

Трубецкому и особенно Заруцкому они совершенно не вѣрили, но оставить Москву въ рукахъ поляковъ и уйти на Тихій Донъ, гдѣ ихъ ожидали кровавые счеты съ татарвой, имъ и въ голову не приходило.

Основой всей исторической жизни донцовъ и ихъ дѣйствій всегда во всѣхъ случаяхъ была служба Царю и общему государственному дѣлу; свои же чисто домашнія дѣла и счеты съ своими личными врагами у нихъ веєда отодвигались на второй планъ.

Это аксіома всей ихъ исторической жизни съ самаго начала, до нашихъ дней.

Главнымъ начальникомъ ополченія сталъ Трубецкой.

Скрѣпя сердце, Межаковъ и другіе донскіе атаманы съ казаками, ради общаго великаго дѣла, подчинились новому начальнику.

Но дѣла въ земскомъ ополченіи пошли еще хуже: тамъ начались безпорядки, грабежи и убійства.

Историкъ Ключевскій говоритъ: «ополченіе два съ лишнимъ мѣсяца простояло подъ Москвой и ничего важнаго не сдѣлало для ея выручки. Даже когда Ляпуновъ озлобилъ противъ себя своихъ союзниковъ-казаковъ, дворянскій лагерь не смогъ защитить своего вождя, и безъ труда былъ разогнанъ казацкими саблями».

Дѣйствительно, ничего не дѣлая и послѣ смерти Ляпунова не только не уступая черни Заруцкаго въ пьянствѣ, буйствѣ, въ грабежахъ и насиліяхъ, а даже превосходя ее, заносчивость дворянъ и ополченцевъ превосходила всякія границы. Они походя ругали и всячески оскорбляли казаковъ, называя ихъ по привычкѣ ворами, разбойниками и грабителями.

Въ концѣ концовъ они частью были перебиты, частью разогнаны казаками.

Такъ покончило свои дни первое «великое земское ополченіе».

## XII.

Въ Китай-городѣ и въ Кремлѣ сидѣли и хозяйничали поляки, и потому казаки не ушли изъ Москвы.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что казаковъ удерживала у Москвы жажда грабежа и наживы.

Это глубоко несправедливо.

Кто хотѣлъ грабить, тотъ ушелъ изъ столицы, окруженной ши-

рокимъ, въ нѣсколько десятковъ верстъ, поясомъ разоренныхъ и до-тла выжженныхъ окрестностей.

Такъ поступилъ Заруцкій съ частью днѣпровскихъ казаковъ и съ многочисленной ордой жестокой, кровожадной и трусливой московской черни. Въ его разбойничьей шайкѣ не было ни одного донца.

Онъ удалился изъ Москвы именно отъ ея скудости въ менѣе пострадавшіе отъ лихолѣтья рязанскіе предѣлы и тамъ предался грабежамъ.

Но донцы и разношерстные казаки Трубецкого не покинули своего важнаго поста.

Терпя во всемъ нужду, такъ какъ вблизи Москвы нельзя было найти провіанта ни для себя, ни для лошадей, казаки все время дрались съ засѣвшими въ Китай-городѣ поляками, отгоняли вспомогательныя польскія войска, отбивали фуражъ и провіантъ, подвозившійся къ врагамъ. И не видя ни откуда помощи, подчасъ изнемогая, казаки все-таки не отступились отъ сердца русскаго народа, какъ это сдѣлали земскіе люди.

Что же удерживало казаковъ подъ Москвой, когда ее оставила вся Россія, для чего они, оплеванные русскими людьми, добровольно подвергали себя всѣмъ ужасамъ войны, лили кровь, складывали свои головы?

Еслибы ихъ удерживала надежда на богатую добычу, то имъ проще было бы соединиться съ тѣми же поляками, владѣвшими Москвой, которые всячески сманивали донцовъ на свою сторону.

Но донцы никогда и слышать не хотѣли о союзѣ или мирѣ съ поляками и считали ихъ своими злѣйшими, непримиримыми врагами.

Какъ вы ни ищите, отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ одинъ: донцовъ удерживало подъ Москвой то самое чувство, котораго не нашлось въ груди земскихъ людей—чувство глубокой любви и жалости къ несчастной гибнущей родинѣ и желаніе во что бы то ни стало спасти ее отъ окончательной гибели.

Въ этихъ простыхъ сердцахъ прирожденныхъ воиновъ жилъ неистребимый инстинктъ государственности. Можетъ быть, они не умѣли выразить словами, но глубоко чувствовали, что съ гибелью Москвы—Россіи, какъ самостоятельному государству, наступитъ конецъ, а съ гибелью Россіи должно поздно ли рано ли сгинуть единокровное и единовѣрное ему казачество.

Вотъ почему эти простые русскіе люди, послѣ разгона перваго земскаго ополченія и до прихода второго, болѣе года простояли съ Трубецкимъ подъ Москвой, всю борьбу съ поляками вынося на

своихъ плечахъ, не имѣя при этомъ твердой надежды на помощь остальной Россіи.

Загробный завѣтъ замученнаго за родину патріарха Ермогена, патріотическія пламенныя воззванія иноковъ Діонисія и Авраамія Палицына понемногу дѣлали свое великое дѣло.

Тяжелая на подъемъ, всегда медлительная, но и страшная Русь, когда она, раскачавшись, гнѣвная и оскорбленная, подобно раненому медвѣдю, встаетъ на дыбы и идетъ на врага, теперь медленно, неуклюже раскачивалась.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, почти не пострадавшемъ, котораго ужасы и разнообразіе лихолѣтія почти не коснулись, составлялось второе земское ополченіе Минина и Пожарскаго.

Измученные казаки съ нетерпѣніемъ ожидали прихода этого ополченія, но оно, видимо, не спѣшило.

Томительно тянулись дни, недѣли и мѣсяцы.

Наконецъ казакамъ, у которыхъ развѣдывательное дѣло всегда было поставлено превосходно, стало извѣстно, что воеводы этого ополченія хвастались, что они идутъ очистить Москву и русское государство не только отъ поляковъ, но и отъ воровъ-казаковъ.

Донцамъ тяжко и обидно было такое не только непризнаніе ихъ самоотверженной службы, а даже и поношеніе, но ради общаго блага и тутъ они все терпѣли. Кто чувствовалъ за собою вину въ грабежахъ и насиліяхъ— это Заруцкій и онъ съ своей разбойнической ордой при первой вѣсти о движеніи второго земскаго ополченія немедленно же убрался подальше изъ подъ Москвы.

Медленно собиравшаяся и еще медленнѣе двигавшаяся на выручку Москвы русская рать, дойдя до Троице-Сергіева монастыря, остановилась на нѣсколько дней для соборныхъ моленій.

Историкъ Ключевскій говоритъ: «По боевымъ качествамъ оно (второе земское ополченіе) не стояло выше перваго, хотя было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казнѣ, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскаго и другихъ городовъ, къ нимъ присоединившихся».

Трубецкой и донскіе вожди отправили въ Троице-Сергіевъ монастырь атамана Внукова съ наказомъ просить князя Пожарскаго поспѣшить къ Москвѣ на выручку, потому что польскій гетманъ Хоткѣвичъ, по донесеніямъ донскихъ развѣдчиковъ, съ большими силами форсированнымъ маршемъ приближался къ столицѣ.

Земскіе вожди не спѣшили. Казаковъ они ненавидѣли и боялись, пожалуй болѣе, чѣмъ поляковъ и литовцевъ.

Однако неотступныя просьбы Трубецкого и донскихъ атамановъ заставили Пожарскаго все-таки немного поторопиться.

18-го августа земская рать разбила свой станъ въ 5 верстахъ

отъ Москвы на р. Яузѣ, опередивъ такимъ образомъ приходъ Хоткѣвича дня на три.

Два раза Трубецкой черезъ своихъ посланныхъ предлагалъ Пожарскому расположиться лагеремъ вмѣстѣ съ нимъ у Яузскихъ воротъ, поближе къ Москвѣ и оба раза получилъ отъ Пожарскаго, его воеводъ и ополченцевъ заносчивый отвѣтъ: «отнюдь намъ съ казаками вмѣстѣ не стаивать!»

Вообще ополченцы высокомѣрно и презрительно относились къ казакамъ, себя однихъ считали солью земли и хвастались еще не совершенными подвигами.

Оскорбленные казаки построили для себя отдѣльный лагерь.

Сразу же единовѣрныя и единокровныя рати, призванныя служить общему великому дѣлу, стали въ непріязненныя отношенія и сразу же между вождями начались споры о мѣстничествѣ.

Пожарскій и Мининъ и боялись, и считали порухой своей чести ѣхать для совѣщаній въ казачій лагерь. Трубецкой полагалъ, что по своему званію боярина, хотя и полученнаго отъ Тушинскаго вора, онъ выше земскихъ воеводъ, къ тому же, оскорбленный ими, въ свою очередь ни за что не хотѣлъ ѣхать въ ополченскій лагерь.

Пожарскій приступилъ къ правильной осадѣ Москвы, прочно занятой поляками и никакихъ сношеній не хотѣлъ имѣть съ казаками. Его ополченцы въ безцеремонныхъ выраженіяхъ высмѣивали подвиги казаковъ, называли ихъ, обносившихся, нищими, хвалились своей одежей, бряцали оружіемъ и хвастались будущими побѣдами.

— Дайте срокъ,—съ угрожающими жестами злобно выкрикивали они казакамъ.—Вотъ ужо управимся съ ляхами, такъ и до васъ, до воровъ, доберемся. Всѣхъ васъ перебьемъ!

По строгому наказу атамановъ казаки молча, съ суровымъ видомъ выслушивали наглые выкрики бахвальщиковъ, но иногда оскорбленное казачье сердце не выдерживало и дерзкій ополченецъ отъ молніеноснаго взмаха казачьей сабли съ раскроеннымъ черепомъ валился мертвый на землю.

Насколько можно судить по лѣтописямъ того времени—и князь Пожарскій, и Мининъ вполнѣ раздѣляли взгляды своихъ ополченцевъ на казаковъ и въ первое время не только не старались сократить задоръ своихъ подчиненныхъ, но видимо сочувствовали ему.

Однако заносчивое поведеніе нижегородцевъ продолжалось недолго. Ключевскій говоритъ: «Скоро стало видно, что безъ поддержки казаковъ ничего не сдѣлать, и въ три мѣсяца стоянки подъ Москвой безъ нихъ ничего не было сдѣлано».

21-го августа Хоткѣвичъ уже занялъ Поклонную гору, а 22-го на разсвѣтѣ перешелъ Москву-рѣку и напалъ на войска Пожарскаго.

Семь часовъ длился кровопролитный бой. Земское ополченіе оказало огромное упорство. Но искусныя въ ратномъ дѣлѣ польскія войска наносили страшный уронъ болѣе многочисленной, но необученной и неповоротливой рати Пожарскаго. Мало-по-малу перевѣсъ сталъ ощутительно склоняться въ сторону поляковъ. Ополченскіе полки оказались прижатыми къ самому городу. Уже великолѣпные польскіе конные латники рядомъ атакъ произвели гибельное замѣшательство въ мужицкой конницѣ Пожарскаго. Она стала спѣшиваться, но, не умѣя сражаться въ спѣшенномъ строю, подобно стаду барановъ, гибла подъ ударами поляковъ. Дѣло защитниковъ Руси окончательно гибло.

Трубецкой съ казаками стоялъ на противоположномъ берегу Москвы, недалеко отъ Крымскаго брода, не принимая рѣшительно никакого участія въ битвѣ.

Самъ онъ, его атаманы и казаки, оскорбленные заносчивостью ополченцевъ и ихъ вождей, при видѣ гибели русской рати злорадствовали и ругались: «Богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана».

Донскіе казаки атамановъ: Межакова, Коломны, Романова и Козлова составляли правый флангъ лагеря Трубецкого. Съ ихъ возвышеннаго берега, какъ на ладони, видно было плоское поле битвы за рѣкой. Они еще съ утра были вполнѣ готовы къ бою и стояли въ бездѣйствіи.

На ихъ глазахъ поле усѣивалось трупами русскихъ людей и все болѣе и болѣе червонѣло родной кровью.

Накипѣвшая обида на грубыхъ, кичливыхъ ополченцевъ мало-по-малу, подъ впечатлѣніемъ разыгрывавшейся на ихъ глазахъ кровавой драмы, уступала мѣсто жалости къ единокровнымъ побиваемымъ братьямъ и въ концѣ концовъ вытѣснилась однимъ чувствомъ—страстной жаждой отмщенія врагамъ за пролитую русскую кровь.

Ихъ простыя сердца глубоко страдали.

Атаманы приказали разобрать лошадей и вотъ уже нѣсколько часовъ донцы держали ихъ осѣдланныхъ въ поводу, а желаннаго сигнала къ бою все нѣтъ да нѣтъ.

Дисциплинированные донцы видимо волновались. Глаза ихъ горѣли, тяжко вздымались груди, руки судорожно сжимали рукояти сабель, наконецъ въ рядахъ ихъ порою подобно отдаленному гулу морского прибоя, проносился глухой ропотъ.

Волновались и донскіе атаманы.

Нѣсколько разъ старшій изъ нихъ Межаковъ посылалъ гонцовъ къ Трубецкому съ просьбой, чтобы тотъ разрѣшилъ немедленно ударить на врага и каждый разъ гонцы возвращались съ однимъ отвѣтомъ: «подождать».

Блѣдный, страдающій, съ понурой головой на богатырскихъ плечахъ, шепча проклятія въ сторону Трубецкого, шагалъ атаманъ вдоль фронта своихъ станичниковъ. Въ устремленныхъ на него горящихъ глазахъ своихъ товарищей онъ читалъ нѣмой, краснорѣчивый укоръ.

Ополченцы уже еле держались подъ ударами польскихъ латниковъ. Уже дѣло защитниковъ Руси казалось окончательно проиграннымъ. Волненіе донцовъ достигло того высшаго напряженія, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ взрывъ.

Сердце атамана вскипѣло.

Онъ вскочилъ на коня и понесся къ Трубецкому.

Довольное, злорадное лицо князя, глумленіе его и его атамановъ надъ бѣдствіемъ русскаго народа, вызвали взрывъ негодованія въ могучей честной груди донца.

Грозно размахивая своей саблей, онъ закричалъ Трубецкому и его атаманамъ:

— Отъ вашей нелюбви Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится. Ну, а теперь я и безъ васъ обойдусь!

И круто повернувъ свою разгоряченную лошадь, онъ поскакалъ къ своимъ товарищамъ, еще издали командуя: «на коней».

Донцы вмигъ были на лошадяхъ, на полномъ скаку въ бродъ переправились вслѣдъ за своимъ атаманомъ черезъ рѣку и всесокрушающей лавой понеслись на польскихъ латниковъ.

Съ ними вмѣстѣ бросились на помощь ополченцамъ пять сотенъ лучшей конницы Пожарскаго, отряженной еще утромъ въ распоряженіе Трубецкого.

Казацкій атаманъ не хотѣлъ ихъ пускать, но они, увлеченные примѣромъ донцовъ, не послушались.

Сокрушительный налетъ казаковъ пришелся какъ разъ во время. Ополченіе уже изнемогло и полки были разбиты и перемѣшаны.

Бой былъ недологъ. Донцы вмигъ смяли латниковъ, врубились въ пѣхоту и произвели въ рядахъ ея такое ужасное опустошеніе, что поляки дали тылъ.

Донцы съ пятью сотнями конницы Пожарскаго гнали и рубили поляковъ до самой рѣки, быстро уставъ обширное поле многочисленными трупами враговъ. Спасшіяся польскія части укрылись въ своемъ лагерѣ на Поклонной горѣ. Сдѣлавшіе вылазку изъ Кремля поляки тоже были побиты и вынуждены были вернуться обратно.

Ночью Хоткѣвичъ пытался провезти обозы съ провіантомъ въ Кремль къ осажденнымъ полякамъ. Но соединенныя рати русскихъ отбили эти обозы.

## XIII.

Однако добрыя отношенія между вождями двухъ русскихъ лагерей и послѣ такого краснорѣчиваго урока не установились. Кто тутъ былъ виноватъ, трудно рѣшить. Но все-таки бросается въ глаза, что Пожарскій и Мининъ не только не съумѣли примириться съ Трубецкимъ, но чѣмъ-то оскорбили и доблестныхъ донскихъ атамановъ съ ихъ товарищами, только что спасшихъ земское ополченіе отъ полнаго пораженія.

24-го августа на разсвѣтѣ Пожарскій перевелъ всѣ свои полки на противоположный берегъ р. Москвы съ тою цѣлью, чтобы вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пустить въ городъ поляковъ Хоткѣвича. Но передъ началомъ боя между Пожарскимъ и Мининымъ съ одной стороны и Трубецкимъ съ донскими атаманами съ другой произошла рѣзкая размолвка.

Въ чемъ она заключалась, неизвѣстно.

Съ ранняго утра поляки повели рядъ бѣшеныхъ атакъ на полки земскаго ополченія.

Казаки, готовые уже къ бою, послѣ крупной перебранки вождей, по командѣ своихъ атамановъ повернули и ушли въ свои таборы.

Поляки быстро смяли земское ополченіе, сбили его въ рѣку и Пожарскій вынужденъ былъ потѣсниться къ городу.

Часть поляковъ, засѣвшихъ въ Китай-городѣ, видя успѣхъ Хоткѣвича, сдѣлала вылазку, выбила ополченцевъ изъ Клементьевскаго острожка и распустила свои знамена на церкви св. Климента.

Такой обиды казаки не стерпѣли, быстро вышли изъ таборовъ, почти мгновенно выбили поляковъ изъ острожка, сорвали вражескія знамена съ православной церкви, но, видя, что ополченцы стоятъ въ бездѣйствіи, прикрывшись отъ непріятеля рѣкой и не хотятъ имъ помогать, разсердились и бросили острожекъ, крича въ сторону земщины: «Они богаты и ничего не хотятъ дѣлать, мы наги и голодны и одни бьемся, такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда».

Поляки снова заняли брошенный казаками Клементьевскій острожекъ.

Казаки настолько были раздражены высокомѣріемъ и нерадивостью ополченія къ общему дѣлу, что въ первый разъ серьезно хотѣли бросить Москву и разойтись по домамъ.

Положеніе ихъ было очень тяжкое: они обносились и голодали, лошади падали отъ безкормицы, тогда какъ у ополченцевъ было вдоволь и одежды, и провіанта, и денегъ и ничѣмъ рѣшительно отъ своего избытка земскіе вожди не хотѣли помочь своимъ боевымъ соратникамъ-казакамъ.

И донцы стали готовиться въ обратный путь.

Наконецъ опытъ кое-чему научилъ Минина и Пожарскаго, къ тому же они узнали, что Хоткѣвичъ съ новыми силами, во что бы то ни стало, рѣшилъ пробиться въ Москву и, убѣдившись, что безъ помощи казаковъ имъ не устоять противъ искуснаго и сильнаго противника, обратились къ Авраамію Палицыну съ слезной мольбой, чтобы тотъ во имя Бога уговорилъ казаковъ не оставлять Москвы.

Авраамій съ крестомъ въ рукѣ, сопровождаемый нѣсколькими выборными дворянами, обошелъ станъ Трубецкого и нѣсколько разъ обращался къ столпившимся вокругъ него казакамъ съ рѣчью: «Отъ васъ началось доброе, вы стали крѣпко за вѣру православную и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростью, а теперь хотите, братія, такое доброе начало разомъ погубить»...

Длинныя, пламенныя рѣчи Авраамія, хватавшія за самыя глубокія, сокровенныя струны русской души, такъ мощно подѣйствовала на этихъ обносившихся, голодныхъ людей, что они, со слезами на глазахъ, тутъ же дали слово, что скорѣе всѣ до единаго умрутъ здѣсь, а не уйдутъ, и выгонятъ поляковъ.

Слово у нихъ не разошлось съ дѣломъ. Не успѣлъ еще инокъ-патріотъ удалиться изъ ихъ лагеря, какъ они бросились на поляковъ. Земское ополченіе, видя наступленіе казаковъ, поддержало ихъ. Клементьевскій острожекъ былъ взятъ обратно, Хоткѣвичъ отбитъ. Воспламененные живой энергіей и храбростью казаковъ, ополченцы старались не отставать отъ нихъ въ подвигахъ. Быстро были заняты всѣ дороги, по которымъ могъ наступать Хоткѣвичъ на Москву, а ночью обѣ русскія рати двинулись на польскій лагерь и нанесли врагу такое рѣшительное пораженіе, что Хоткѣвичъ 24 августа съ разбитыми войсками вынужденъ былъ поспѣшно отступить къ Можайску.

Однако и послѣ такихъ совмѣстныхъ дѣйствій, завершившихся блестящимъ успѣхомъ, рознь и споры между вождями обоихъ ополченій прекратились не сразу.

Вотъ что говоритъ Соловьевъ: «Соединенными усиліями обоихъ ополченій гетманъ былъ отраженъ и къ сидѣвшимъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ полякамъ не пропущено припасовъ... надобно теперь было думать, какъ бы стѣснить ихъ окончательно, но пошла опять рознь между начальниками.

Князь Трубецкой, какъ бояринъ, требовалъ, чтобы стольникъ князь Пожарскій и торговый человѣкъ Мининъ ѣздили къ нему въ таборы для совѣтовъ, но тѣ не соглашались не потому, что считали это для себя унизительнымъ, а боясь убійства».

Доводъ Соловьева имѣетъ подъ собой почву, потому что дѣйствительно нѣкоторые бояре и дворяне, изъ тѣхъ, что тянули руку поляковъ, подбивали казаковъ такъ же расправиться съ Пожарскимъ, какъ прежде расправились съ Ляпуновымъ и идти грабить и разорять города. Но среди казаковъ подъ Москвой уже черни Заруцкаго не было и къ чести находившихся на лицо надо сказать, что они смутьяновъ-измѣнниковъ сурово гнали изъ своего лагеря, никакихъ покушеній на жизнь Пожарскаго не дѣлали и оставались на мѣстѣ до конца смуты.

Есть нѣкоторыя ясныя указанія, на основаніи которыхъ можно предполагать, что Пожарскій и Мининъ не ѣхали къ Трубецкому въ лагерь отчасти изъ боязни, но больше изъ спѣси и гордости, тѣмъ же платилъ имъ и Трубецкой. Вообще старый русскій порокъ — споръ о мѣстничествѣ, ссоря вождей, сильно мѣшалъ успѣху великаго дѣла.

Наступила осень съ ея туманами, дождями, слякотью и съ холодными ночами. У казаковъ не хватало теплой одежды, обувь изорвалась, продовольственная часть у нихъ была совсѣмъ плохо организована. Ихъ предводитель князь Трубецкой мало заботился о нуждахъ своихъ добровольныхъ подчиненныхъ. Между тѣмъ въ лагерѣ земскаго ополченія не только ни въ чемъ необходимомъ не нуждались, но даже часто имѣли возможность бражничать. Стекавшіяся со всей Россіи щедрыя пожертвованія шли къ Минину и тратились исключительно на нужды земскаго ополченія. До казаковъ въ земскомъ ополченіи никому рѣшительно не было дѣла, точно они не существовали. И еслибы не скудное жалованіе, которое собиралъ съ народа и платилъ имъ всегда съ опозданіемъ Троице-Сергіевъ монастырь, имъ пришлось бы или грабить или умирать отъ голода.

Изстрадавшіеся казаки стали роптать: «мы голодны и холодны и не можемъ долѣе стоять подъ Москвой. Пусть подъ ней стоятъ богатые дворяне».

Великій дѣятельный патріотъ—Троицкій архимандритъ Діонисій, понимая, что съ уходомъ казаковъ изъ-подъ Москвы русское государственное дѣло рухнетъ навсегда, и что нельзя же людямъ жить воздухомъ, послалъ казакамъ ризы, епитрахили, стихари и разныя церковныя драгоцѣнности, умоляя казаковъ не уходить, стоять до конца за дѣло родины.

Усердіе и щедрость троицкаго инока тронули сердца казаковъ, и такихъ тяжелыхъ даровъ они не приняли.

Съ двумя атаманами казаки на другой же день возвратили архимандриту всѣ драгоцѣнности и церковную утварь, наказавъ посланцамъ сказать Діонисію, что они благодарятъ его за щедрые дары, отъ которыхъ отказываются, а сами они порѣшили или лечь всѣмъ костьми до единаго, или уйти домой только тогда, когда выгонятъ всѣхъ ляховъ изъ Москвы, теперь же просятъ за нихъ, грѣшныхъ, только святыхъ молитвъ архимандрита.

Вскорѣ послѣ этого и раздоры изъ-за мѣстъ между военачальниками уладились. Рѣшено было, что Пожарскій,召Mининъ и Трубецкой для совѣщанія о ратныхъ дѣлахъ будутъ съѣзжаться на серединномъ пунктѣ между двумя лагерями.

Ополченія простояли еще два мѣсяца, ничего важнаго не сдѣлавъ. Поляки сидѣли въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ и, несмотря на страшный голодъ, на предложеніе сдаться отвѣчали отказомъ.

«Въ октябрѣ 1612 г.», говоритъ Ключевскій (Курсъ Р. И., ч. III, ст. 74), «казаки пошли на приступъ и взяли Китай-городъ. Земское же ополченіе не рѣшилось штурмовать Кремль; сидѣвшая тамъ горсть поляковъ сдалась сама, будучи доведена до людоѣдства».

Такимъ образомъ Москва была очищена отъ поляковъ и праздновала свое избавленіе.

Но торжество русскихъ людей чуть не омрачилось новымъ несчастіемъ. Стали пріѣзжать изъ глубины страны гонцы съ извѣстіемъ, что король Сигизмундъ съ большимъ войскомъ, соединившись съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, шелъ отъ Смоленска на Москву.

Страхъ, навѣянный этими вѣстями, былъ очень великъ, особенно потому еще, что многіе ратные люди разъѣхались по домамъ и защита только что освобожденной отъ врага столицы представляла огромныя затрудненія.

Но Сигизмундъ дошелъ только до города Волоколамска и осадилъ его. Надъ городомъ начальствовалъ воевода Карамышевъ, у котораго, помимо небольшого ополченія, были подъ командой два донскихъ атамана: Нелюбъ Марковъ и Иванъ Епанчинъ съ казаками, недавно пришедшими съ Дона, на подкрѣпленіе своихъ товарищей.

Король сдѣлалъ три жестокихъ приступа къ городу, но понесъ такія огромныя потери отъ отпора, даннаго казаками, что вынужденъ былъ снять осаду и поспѣшно отступить.

Воевода Карамышевъ съ атаманами и казаками погнался за нимъ и, нанося пораженіе за пораженіемъ, выпроводилъ короля за русскіе предѣлы.

Русскіе люди припоминая все то, что сдѣлали донцы въ страш-

ную эпоху лихолѣтья, тогда же сложили поговорку: «пришли казаки съ Дону—погнали ляховъ къ дому».

Ключевскій по этому поводу говоритъ:

«Казацкіе же атаманы, а не московскіе воеводы отбили отъ Волоколамска короля Сигизмунда и заставили его вернуться домой. Дворянское ополченіе здѣсь еще разъ показало въ смуту свою малопригодность къ дѣлу, которое было его сословнымъ ремесломъ и государственной обязанностью».

## XIV.

Русская земля послѣ продолжительной и страшной смуты наконецъ-то была очищена отъ иноземныхъ завоевателей, но положеніе ея было глубоко безотрадное. Дѣйствительность походила на кошмарный сонъ. На Руси все рухнуло, все разваливалось. Не только города и села дымились въ развалинахъ, не только были осквернены алтари и храмы, но даже самыя души русскихъ людей поддались общему развалу, смердѣли ненавистью, злобой, развратомъ нравственнымъ и политическимъ. Бояре и дворяне, забывъ о родинѣ, искусились въ измѣнахъ и предательствахъ; московская чернь привыкла къ своевольству и уличнымъ бунтамъ; народъ, не имѣя власти, которая поддерживала бы порядокъ, необходимый для мирной трудовой жизни, разбѣгался отъ своихъ пепелищъ куда глаза глядятъ, и пріобрѣталъ разбойничьи навыки, принималъ звѣриный нравъ и обычай, шелъ громить боярскія усадьбы, грабить города и села.

Да и какъ могло быть иначе? Вездѣ бродили шайки своихъ и чужеземныхъ разбойниковъ. Вся Русь разграблялась. Жизнь и достояніе каждаго висѣли на волоскѣ и зависѣли отъ множества случайностей.

Защиты, суда и расправы искать было негдѣ. Поэтому, чтобы самому не быть ограбленному, надо было грабить, чтобы самому не быть убитому—надо было убивать другихъ. Кто былъ силенъ и дерзокъ, тотъ выигрывалъ, слабый и кроткій вынужденъ былъ страдать и терпѣть. И въ общемъ никто въ тогдашней Руси не только не могъ спокойно отдаться мирному труду, но и поручиться за свою безопасность и за безопасность своихъ близкихъ ни на одинъ часъ.

Предстояло тяжкое дѣло устроенія земли. Для этого въ первую голову надо было найти матку, вокругъ которой могъ бы собраться рой и начать свою трудовую порядливую мирную жизнь.

Нужна была непререкаемая власть въ образѣ царя.

Пожарскій и Трубецкой разослали по всѣмъ городамъ грамоты,

сзывая въ Москву выборныхъ русскихъ людей для «земскаго совѣта и государева избранія».

Когда выборные съѣхались, то сперва былъ назначенъ трехдневный постъ, послѣ котораго начался Земскій Соборъ.

Тутъ, между прочимъ, было разобрано дѣло донцовъ.

Постоянно оскорбляемые тѣмъ, что русскіе люди называли ихъ не иначе, какъ «ворами-казаками», донцы черезъ своего выборнаго потребовали отъ Собора разслѣдованія и суда надъ собой.

Требованіе ихъ было удовлетворено.

Представитель донцовъ, спокойно выслушавъ предъявленныя къ нему и его товарищамъ обвиненія, съ достоинствомъ объяснилъ, что ихъ, донцовъ, вѣрныхъ слугъ отечества, пришедшихъ съ Поля, спасать родину, смѣшиваютъ съ тѣми бродягами и черныо, которые воровали, грабили, убивали и чинили всяческія озорства и буйства подъ начальствомъ Заруцкаго и въ другихъ многочисленныхъ шайкахъ. Тѣ бѣглые холопы и крестьяне, и всякій сбродъ изъ всѣхъ сословій московскаго царства, самозванно именовавшіе себя казаками, ничего общаго не имѣютъ и не могутъ имѣть съ ними, донцами, потому что они не ихъ казачьей породы и не приходили съ ними съ Дона, а всѣ до единаго уроженцы московскихъ областей и отчасти черкасы, т. е. запорожцы. И они, донцы, нисколько не могутъ быть повинны въ преступномъ поведеніи этихъ людей. Если же искать виновныхъ, то таковы сами московскіе люди, выдѣлившіе изъ своей среды такихъ изверговъ. Они же, донцы, на произволъ судьбы, на погромъ и разореніе бросили свои дома, свои семьи и, придя сюда, цѣлые годы лили свой потъ и кровь за отечество, даже тогда, когда всѣ русскіе люди отступились отъ Москвы, оставивъ ее въ рукахъ враговъ, они, донцы, не ушли изъ-подъ стѣнъ столицы, а на смерть бились съ ляхами, при этомъ они никого не грабили, ни на чей счетъ не обогащались, жили въ великой нуждѣ на то скудное жалованіе, которое имъ выдавалось всегда съ запозданіемъ и когда, видя ихъ крайнее бѣдствіе, троицкій архимандритъ Діонисій предложилъ имъ монастырскія сокровища, они эти сокровища возвратили, продолжая свою службу отечеству, бѣдствуя и нуждаясь, тогда какъ земскіе ратные люди во всемъ имѣли избытокъ. И за свою службу они никогда ничего не требовали и теперь не требуютъ.

Въ доказательство правоты своихъ утвержденій атаманъ говорилъ, что они, донцы, уходятъ домой такими же бѣдняками и нищими, какими пришли съ Дона и, пожалуй, еще бѣднѣе, съ тою только разницей, что въ своихъ рядахъ они не досчитываются многихъ и многихъ своихъ товарищей, честно сложившихъ за Русь свои головы.

Внимательно выслушавъ и согласившись со всѣми доводами представителя донцовъ, Соборъ единогласно постановилъ: «казаками этихъ воровъ (т. е. самозванныхъ казаковъ) не называть, чтобы прямымъ атаманамъ, которые служатъ, безчестья не было».

Приступая къ избранію царя, на Соборѣ самъ собою возникъ вопросъ: изъ кого выбирать его?

Донцы единогласно заявили, что они не потерпятъ царя чужеземца и не православнаго, что имъ нуженъ свой чисто русскій по крови царь, не только рожденный въ православіи, но чтобы и предки его были не инороднаго, а чисто-русскаго происхожденія.

Настаивать на этомъ своемъ послѣднемъ рѣшеніи ихъ заставила недобрая память о тяжелыхъ для нихъ дняхъ Бориса Годунова—царя изъ обрусѣвшаго татарскаго рода.

Передъ мощными казачьими голосами сомкнулись уста всѣхъ тѣхъ бояръ и дворянъ, которые изъ личныхъ своекорыстныхъ видовъ хотѣли тянуть руку польскаго, или шведскаго королевичей.

Наконецъ Соборъ, въ значительной мѣрѣ подъ давленіемъ тѣхъ же казачьихъ голосовъ, вынужденъ былъ постановить рѣшеніе—избирать царя только изъ своихъ природныхъ чистокровно-русскихъ вельможныхъ родовъ.

Какъ почти всегда бываетъ на соборахъ, выборные и тутъ разбились на партіи. Пошли въ ходъ подкупы, посулы и другія неблаговидныя дѣянія. Каждая партія выдвигала своего кандидата на престолъ и за него старалась изо всѣхъ силъ. Страсти разгорались. Начались препирательства, ссоры, раздоры. Бояре переругались между собою и едва ли будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что дѣло не обошлось безъ потасовокъ и расчесыванія другъ другу бородъ. Кандидатами на московскій престолъ историки называютъ князей Голицына, Мстиславскаго, Воротынскаго, Трубецкого, Пожарскаго и М. Ѳ. Романова.

Одни только донцы, уклонившись отъ партійной борьбы, не преслѣдовавшіе личныхъ своекорыстныхъ цѣлей и заинтересованные только въ томъ, чтобы царь былъ чистокровный русскій, православный, отъ славныхъ предковъ, съ незапятнаннымъ прошлымъ, молчаливо прислушивались ко всякимъ толкамъ и спорамъ, а потомъ наводили самыя тщательныя справки о всякой серьезной кандидатурѣ кого-либо изъ бояръ. Кандидатурѣ князя Д. М. Пожарскаго они рѣшительно воспротивились. Весьма возможно, что въ казакахъ громко заговорили обиды, имъ нанесенныя прославленнымъ патріотомъ-княземъ за время ихъ совмѣстнаго служенія родинѣ.

Когда на Москвѣ кто-то назвалъ отрока Михаила Романова,

отецъ котораго бояринъ Θеодоръ Никитичъ, насильно постриженный по приказанію царя Бориса въ монахи, теперь въ санѣ митрополита Московскаго изнывалъ въ неволѣ у поляковъ, казаки насторожились.

Трагическая судьба семьи бояръ Романовыхъ, почти сплошь изведенныхъ царемъ Борисомъ, стала близка донцамъ, много сказала ихъ сердцу.

Въ судьбѣ этой боярской семьи донцы нашли печальное сходство съ собственной судьбой.

Одна и та же мощная, ненавистная рука несправедливо и жестоко карала и всячески искореняла и родовитыхъ бояръ Романовыхъ и ихъ худородныхъ неизвѣстныхъ донскихъ витязей.

Въ Москвѣ на войсковомъ кругу донцы единогласно постановили возвести на престолъ Михаила Θеодоровича Романова и поручили своимъ выборнымъ атаманамъ передать Собору волю всевеликаго войска Донского и за ту волю крѣпко до смерти всѣмъ стоять.

Рѣшеніе это вполнѣ согласовалось и съ желаніемъ всего Дона, съ которымъ казаки, находившіеся въ Москвѣ, имѣли постоянныя сношенія черезъ легкія станицы, безпрерывно поддерживавшія связь между Московскимъ казачьимъ лагеремъ и главнымъ донскимъ на Дону.

Въ знаменательный день 7-го февраля 1613 года выборный донской атаманъ съ грамотой въ рукѣ прибылъ на Соборъ.

Немного ранѣе его какой-то галичскій дворянинъ подалъ записку, въ которой обстоятельно доказывалъ, что ближайшимъ родственникомъ угасшей царственной вѣтви Рюрикова дома является Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, а потому только онъ одинъ имѣетъ всѣ законныя права на московскій престолъ и «той да будетъ царь».

Мнѣніе галичскаго дворянина весьма многимъ не понравилось, его стали горячо и злобно оспаривать. На Соборѣ поднялся шумъ, послышалась ругань. «Кто такую записку принесъ, кто онъ такой, откуда, зачѣмъ?» кричали вокругъ. Дворянину, пожалуй, не поздоровилось бы. Но вслѣдъ за нимъ подошелъ донской атаманъ и подалъ свою грамоту князю Пожарскому.

Вотъ что говорится объ этомъ историческомъ моментѣ въ лѣтописи объ избраніи Михаила Θеодоровича на царство.

...«О злобы еще ехиднино пороженіе остася (т. е. послѣ подачи галичскимъ дворяниномъ своего писанія) испущая своя блевотины, рѣша: «Кто то писаніе принесъ, кто и откуда?»

«И ускори въ то время Славнаго Дону атаманъ и выпись предложилъ на Соборѣ таковужъ. И вопрошаетъ его князь Дмитрей

Михайловичъ: «Атамане! Какое вы писаніе предложили?» Отвѣща атаманъ: «О природномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ».

«И прочтеше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ»...

Является вопросъ: почему у Собора, такъ непримиримо и враждебно отнесшагося къ предложенію неизвѣстнаго галичскаго дворянина избрать на царство Михаила Ѳеодоровича, вдругъ «прочтеше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ» на то же избраніе? Почему совершился такой крутой, можно сказать—молніеносный поворотъ въ мнѣніяхъ и рѣшеніи?

Отвѣтъ на это до-нельзя простъ, хотя наши историки почему-то о немъ умалчиваютъ. Неизвѣстный галичскій дворянинъ былъ просто галичскій дворянинъ и только. Своего мнѣнія онъ ничѣмъ реальнымъ поддержать не могъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Соборъ, засѣдавшій и спорившій уже много дней, разобрался въ степени вѣскости правъ каждаго изъ предложенныхъ кандидатовъ на престолъ, и конечно, зналъ о правахъ и Михаила Романова, но избраніе его въ цари не совпадало съ личными интересами весьма многихъ членовъ Собора. Они-то и возмутились.

Не то былъ «Славнаго Дону атаманъ». Соборяне знали, что атаманъ высказывалъ не свое единоличное мнѣніе... За спиной атамана на Москвѣ стояли тысячи его товарищей, съ саблями которыхъ приходилось очень серьезно считаться, а въ дальнемъ резервѣ былъ Тихій Донъ, всевеликое войско Донское, которое въ важныхъ государственныхъ случаяхъ шутить не любило и къ важнѣйшему акту избранія царя относилось съ напряженнымъ, неослабнымъ вниманіемъ.

Такимъ образомъ, спорить съ атаманомъ было не только опасно, но просто невозможно, потому что его боевой силѣ они ничего не могли противопоставить.

Впослѣдствіи поляки и шведы укоряли русскихъ бояръ тѣмъ, что будто-бы Михаила Ѳеодоровича возвели на престолъ одни казаки.

Изъ опасенія, чтобы мои слова не были истолкованы превратно, я вынужденъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы рѣшительно заявить, что первый Романовъ былъ избранъ на престолъ всѣми сословіями Московскаго царства, но мало того—онъ былъ желаннымъ избранникомъ всего русскаго народа.

И вотъ почему: длинный рядъ представителей доблестнаго рода Романовыхъ, останки котораго покоятся вѣчнымъ сномъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, служилъ Россіи вѣрою и правдою при царяхъ Рюриковской династіи, съ которой неоднократно и породнился. Въ періодъ расцвѣта этой семьи Романовы

были одни изъ богатѣйшихъ людей Московскаго царства. Чуть ли не во всѣхъ областяхъ тогдашней Руси они имѣли свои вотчинки. При Боисѣ Годуновѣ семья эта была разгромлена и разорена, многихъ членовъ ея задушили, другихъ заморили голодомъ, родителей отрока Михаила насильно постригли въ монашество.

Но въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ народъ зналъ боярскій родъ Романовыхъ больше, чѣмъ другіе боярскіе роды, преклонялся передъ страданіями его членовъ, любилъ и почиталъ ихъ не только какъ горячихъ патріотовъ и людей благочестивыхъ, но и какъ трезвыхъ и хозяйственныхъ людей.

И когда измученной, изстрадавшейся, обнищавшей Россіи понадобился Державный Хозяинъ, русскій народъ любовно и единодушно вручилъ царственный скипетръ юному отроку—отпрыску хозяйственной, любимой всѣми семьи. Донское казачество своимъ вѣскимъ голосомъ только ускорило это неизбѣжное избраніе, чѣмъ въ корнѣ пресѣкло интриги партій и избавило Россію отъ опасныхъ тогда проволочекъ.

Численность донцовъ въ первые два вѣка ихъ существованія была не только не велика, но просто ничтожна. Въ рѣдкихъ случаяхъ, при необычайномъ напряженіи всѣхъ силъ, они могли выставить до 10 тысячъ воиновъ, но тамъ, гдѣ появлялись ихъ малочисленныя дружины, они удивляли всѣхъ своимъ непоколебимымъ мужествомъ, всегдашнимъ стремленіемъ впередъ къ побѣдамъ, знаніемъ военнаго дѣла, умѣніемъ владѣть оружіемъ, особенной, имъ только однимъ свойственной гибкой стойкостью и необычайной преданностью православной вѣрѣ, государю и отечеству.

Небольшое ихъ количество въ размѣрѣ двухъ-трехъ современныхъ полковъ въ прежнія времена стоили цѣлой арміи.

Въ Москвѣ во время избранія Михаила Ѳеодоровича донцовъ было не болѣе трехъ, трехъ съ половиною тысячъ человѣкъ, но они представляли собою такую внушительную силу, съ которой бороться никому и въ голову не приходило.

Представители Дона участвовали и въ историческомъ посольствѣ въ Костромской Ипатьевскій монастырь.

Вотъ какъ говорится объ этомъ знаменательномъ событіи въ той же лѣтописи: «И избраша въ путное шествіе князъ и атаманства великаго войска и всякихъ чиновъ ратныхъ, пріидоша на Кострому и начаша у нея (у матери Михаила Ѳеодоровича) милости просити, дабы благословила сына своего на Московское государство. И тако начаша власти и князья и бояре и великаго Дону атаманство просити милости и поднесоша ей прежереченное писаніе о избраніи сродства царева за руками всѣхъ чиновъ»...

Послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, донцы, не мѣшкая ни одного лишняго дня, всѣ до единаго ушли къ себѣ на Тихій Донъ.

Тамъ ждали ихъ кровавые счеты съ ногайцами, азовцами, крымцами и черкесами, похозяйничавшими за время ихъ отсутствія въ городкахъ и станицахъ.

А донцы не любили оставаться въ долгу.

Много сложили донцы головъ своихъ за святое дѣло Руси въ смутное время, но имена ихъ никому невѣдомы, да и о прославленіи отдѣльныхъ лицъ казаки видимо не заботились. Имъ дорога была только честь и слава ихъ родного Тихаго Дона. Незапятнанное имя честнаго, прямодушнаго витязя атамана Филата Межакова, казалось бы должно стоять, если не на ряду, то недалеко отъ именъ Пожарскаго и Минина, но о немъ, какъ и вообще о службѣ донцовъ въ смутное время на Руси, не только забыли, но сохранили несправедливую, недобрую память.

*Но если забыла и забываетъ своихъ доблестныхъ сыновъ Россія, такъ пусть же хоть Тихій Донъ благоговѣйно вспомнитъ и преклонится передъ скромной, но достойной памятью того, кто въ лихія годины отечества не продавалъ своей сабли врагамъ, не «перелеталъ» корысти ради изъ одного лагеря въ другой, не ронялъ высокаго знамени, не топталъ въ грязь честь пославшаго его войскового товарищества, а прямодушно, славно и честно, не щадя живота, потрудился на общей кровавой нивѣ на защиту великой родины.*

## XV.

Кончилась гибельная смута на Руси, избранъ свой прирожденный русскій царь. Тихій Донъ былъ полонъ радости и ликованія. Только человѣкъ около 200 гулебщиковъ-донцовъ пристало къ бунтовщическимъ шайкамъ Заруцкаго и Марины Мнишекъ.

Видимо, преступное поведеніе этихъ измѣнниковъ сильно волновало и безпокоило вѣрное новому законному царю всевеликое войско Донское. Оно не осталось безучастнымъ къ отщепенцамъ и неоднократно посылало свои грамоты какъ къ нимъ, такъ и къ терскимъ и яицкимъ казакамъ, «чтобы они убоялися Бога и держалися правды и бездѣлья Маринкина и ея сына не слушали, и не воровали на Волгѣ, а отъ... царской милости съ нами неотступны были»...

Наконецъ войско и этимъ не удовлетворилось, а видя упорство бунтовщиковъ, изъявило желаніе всей своей громадой идти

противъ Заруцкаго, истребить его шайки, если на это будетъ соизволеніе Государя.

Угрозы всевеликаго войска отрезвляюще подѣйствовали на донцовъ-гулебщиковъ, которые первыми оставили Заруцкаго и Марину, а потомъ по ихъ примѣру ушли отъ нихъ терскіе и яицкіе казаки.

Вскорѣ знаменитые авантюристы, причинившіе столько зла Россіи, сошли съ исторической арены и погибли.

Польскій король Сигизмундъ, не разстававшійся съ мыслью возложить на свою голову московскую корону, засылалъ къ донцамъ своихъ агентовъ, склоняя ихъ возстать противъ царя Михаила, причемъ не скупился ни на какія обѣщанія.

Всевеликое войско съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергало всѣ предложенія чужеземнаго короля.

26-го октября 1613 года въ нижніе донскіе юрты прибылъ царскій посолъ Соловой Борисьевичъ Протасьевъ, ѣхавшій въ Турцію съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Россіи Михаила Ѳеодоровича и съ порученіемъ склонить султана помогать Россіи въ войнѣ противъ Польши.

Онъ привезъ съ собою донцамъ жалованье и двѣ грамоты: одну отъ царя, другую отъ собора православныхъ архипастырей.

Самъ царь, унаслѣдовавшій разоренную страну и пустую государственную казну, очень нуждался въ то время въ деньгахъ и присланное казакамъ жалованье было больше, чѣмъ скудное. Но донцы приняли его со слезами умиленія и восторга.

Посолъ былъ разстроганъ и пораженъ той искренней глубокой радостью и благоговѣніемъ, съ которымъ казаки встрѣтили и выслушали грамоту царя.

Государь въ своей грамотѣ между прочимъ повелѣвалъ стоять крѣпко за него и за Россію противъ польскаго короля и не воевать съ азовцами, подвластными турецкому султану.

Казаки охотно обѣщали исполнить повелѣнія государя.

Митрополиты и весь соборъ православнаго духовенства въ своемъ посланіи въ яркихъ краскахъ изображая бѣдственное состояніе отечества и предупреждая о губительныхъ замыслахъ польскаго короля, именемъ Бога умоляли донцовъ стать грудью за вѣру, царя и отечество.

«И за тѣ ваши службы, писали духовные отцы,—буди на всѣхъ на васъ Божія милость и нашъ и вселенскаго собора миръ и благословеніе... и умножи Господь лѣта живота вашего и подай вамъ Господи вся полезная, яко же вѣсть святая Его воля... а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ и челомъ бьемъ».

Въ своей пространной отпискѣ государю, привезенной въ Москву 22-го декабря того же 1613 года, Протасьевъ, между про-

чимъ, пишетъ: «Да атаманы-жъ, государь, и казаки и все войско, служа тебѣ, государю, и радѣя, посылаютъ отъ себя въ Асторохонь и на Волгу къ казакамъ (изъ шаекъ Заруцкаго), если они отъ воровства не отстанутъ, и они всѣ хотятъ на нихъ итти своими головами Донскимъ войскомъ. Да атаманы-жъ, государь, и казаки намъ, холопемъ твоимъ, говорили: только де государь пошлетъ въ Асторохони бояръ и воеводъ и ратныхъ людей, и мы де всѣ пойдемъ подъ Асторохонь, и правда, государь, и радѣнье и атамановъ и казаковъ и всего войска къ тебѣ, государю, единодушна, отнюдь безо всякаго суетнаго позабыванья».

Въ началѣ слѣдующаго года царь осчастливилъ донцовъ своей новой милостью: съ атаманомъ Бедрищевымъ помимо своей милостивой грамоты онъ прислалъ войску первое знамя.

Насколько казаки высоко оцѣнили новую царскую милость, свидѣтельствуютъ опросныя рѣчи дворянина Опухтина.

15-го іюня въ Смагиномъ юрту собрался многолюдный войсковой кругъ. Казаки, заранѣе оповѣщенные о пріѣздѣ посла, собрались сюда со всего Дона и притоковъ.

Царскаго посла съ подобающей честью пригласили въ кругъ.

Опухтинъ, войдя въ кругъ, по обычаю отъ лица царя спросилъ казаковъ о здоровьѣ.

И тотчасъ же атаманы, старшины и всѣ казаки пали на колѣни и били головой до земли.

Весь кругъ со слезами умиленія и благодарности въ восторженныхъ кликахъ благодарилъ царя за заботу о ихъ здоровьи.

Потомъ всѣ поднялись. Атаманъ выступилъ впередъ и отъ лица всего войска отвѣчалъ послу:

— Дай, Господи, чтобы государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи здоровъ былъ, и счастенъ и многолѣтенъ на своихъ великихъ государствахъ, а мы, слышачи къ себѣ его царскаго величества неизрѣченную милость, чего отъ прежнихъ государей намъ не бывало, о его многолѣтнемъ здоровьѣ Бога молимъ и милосердому Господу хвалу воздаемъ.

— Такъ, такъ! Хорошо, атаманъ! — слышались одобрительныя негромкія восклицанія въ войсковомъ кругу.

Буйныя головы были склонены, уши чутко улавливали каждый звукъ

Опухтинъ сказалъ по государеву наказу рѣчь, чтобы они, казаки, служили государю, радѣли, промышляли о его дѣлахъ согласно милостивымъ царскимъ грамотамъ и тому наказу, который они получили отъ собора архипастырей.

Въ одинъ голосъ загремѣлъ казачій кругъ:

— Мы для его царскаго величества рады не только кровь

свою проливать, но и на смерть биться съ врагами, сколько Богъ помочи подастъ!

Посолъ передалъ атаману жалованье и царскую грамоту.

Снявъ шапку, атаманъ принялъ грамоту, поцѣловалъ печать и передалъ ее войсковому дьяку для прочтенія.

Головы всего многотысячнаго круга мгновенно обнажились.

Настала мертвая тишина. Всѣ затаили дыханіе.

Торжественно вычитывалъ дьякъ слова царской грамоты, и его могучій голосъ разносился по всему обширному майдану.

Безшумно и незамѣтно сузился войсковой кругъ.

Жадно внимали казачьи уши каждому слову На загрубѣлыхъ лицахъ замѣтно было волненіе, тихія слезы умиленія капали изъ горящихъ глазъ на бороды и усы.

— Не забылъ насъ, непріютныхъ сиротъ въ Полѣ, нашъ батюшка Православный Царь!—шептали немногорѣчивыя казачьи уста.

Лишь только умолкнулъ голосъ дьяка, дочитавшаго грамоту, раздалось громовое ура, «да здравствуетъ Царь Государь Михайло Ѳеодоровичъ!» Шапки полетѣли вверхъ, тысячи ружейныхъ дулъ направились къ небу и загрохотали выстрѣлы, точно въ ожесточенной перестрѣлкѣ. Пороховой дымъ повисъ въ раскаленномъ воздухѣ надъ обширнымъ майданомъ и, казалось, лѣнился расплываться.

Радостно возбужденное, ликующее всевеликое войско повалило къ смагинской часовенькѣ. Священнослужители въ бѣдныхъ облаченіяхъ стали служить молебенъ о царскомъ здравіи.

Горячо, колѣнопреклоненно молилось всевеликое войско за своего возлюбленнаго государя.

При возглашеніи царскаго многолѣтія загрохотали всѣ войсковыя пушки, опять тысячи ружейныхъ выстрѣловъ и крики «ура» потрясли воздухъ.

По окончаніи молебна на майданъ вынесли недавно пожалованное царемъ новое знамя. Оно величественно развѣвалось въ рукахъ посѣдѣлаго въ бояхъ внушительнаго вида, знаменщика. Подъ знаменемъ поверженный въ пыли лежалъ какой-то казакъ.

Онъ былъ осужденъ войсковымъ кругомъ на смерть за то, что еще въ смутное время съ своимъ товарищемъ, будучи пьянымъ, оговорилъ казакамъ, что «атаманы и казаки за посмѣхъ вертятся» служа государеву дѣлу и что все равно, какъ бы они не вертѣлись, «отъ Ивашки имъ Заруцкаго не избыти, быть подъ его рукою».

Казаки тогда же, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, приговорили обоихъ смутьяновъ къ смерти и сгоряча одного изъ нихъ тутъ же

повѣсили, а того, который лежалъ теперь подъ знаменемъ, отдали войсковому атаману, который за провинность «зѣло шпынялъ его»...

Теперь же войсковой кругъ ради великой радости просилъ Опухтина, какъ раньше Протасьева, чтобы государь милосердный помиловалъ этого преступника, тѣмъ болѣе, что «онъ де виноватъ безъ хитрости, не умышленіемъ, со пьяна».

Опухтинъ именемъ государя помиловалъ казака.

Прощенный по знаку атамана всталъ и съ радостнымъ лицомъ поклонился до земли царскому дворянину и всевеликому войску.

И весь кругъ войсковой завопилъ:

— Дай Господи, чтобы Государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта. Онъ, милосердный, насъ, винныхъ, милуетъ.

Опухтинъ отъ имени царя потребовалъ отъ казаковъ, чтобы они не воевали съ азовцами, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не возвратится изъ Константинополя посолъ Протасьевъ.

Трудно было казакамъ выполнить царское повелѣніе.

Войсковой атаманъ, старшины и казаки говорили послу, что они, казаки, рады бы не нарушать мира, но азовцы, какъ сосѣди, невыносимы, злы, вороваты, коварны и кровожадны, слова не держатъ, но ради великаго Государя они готовы все вытерпѣть.

Въ своей отпискѣ Царю отъ 26-го іюня 1614 года, посланной съ тѣмъ же Опухтинымъ, казаки горько жалуются на свое положеніе: «нынѣшняго года лошадей у насъ взяли (азовцы) съ тысячу, и казаковъ съ тридцать и коровъ со сто, а обидятъ насъ заодно съ крымцами и съ ногайцы, а мы, холопи твои государевы, не смѣемъ своего изъяну отомстити для тебя, великаго Государя».

Азовцы, узнавъ объ обѣщаніи казаковъ, данномъ своему царю, не мстить имъ за набѣги и разоренія, почти ежедневно безчинствовали въ казачьихъ юртахъ.

Донцы все терпѣли, только отбивались, не переходя въ наступленіе. Но лишь только посолъ Протасьевъ вернулся изъ Константинополя, горѣвшіе местью они бросились къ Азову, выжгли много селеній, перебили много людей и, прорвавшись на своихъ каторгахъ на море, погромили и потопили множество турецкихъ судовъ.

Свирѣпая месть разгнѣванныхъ казаковъ навела ужасъ на азовцевъ. Они просили мира и не смѣли высунуть носа изъ своего укрѣпленнаго города.

Казаки настолько были озлоблены, что мира давать не хотѣли и только по строгому приказу государя наконецъ примирились,

да и то не на долго, взявъ съ азовцевъ по обычаю за согласіе на миръ 1000 золотыхъ, котлы на все войско, сѣти и соль.

## XVI.

Но безоблачныя отношенія между царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и всевеликимъ войскомъ Донскимъ продолжались недолго.

Московское правительство, озабоченное изнурительной борьбой съ Польшей, сознавая крайнюю слабость и разстройство отечества, цѣною всяческихъ уступокъ старалось ладить и заключить даже союзъ съ Крымомъ и Турціей.

Донцы бокъ-о-бокъ жили съ пріазовскими подданными султана, до Крыма имъ было рукой подать.

Московскій царь, преслѣдуя общіе государственные интересы Россіи, запрещалъ казакамъ раздражать султана и хана нападеніями на ихъ владѣнія.

При тревожной, боевой жизни казакамъ невозможно было заниматься земледѣліемъ. Мало этого, всевеликое войско до самаго конца XVII столѣтія смертью казнило всякаго казака, дерзнувшаго распахать хотя бы вершокъ земли.

Скотоводство было у казаковъ въ зачаточномъ состояніи, коней водили немного больше того количества, какое потребно было для боевыхъ цѣлей.

Какъ я уже говорилъ выше, царскаго жалованья хлѣбомъ, сукнами и деньгами для поддержанія существованія казакамъ не хватало. Мало этого, царь, почему-либо недовольный поведеніемъ казаковъ, иногда на цѣлые годы лишалъ войско жалованья.

Оставались еще охота и рыбная ловля. Но и эти статьи дохода не обезпечивали жизни казака.

Кромѣ того казакъ считалъ своимъ жизненнымъ призваніемъ, своей святой задачей расширять предѣлы государевыхъ вотчинъ и, будучи глубоко преданъ вѣрѣ отцовъ, онъ защищалъ ее отъ натиска ислама, какъ могъ и сколько хватало силъ.

Азовцы и крымцы отличались хищнымъ и воинственнымъ характеромъ. Они постоянно поднимали ногайцевъ и черкесовъ противъ донцовъ и сами даже безъ вызова и повода со стороны казаковъ нападали на ихъ городки, разоряли, жгли ихъ, вырѣзывали жителей, угоняли скотъ и лошадей.

Ясно, что безъ войны и боевой добычи донцамъ невозможно было прокормиться, безъ мужественнаго отпора многочисленнымъ и свирѣпымъ сосѣдямъ они въ какой нибудь мѣсяцъ времени были бы истреблены всѣ поголовно, тѣмъ болѣе, что сравнительно съ своими

враждебными сосѣдями всегда ихъ было такъ мало, что каждый боецъ у нихъ былъ на счету.

И волей-неволей, иногда для отместки врагу и для освобожденія русскихъ плѣнниковъ, а чаще для удалой потѣхи и добычи казакамъ приходилось поднимать оружіе противъ своихъ могущественныхъ и безпокойныхъ сосѣдей, прорываться на ладьяхъ въ открытое море, топить и полонить турецкія военныя и торговыя суда, громить и грабить крымскіе и турецкіе прибрежные города и села.

Представляется прямо загадкой, что это маленькое племя не только уцѣлѣло въ страшной ежечасной борьбѣ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій противъ многочисленныхъ разноязычныхъ племенъ, но изъ борьбы постоянно выходило побѣдителемъ и неуклонно, систематически, упорно раздвигало предѣлы государства. Не разъ это племя было на краю гибели отъ поголовнаго истребленія врагами, почти постоянно оно находилось между молотомъ и наковальней, т. е. между грозными запрещеніями царя обороняться отъ турокъ и кровавымъ натискомъ этихъ самыхъ турокъ, крымцевъ, черкесовъ, ногайцевъ, и каждый разъ оно выходило изъ нечеловѣчески опасныхъ обстоятельствъ побѣдителемъ.

Такіе благополучные для казаковъ исходы борьбы можно объяснить только ихъ глубокой проникновенной вѣрой въ покровительство Божественнаго Промысла, пламенной, неизмѣнной любовью къ царю, необыкновенно высоко развитымъ духомъ товарищества и безподобными боевыми качествами, развившимися у нихъ благодаря безперерывной войнѣ и какъ ни парадоксально покажется— всегдашнему ихъ численному малолюдству сравнительно съ ихъ врагами. Тогда, какъ ихъ враги искали успѣховъ въ количествѣ бойцовъ, весь расчетъ казаковъ волей-неволей строился на качествѣ ихъ, и они въ мирное время безперерывно упражнялись въ военныхъ играхъ, въ умѣньи владѣть конемъ и оружіемъ, управлять на водѣ лодкой, веслами и парусами.

Несомнѣнно и то, что тотъ человѣческій матеріалъ, который выдѣлялъ изъ себя великій русскій народъ для образованія Донского казачества, былъ во всѣхъ отношеніяхъ матеріалъ превосходный.

Вѣками стихійно вырабатывавшаяся стратегія и тактика донскихъ казаковъ ко времени царствованія Михаила Θеодоровича уже въ значительной степени опредѣлилась.

Ихъ отличительной чертой былъ починъ, движеніе впередъ, тѣ качества, которыя впослѣдствіи такъ неподражаемо проявлялъ великій, никѣмъ никогда не побѣжденный русскій полководецъ Суво-

ровъ, всю свою долгую боевую жизнь проведшій съ донцами и высоко цѣнившій ихъ воинскія качества.

Всегда уступая своимъ врагамъ въ численности, но превосходя ихъ въ одиночномъ бою, казаки превосходнымъ маневрированіемъ всегда заставляли врага принимать бой въ такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ, какъ имъ было выгоднѣе.

Для этого ко времени Смуты у нихъ уже выработался особенный строй, называемый татарскимъ словомъ «лава», та лава, которою они сокрушали татаръ, черкесовъ и турокъ, въ смутное время били великолѣпныхъ польскихъ и литовскихъ конныхъ латниковъ, а въ эпоху наполеоновскихъ войнъ погубили превосходнѣйшую кавалерію Западной Европы.

Лава даже не строй въ томъ смыслѣ, какъ его понимали и понимаютъ регулярныя войска всѣхъ странъ.

Это нѣчто гибкое, змѣиное, безконечно поворотливое, извивающееся, это сплошная военная импровизація тутъ же на мѣстѣ кроваваго побоища съ безконечными варіаціями разыгрываемая, по вдохновенной, граничащей съ безуміемъ, прихоти полководца.

Но чтобы въ совершенствѣ осуществить такую кровавую импровизацію, мало того, что надо быть полководцемъ-художникомъ, но чтобы и инструментъ, на которомъ онъ призванъ исполнять кровавыя аріи, долженъ быть совершеннымъ.

Люди—не клавиши, которыя механически подчиняются удару пальцевъ и производятъ соотвѣтствующій звукъ.

Прежніе донцы—великолѣпные рукопашные бойцы, лихіе наѣздники, связанные высокимъ чувствомъ товарищества, взаимной выручки и страшной дисциплины, за нарушеніе которой расправа слѣдовала съ молніеносной быстротой, представляли собою такой именно совершенный инструментъ.

Командиръ управлялъ лавой молча, безъ командныхъ словъ, движеніями поднятой надъ головой шашки, рѣдко сигналами.

Но значеніе малѣйшихъ движеній командирской шашки въ совершенствѣ понималось всѣми его подчиненными и таковыми же движеніями мгновенно передавалось и дальнимъ товарищамъ.

При этомъ начальникамъ отдѣльныхъ звеньевъ, на которыя въ командномъ отношеніи распадалась лава, предоставлялась широкая личная инициатива, лишь бы она не нарушала общаго плана сраженія.

До безконечности гибка эта казачья лава.

Вотъ казаки своей молчаливой, тонкой, длинной, змѣистой линіей разсыпались по полю, мелькаютъ въ кустахъ, въ опушкахъ лѣса, показываются верхушки ихъ шапокъ въ травѣ...

Не сосчитать озадаченному врагу, сколько бойцовъ собралось дать ему отпоръ и откуда, съ какой стороны ждать удара.

Одно уже молчаливое, гибкое, крадущееся, на подобіе тигра, маневрированіе лавы наводитъ на врага въ эти моменты нервнаго напряженія безпокойное, жуткое впечатлѣніе.

Врагъ наступаетъ сомкнутыми, грузными колоннами.

Тонкая струйка змѣистой лавы въ отдаленіи спокойно, еле двигаясь, точно недоумѣвая, что атака ведется на нее, дожидается ихъ. Ближе и ближе...

Кажется, что казаки готовятся принять бой. Обнаженныя сабли блещутъ въ ихъ рукахъ, разсыпанные всадники сближаются между собой на столько, что получается нѣкоторое подобіе боевого фронта.

Вражьи колонны въ пылу задора усиливаютъ аллюръ, чтобы скорѣе схватиться съ казаками. Горячатся ихъ командиры, горячатся люди и лошади...

Какъ будто горячатся и казаки и тоже ускоряютъ темпъ своего движенія на встрѣчу врагу. Сшибка неизбѣжна и ясно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Не устоять жидкому казачьему фронту передъ грузными многолюдными колоннами. Онѣ задавятъ противниковъ своей массой, искрошатъ палашами.

Разгорячившіяся колонны переходятъ въ карьеръ и въ послѣднемъ разгонѣ несутся на сомкнутый кое-какъ строй казаковъ.

Вотъ уже близко. Видны не только сухопарыя, пригнувшіяся къ гривамъ своихъ маленькихъ степныхъ лошадокъ, фигуры казаковъ, но можно уже различить ихъ грозныя лица, ихъ бороды, ихъ горящіе глаза...

Какъ-то странно, едва замѣтнымъ движеніемъ гдѣ то далеко блеснула на солнцѣ кривая шапка главнаго атамана, изобразивъ собою какой-то неуловимый знакъ и, точно по мановенію волшебнаго жезла, казаки въ одинъ мигъ чуть не передъ самымъ носомъ разгоряченнаго врага повернули своихъ ловкихъ, легкихъ и умныхъ коней и въ безпорядкѣ, въ паникѣ поскакали назадъ, разсыпались въ разныя стороны, какъ изъ мѣшка горохъ.

Ихъ нѣтъ. Они разсѣялись, какъ дымъ, пропали, сгинули въ необозримомъ полѣ, точно сквозь землю провалились; не отыскать и слѣда ихъ.

Не успѣло улечься недоумѣнье врага, какъ на горизонтѣ, точно изъ земли снова выросли черныя точки. Онѣ выныриваютъ со всѣхъ сторонъ, ихъ все больше и больше... Онѣ быстро движутся на встрѣчу разстроеннымъ колоннамъ и по мѣрѣ приближенія выростаютъ. Опять это казаки. Надо снова подтянуть людей, надо снова водворить порядокъ въ строю.

Несется издали и понемногу разрастается жидкій, жалобный,

на подобіе воя голодныхъ шакаловъ, на высокихъ фальцетовыхъ нотахъ, дикій гикъ казаковъ.

Этотъ гикъ какъ бы дразнитъ, предупреждаетъ, наконецъ грозитъ.

Это значитъ, что казаки рѣшили принять бой.

Колонны снова смыкаются и несутся на ничтожнаго числомъ врага, но онъ опять струсилъ, опять исчезаетъ, какъ дымъ.

Но непріятель знаетъ коварную тактику казаковъ. Онъ остороженъ, онъ уже не разъ былъ обманываемъ ими и за свою самонадѣянность и оплошность платилъ дорогой цѣной. Его дозоры осматриваютъ и чуть ли не обнюхиваютъ каждый оврагъ, каждую балку, каждый кустъ, дерево, даже былинку.

Дозоры или гибнутъ, захлестнутые взвившимся надъ головой арканомъ, брошеннымъ невидимой рукой притаившагося въ травѣ или въ кустахъ казака или являются съ пустыми руками, безъ взякихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о пропавшемъ непріятелѣ.

Томительна эта неопредѣленность.

А онъ вдругъ появляется съ той стороны, откуда его никакъ не ждали.

Приходится поспѣшно перестраивать фронтъ, опять нестись на казаковъ, и опять они улетучиваются изъ подъ-носа.

Врагъ теряетъ благоразуміе и осторожность и въ сознаніи превосходства силъ своихъ стремится, во что бы то ни стало, поскорѣе настигнуть, жестоко наказать, прямо раздавить эту дерзкую горсть неизмѣнно ускользающихъ противниковъ.

Но каждый разъ ударъ приходится по воздуху. Казаки неуловимы, какъ вѣтеръ и все дальше и дальше втягиваютъ въ поле врага.

Непріятель раздраженъ и разстроенъ. Люди и лошади устали. Боевой пылъ растерялся даромъ, смѣнился вялостью, утомленіемъ. Хочется отдохнуть и подкрѣпить силы и людямъ и лошадямъ. Но тутъ происходитъ нѣчто неожиданное и ошеломляющее.

Казаки, замотавъ врага, заставивъ его повѣрить въ свою трусость и ничтожность, тѣмъ самымъ затянули его въ свой предательскій вентерь *), т. е. попросту-невидимо окружили его со всѣхъ сторонъ.

Непріятелю, какъ онъ ни бейся, подобно рыбѣ въ предательской крѣпкой загородкѣ, не избѣжать страшныхъ казачьихъ ударовъ.

Гдѣ то вдали снова блеснула какимъ то магическимъ, рѣшительнымъ зловѣщимъ движеніемъ тонкая змѣйка атаманской

---

*) Вентеръ или вятеръ—плетенка изъ прутьевъ для ловли рыбы.

шашки, и въ мигъ лошади казаковъ недвижно, точно мертвыя, полегли въ травѣ, въ овражкахъ, въ малѣйшихъ складкахъ мѣстности, въ кустахъ, въ заломахъ чакона и камыша. Мѣткіе выстрѣлы изъ за нихъ загрохотали отовсюду. Въ минуту поле окуталось пороховымъ дымомъ.

Въ колоннахъ врага смятеніе. Люди падаютъ, какъ подкошенные, раненыя лошади съ звонкимъ ржаніемъ взвиваются на дыбы и испуганно несутся по полю, разбивая строй и калѣча все живое, что имъ попадается на пути.

Но что это такое? Со всего широкаго поля, изъ овраговъ, балокъ, изъ терновыхъ кустовъ, изъ прибрежныхъ камышей затерявшейся въ степи рѣчушки, изъ полянокъ, поросшихъ лѣскомъ, несется гулъ и рѣзкіе пронизывающіе звуки. Они все приближаются, растутъ.

Вездѣ закурилась пыль и облаками поднимается къ небесамъ.

Не налетѣлъ ли внезапный губительный шквалъ и реветъ, и треплетъ, и ломаетъ, и выворачиваетъ съ корнемъ лѣсные великаны?

Но нѣтъ, тутъ лѣса не видать.

Или сорвались откуда то изъ преисподней легіоны бѣшеныхъ дьяволовъ и въ яростной злобѣ несутся, визжатъ, и воютъ, и грозятъ?

Нѣтъ, то топочатъ тысячи копытъ, то раздался грозный казачій гикъ.

Это не прежній дразнящій, жидкій, задорный крикъ какой-нибудь сотни голосовъ.

Теперь загудѣло и завопило все поле. Этотъ страшный гикъ весь на самыхъ высокихъ, протяжныхъ до тоски нотахъ, въ немъ неотвратимо, какъ судьба, чуется кровь и смерть. Даже у безстрашныхъ морозомъ подираетъ по кожѣ, сердце холодитъ въ груди, леденитъ кровь въ жилахъ.

Вотъ и они, сами казаки, бородатые, запыленные и страшные, дышащіе неукротимой отвагой и рѣшимостью, съ сверкающими саблями въ рукахъ вынырнули изъ поднятыхъ облаковъ пыли. Они показываются спереди, съ боковъ, сзади... И сколько ихъ—не счесть.

Теперь, затянувъ врага въ предательскую ловушку, казаки, точно удавьимъ, туго сжимающимся кольцомъ, окружили его и разомъ со всѣхъ сторонъ понеслись на него въ атаку...

## XVII.

Только въ самые первые годы по воцареніи Михаила Ѳеодоровича донцы не возбуждали неудовольствія царя.

Но уже съ 1615 года турецкій султанъ и крымскій ханъ въ

своихъ представленіяхъ царскимъ посламъ и въ грамотахъ безпрерывно и настойчиво требуютъ отъ царя обузданія казаковъ и даже изгнанія ихъ съ Дона. Когда же такія требованія не были исполнены, они предлагали своими силами истребить это ненавистное имъ маленькое, боевое племя, причинявшее имъ столько разореній, хлопотъ, страха и огорченій, иначе, они заявили, что не только не заключатъ союза съ Московскимъ царемъ, но и обратятъ свое въ то время грозное оружіе противъ него.

Царь понималъ, что уничтоженіе или сведеніе съ Дона казаковъ равносильно потерѣ своихъ обширнѣйшихъ юго-восточныхъ владѣній и обнаженію всей своей окраины для безпрепятственныхъ ударовъ дикихъ татарскихъ и турецкихъ полчищъ, но сознавая свое безсиліе передъ султаномъ и ханомъ, озабоченный войной съ Польшей и внутренними неурядицами въ Россіи, въ своихъ грамотахъ и черезъ посланниковъ, по заведенному раньше обычаю—всякій разъ отвѣчалъ, что казаки—люди вольные, ему неподчинены, воюютъ и дѣлаютъ набѣги на владѣнія султана и хана вопреки его волѣ и безъ его вѣдома и что казаковъ съ Дона онъ непремѣнно разгонитъ, какъ только покончитъ войну съ Польшей. Если же султанъ и ханъ хотятъ истребить казаковъ собственными силами, то и противъ этой мѣры онъ не возражаетъ.

Давленіе на казаковъ со всѣхъ сторонъ съ каждымъ годомъ все усиливается и усиливается.

Милостивый тонъ царскихъ грамотъ первыхъ лѣтъ смѣняется болѣе суровымъ. Царь высчитываетъ вины казаковъ, горько упрекаетъ ихъ въ ослушаніи, грозитъ имъ опалою, нѣсколько разъ прекращаетъ имъ выдачу жалованья, наконецъ, помня враждебныя дѣйствія запорожцевъ противъ Россіи во время смуты, положительно запрещаетъ донцамъ дружить съ ними и позволять имъ селиться на Дону.

Но донцы часто совмѣстно съ запорожцами дѣлали сухопутные и особенно морскіе набѣги и охотно принимали ихъ въ свою среду.

Но несмотря на нѣкоторыя незначительныя ослушанія, царскія увѣщанія и угрозы часто заставляютъ донцевъ смиряться и воздерживаться отъ войнъ и набѣговъ.

Ихъ вынужденнымъ смиреніемъ всегда пользуются сосѣди ихъ—турки, крымцы, ногайцы, черкесы, вторгаются въ предѣлы войска Донского, жгутъ городки, избиваютъ жителей, отгоняютъ скотъ и лошадей.

Вся ихъ жизнь сложилась между Сциллой и Харибдой.

Казаки не всегда выдерживаютъ безнаказанно нападенія враговъ и, преодолѣвая страхъ передъ царской опалой, подобно со-

крушительной лавинѣ, прорываются къ Азову, въ море, въ Крымъ и въ Турцію. Месть ихъ сурова и безпощадна.

Ихъ безстрашіе и безумно смѣлые набѣги въ самыя гнѣзда враговъ держали крымцевъ и турокъ въ постоянномъ трепетѣ. Боязнь внезапныхъ стремительныхъ казачьихъ нападеній на собственныя владѣнія не разъ останавливали хановъ отъ задуманныхъ грабительскихъ походовъ на несчастныя русскія украины.

Изъ года въ годъ надъ головой всевеликаго войска сходились черныя тучи и наконецъ въ 1625 году разразились первые предвѣстники грозы.

Государь, огорченный и разгнѣванный непослушаніемъ и своевольствіемъ донцовъ, приказалъ схватить зимовую станицу, состоявшую изъ четырехъ казаковъ съ атаманомъ Алексѣемъ Старымъ, пріѣзжавшую въ Москву за жалованьемъ. Схваченныхъ сослали на Бѣло-озеро въ заточенье. Посланцы Донского войска по установившейся изстари традиціи считались лицами неприкосновенными. Въ Москвѣ хорошо знали высоко-развитой духъ товарищества среди донцовъ и арестомъ посланцовъ ударили всевеликое войско по одному изъ самыхъ больныхъ мѣстъ.

Войско дѣйствительно было смущено и взволновано такимъ необычнымъ волеизъявленіемъ своего царя.

Вслѣдъ за тѣмъ въ томъ же году на Дону получилась грозная царская грамота.

Въ ней государь пространно и подробно высчитывалъ вины и ослушанья казаковъ. «Мы уже приказывали вамъ объ этомъ (чтобы не ходить подъ Азовъ, въ Азовское и Черное моря), писалъ Государь—и вы то наше повелѣнье поставили ни во что, и нашего повелѣнья не слушаете и намъ то въ великое подивленье!».

«И вамъ, писано было дальше,—было бы пригоже памятовать, какая вамъ неволя была при прежнихъ царяхъ Московскихъ, а особенно при царѣ Борисѣ. Вы не могли не только пріѣхать въ Москву, но даже и въ пограничные города къ своимъ роднымъ придти; всюду вамъ было запрещено покупать и продавать. Во всѣхъ городахъ васъ хватали, сажали въ тюрьмы, многихъ казнили, вѣшали и въ воду сажали... Мы же всѣ ваши прежнія вины забыли и приняли васъ, какъ своихъ вѣрныхъ слугъ».

Въ концѣ царь грозилъ казакамъ лишить ихъ своего жалованья и запретить имъ ѣздить за рубежъ своего войска, какъ было при царѣ Борисѣ Годуновѣ.

«И въ томъ—заканчивалъ царь свое посланіе—вы будете сами виноваты, а не я».

Съ понуренными головами, молча выслушало опальную цар-

скую грамоту всевеликое войско, но войны съ своими врагами не прекратило.

Въ слѣдующемъ же году они ходили на море для поисковъ и громили турецкіе и крымскіе берега.

За то царскій гнѣвъ и опала заставили всевеликое войско суровѣе взглянуть на тѣхъ гулебщиковъ изъ своей среды, которые ходили на Волгу и Каспій грабить русскія и персидскія суда.

Войсковой кругъ уже давно несочувственно относился къ такимъ разбойникамъ, глядѣлъ на нихъ косо, часто засылалъ имъ увѣщательныя грамоты, но никакихъ крутыхъ мѣръ противъ нихъ не принималъ.

Въ 1627 году въ войсковомъ кругу при атаманѣ Епифанѣ Радиловѣ былъ постановленъ единодушный крѣпкій наказъ: «отъ сего времени впредь и навсегда, чтобы никто съ Дона не ходилъ для воровства на Волгу, а ежели кто объявится на Дону, и тому быть казнену смертію».

Казнь надъ уличенными въ разбояхъ была ужасна: ихъ забивали до смерти ослопьемъ, зашивали въ куль и бросали въ воду, имущество отбирали въ войсковую казну, казнили и тѣхъ торговыхъ людей, которые покупали у гулебщиковъ ясырь, а имъ продавали свинецъ и порохъ.

Въ 1628 году донцы, соединившись съ запорожцами, напали на Крымъ, разгромили Карасу-Базаръ, Балаклаву и множество деревень.

Крымскій ханъ, раздраженный произведенными опустошеніями, приказалъ было казнить русскихъ посланниковъ Кологривова и Дурова, и только мольбы его матери и друзей Россіи изъ числа ханскихъ приближенныхъ, задобренныхъ московскимъ золотомъ, спасли посланниковъ отъ смерти.

Огорченный царь грозитъ донцамъ опалою, а патріархъ Филаретъ отлученіемъ отъ церкви. Казаки пріуныли, и большинство, особенно старики, совѣтовали на время прекратить всякіе набѣги и поиски и вытерпѣть отъ враговъ всякую напасть, лишь бы не разгнѣвать окончательно царя, но въ слѣдующемъ году молодые донцы, соединившись опять съ запорожцами и съ татарами, составивъ соединенный отрядъ около 2,000 человѣкъ, ушли въ море,— разгромили и ограбили Карасовъ, многія окрестныя села выжгли, забрали плѣнныхъ и оттуда направились внутрь полуострова. Жители въ страхѣ разбѣжались изъ Бахчи-Сарая. Казаки безъ боя взяли столицу хана, а потомъ и Мангупъ.

Между тѣмъ собралось до 5 тысячъ татаръ, съ которыми у казаковъ произошла жестокая двухдневная битва, послѣ чего казаки съ огромной добычей отошли къ своимъ стругамъ. Отсюда

часть казаковъ возвратилась на Донъ, а другая незначительная часть на 6 стругахъ вмѣстѣ съ запорожцами направилась къ Румелійскимъ берегамъ.

Въ концѣ іюня приставъ къ берегу около Сизополя, казаки разсѣялись для грабежа, оставивъ свои струги въ заливѣ почти безъ всякой охраны.

Пришедшая въ заливъ черезъ нѣсколько часовъ по удаленіи казаковъ турецкая эскадра, состоявшая изъ 15 каторгъ съ 4500 янычаръ захватила беззащитные казачьи струги и, высадившись на берегъ, переловила изъ засады около 150 человѣкъ казаковъ, возвращавшихся съ награбленной добычей, но остальные 150 человѣкъ донцовъ и запорожцевъ заперлись въ греческомъ монастырѣ.

Восемь дней продолжалась турецкая осада монастыря. Казаки защищались мужественно, не терпя почти никакихъ потерь и нанося чувствительный уронъ врагу.

Наконецъ къ осажденному монастырю совершенно случайно подошло 80 струговъ съ двумя тысячами запорожцевъ.

Турки бросились отъ монастыря на свои каторги. Но вновь прибывшіе черкасы и донцы погнались за ними такъ стремительно, что скоро настигли ихъ, взяли у нихъ съ боя двѣ каторги съ янычарами, отбили своихъ плѣнныхъ и заставили турокъ спасаться бѣгствомъ.

Весною 1630 года донцы опять съ своими вѣрными союзниками-запорожцами на 28 стругахъ въ числѣ 1500 человѣкъ подступили къ Керчи, но были отражены; лѣтомъ другая партія донцовъ громила турецкія деревни въ трехъ дняхъ пути отъ Царьграда. Въ тотъ же годъ еще одна партія донцовъ изъ сорока человѣкъ совмѣстно съ запорожцами громила Трапезундъ.

Этотъ соединенный отрядъ перебилъ и забралъ въ плѣнъ много турокъ. Напримѣръ, на долю донцовъ при дѣлежѣ досталась дочь трапезундскаго кадыя и восемьдесятъ плѣнныхъ.

## XVIII.

Частые опустошительные набѣги донцовъ настолько безпокоили и гнѣвали султана и хана, что они рѣшительнѣе прежняго грозили войною московскому царю, а русскихъ посланниковъ въ Царьградѣ, Кафѣ, Бахчисараѣ, Керчи и Азовѣ всячески оскорбляли и притѣсняли во всемъ.

Конечно, царь не могъ простить всѣхъ этихъ непріятностей казакамъ.

И вотъ много лѣтъ собиравшіяся надъ головой всевеликаго войска зловѣщія тучи наконецъ разразились грозой.

Въ 1630 году конвоировавшую турецкаго посланника Фому Кантакузена отъ Азова до Москвы зимовую станицу, состоявшую изъ 70 человѣкъ казаковъ съ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ, разгнѣванный царь приказалъ разсажать по тюрьмамъ въ разныхъ городахъ.

На Дону изъ устъ въ уста передавался слухъ, что Фома Кантакузенъ нажаловался царю на казачьи набѣги и разбои, а отцу царя, патріарху Филарету, будто бы говорилъ, что если царь не уйметъ донцовъ, то султанъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, силою оружія забрать Донъ себѣ, а казакамъ прикажетъ грабить московскую землю.

Будто бы слѣдствіемъ этихъ жалобъ и наговоровъ посла и было арестованіе зимовой станицы.

На Донъ же вмѣстѣ съ обратно ѣхавшимъ въ Константинополь Кантакузеномъ царь отправилъ воеводу Ивана Карамышева съ отрядомъ стрѣльцовъ въ 700 человѣкъ.

Воеводѣ были вручены двѣ грамоты: одна опальная отъ царя, другая отъ патріарха съ отлученіемъ всего войска отъ церкви.

Всевеликое войско, еще раньше какими то невѣдомыми путями узнавшее о мѣропріятіяхъ противъ него свѣтской и духовной власти, жестоко пріуныло.

Посылка къ нимъ, вѣрноподданнымъ своего царя, цѣлаго отряда стрѣльцовъ, оскорбляла казаковъ. Въ душѣ у нихъ наростала обида.

— Что же это такое? Сроду того не бывало, чтобы къ намъ, на Донъ, посылали царскія войска,—волновалась молодежь.—Чѣмъ мы ему, батюшкѣ, не заслужили?! Экая бѣда, что мы бьемъ поганыхъ бусурмановъ...

— Молчите! Не наше это дѣло,—останавливали старики и пожилые разсудительные казаки. На то его государская воля. Онъ караетъ, онъ же и милуетъ.

Войско притихло и ни малѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій не проявляло по отношенію къ царскимъ стрѣльцамъ.

Карамышевъ со своимъ отрядомъ благополучно дошелъ Дономъ до устья р. Маныча и высадился у Орѣхова ярка, недалеко отъ Монастырскаго городка, гдѣ тогда находилось становище главнаго войска.

Карамышевъ потребовалъ въ свой станъ атамановъ и казаковъ для выслушанія царской и патріаршей грамотъ.

Войсковая старшина отъ лица всего войска заявила, что ни атаманы, ни казаки въ станъ воеводы не пойдутъ, а просятъ цар-

скихъ посланниковъ, какъ повелось отъ прошлыхъ лѣтъ, пожаловать къ нимъ въ войсковой кругъ.

Воевода—человѣкъ тучный, раздражительный и заносчивый, кричалъ, ругался, грозилъ перевѣшать всѣхъ казаковъ за ихъ упорство и своеволіе, но тѣ уперлись и стояли на своемъ.

28 августа послы, сопровождаемые всѣмъ отрядомъ стрѣльцовъ, явились въ войсковой кругъ.

Съ покорно опущенными головами, безъ шапокъ, въ мертвой тишинѣ выслушало всевеликое войско и грозную опальную грамоту царя, и патріаршее отлученіе всего войска отъ православной церкви.

Ни возраженій, ни оправданій, ни жалобъ, ни ропота не слышно было въ кругу. Только зоркіе казачьи глаза недружелюбно косились на стрѣлецкій строй да въ нихъ вспыхивали и мгновенно погасали зловѣщіе огоньки при взглядѣ на дородную фигуру воеводы Карамышева, стоявшаго въ надменной позѣ, не снявшаго шапки, когда читались царская и патріаршая грамоты.

Лишь только было окончено чтеніе грамотъ, какъ все войско громогласно запѣло молебенъ о здравіи Государя и Патріарха.

Этимъ донцы хотѣли показать свою незыблемую вѣрность и любовь къ царю.

По окончаніи молебна, воевода сталъ говорить рѣчь по наказу. Онъ запальчиво и грубо требовалъ, чтобы казаки смирились передъ волей царя, не воевали съ азовцами, не ходили бы на море громить крымскіе и турецкіе берега и чтобы вмѣстѣ съ турецкими пашами Муртозою и Абазою шли воевать съ Польшей, называлъ казаковъ ослушниками и бунтовщиками и, не находя отпора со стороны казаковъ, мало-по-малу такъ увлекся своимъ раздраженіемъ, что сталъ топать ногами и грозить кулаками.

Войсковой кругъ не привыкъ къ такому оскорбительному и надменному отношенію къ нему и глухо волновался.

Войсковой атаманъ по окончаніи рѣчи воеводы надѣлъ шапку.

И кругъ, уже не сдерживаясь, загалдѣлъ во всю. Образовались отдѣльныя кучки, слышались озлобленныя и нелестныя замѣчанія по отношенію къ воеводѣ и стрѣльцамъ.

Недолго шумѣли и совѣщались казаки.

Войсковой атаманъ черезъ старшинъ узналъ рѣшеніе всевеликаго войска. Оно было единодушно.

Войсковой эсаулъ, выйдя на середину круга, во весь голосъ закричалъ:

— Помолчи, честная станица, атаманъ трухменку гнеть!

Какъ въ разбушевавшемся морѣ упавшій вѣтеръ не сразу прекращаетъ волненіе, и вдали еще долго и злобно хлещутъ рокочу-

щія волны и яростно лижутъ берега, такъ и въ этомъ расходившемся людскомъ морѣ.

Ближніе ряды умолкли, но вдали среди казаковь еще продолжался гвалтъ, ропотъ, прорывались отдѣльныя угрожающія восклицанія.

Войсковой атаманъ съ шапкой въ рукѣ началъ держать воеводѣ отвѣтную рѣчь.

— Всевеликое войско Донское,—сказалъ атаманъ —и въ счастіи и въ несчастіи, въ опалѣ и въ милости молить Бога о дарованіи многолѣтняго здравія Царю и Патріарху не перестанетъ. По волѣ Государя съ собаками-азовцами мы помиримся, хотя въ честный миръ съ ними не вѣримъ. Они — басурмане, слова никогда не держатъ и нападаютъ на насъ, какъ волки, всегда во время зазамиренья, пословъ царскихъ съ честью до Азова проводимъ, съ воеводами царскими мы готовы воевать противъ всякаго врага всѣ поголовно и головы свои за Царя сложимъ, но съ пашами басурманскими бокъ-о-бокъ воевать не пойдемъ.

Атаманъ поклонился и надѣлъ шапку.

— Значитъ, вы не хотите воевать противъ Польши? — злобно и запальчиво спросилъ воевода, мѣняясь въ лицѣ.

— Съ басурманами-турками воевать противъ Польши всевеликое войско не будетъ! —Такова его воля,—отвѣтилъ атаманъ.

— И на море ходить не перестанете? — спросилъ воевода угрожающе подступая къ атаману съ стиснутыми кулаками.

— Царскаго жалованья мы давно не получаемъ, вы тоже не привезли его съ собой. Если намъ не ходить на море, то казаки будутъ наги и босы.

— Вы не хотите идти воевать противъ ляховъ съ царскими союзниками-турками!—взвизгнулъ воевода.— Вы не обѣщаетесь не ходить на море, какъ приказано въ царской грамотѣ! Вы —ослушники царя, вы—воры, разбойники, бунтовщики! Я васъ перевѣшаю всѣхъ, какъ собакъ, перетоплю въ Дону!

Воевода, давъ волю своему раздраженію, уже не могъ сдержать его, точно покатился съ горы и не въ силахъ остановиться.

Толстое, заросшее бородой лицо побагровѣло, маленькіе глаза его налились кровью, на губахъ появилась пѣна. Онъ внѣ себя топалъ ногами, размахивалъ руками и кричалъ во весь голосъ.

— Мы — не ослушники царской волѣ, — возразилъ атаманъ. Воевать бокъ-о-бокъ съ басурманами не пойдемъ. А если Царь желаетъ за то покарать насъ, снять наши головы, мы не воспротивимся. На то его самодержавная воля. И ты, воевода, руби наши головы, вѣшай, топи насъ, ежели уполномоченъ на то, но сперва покажи царскую грамоту...

— Правильно, правильно!—закричали въ кругу. — Чего онъ заносится? Мы — не ослушники царю нашему, и ежели батюшка нашъ захочетъ головы съ насъ поснимать, не постоимъ за то... Мы— царю не спорщики...

— У меня есть на то указъ Государя! — кричалъ воевода.— Перевѣшаю васъ, а грамоту показывать вамъ, ворамъ, разбойникамъ не обязанъ.

— О-го-го!—грозно загалдѣли въ кругу. — Ишь какой прыткій, што бѣшеная собака. Такъ мы тебѣ свои шеи и подставили. Видали мы такихъ-то. Нѣтъ братъ, шалишь! У насъ сабли не заржавѣли. Попробуй, тронь. Только тронь. Али побоимся твоихъ увальней-стрѣльцовъ. Нашелъ кѣмъ пужать. Въ мановеніе ока въ капусту перекрошимъ, ежели пошло на то.

Страсти разгорались.

— Да што съ нимъ разговаривать?! Онъ и царя не чтитъ! кричали въ другомъ мѣстѣ. Выше царя заносится. Когда вычитывали царскую грамоту, онъ, собачій сынъ, въ шапкѣ стоялъ, закуся бороду...

— Онъ самъ вызвался идти на Донъ, похвалялся, что всѣхъ казаковъ перепоитъ и пьяныхъ перевѣшаетъ...

— Онъ съ крымцами да съ ногайцами вѣстями сносился, чтобы, значитъ, насъ всѣхъ на Дону разомъ порѣшить.

— Такъ чего ему въ зубы смотрѣть?! Бей его!

— Въ куль да въ воду!

— Руби!

Карамышевъ почувствовалъ, что зашелъ далеко, что дѣло его не ладно и бросился къ оторопѣвшимъ стрѣльцамъ, но было уже поздно.

Злобные возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ и расли, какъ грозный шквалъ. Вся громада двинулась на воеводу. Надъ головами блеснули сабли.

Карамышевъ былъ уже подъ защитой своихъ подчиненныхъ. Завязалась недолгая борьба, и разъяренные казаки выхватили воеводу изъ рукъ стрѣльцовъ. Въ мигъ голова строптиваго безтактнаго посла слетѣла съ плечъ и вмѣсто туловища валялись на землѣ окровавленные куски мяса.

Толпа подхватила эти куски и бросила въ Донъ.

— Фомку Кантакузена въ воду,—кричали освирѣпѣвшіе казаки. Изъ-за него, турецкаго пса, наши 70 ни въ чемъ неповинныхъ товарищей трутъ кандалы, да томятся по тюрьмамъ.

Часть казаковъ уже бросилась къ ставкѣ Кантакузена, но расторопный войсковой атаманъ предупредилъ новое преступленіе.

Съ станичными атаманами, старшинами, эсаулами и многими благоразумными казаками онъ загородилъ бунтовщикамъ путь къ ставкѣ турецкаго посла.

— Стой,—громовымъ голосомъ закричалъ онъ обезумѣвшимъ отъ злобы преступникамъ, потрясая въ воздухѣ булавой.—Что вы задумали? Убили царскаго посла, теперь добираетесь до турецкаго. Надѣли войску одно ярмо на шею, теперь хотите другое... Думаете, шея толста и два стрясетъ. Нѣтъ, не позволю. Назадъ!

Его огромная, сухопарая фигура стараго безупречнаго воина, его зычный голосъ, общее уваженіе, которымъ онъ пользовался, наконецъ его достоинство войскового атамана сдѣлали свое дѣло.

Мало-по-малу волненіе утихло.

Казаки нослушались своего атамана.

Весело опьяненіе, да тошно похмѣлье.

Убивъ царскаго воеводу, всевеликое войско быстро опомнилось.

Имущество Карамышева, государеву казну, порохъ, свинецъ и прочее, казаки по подробной описи сдали послу Савину, а сами рѣшили послать въ Москву къ Государю легкую станицу съ повинной грамотой.

Пространна и горька была грамота всевеликаго войска. Въ ней слышались и вѣрность, и любовь къ царю, и сознаніе важности службы своей Россіи, и горечь непризнанія заслугъ войка, и тяжесть положенія, и, наконецъ, отчаяніе.

... «Мы, Государь,—писали казаки,—отъ Божьей милости не отступники, а тебѣ, Государь, твоему царскому величеству, не измѣнники, и нелакомцы»... Далѣе казаки увѣряютъ, что они «неподвижно до конца живота своего» всегда стояли и впредь будутъ всегда стоять за Государя, но тутъ же заявляютъ, что «мимо своей крестьянской вѣры и мимо твоего россійскаго московскаго государства въ басурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь, на литовскую землю идти не хотимъ». Свое рѣшительное противленіе царской волѣ они объясняютъ тѣмъ, что и они басурманъ, и ихъ басурмане ненавидятъ и что если бы они подъ Литвой и учинили много славныхъ воинскихъ подвиговъ, «а слава будетъ турскаго Муратъ-Салтана и турскихъ людей, а не твоя, государева и не насъ, холопей твоихъ». Объ убійствѣ Ивана Карамышева они пространно изъясняютъ, что «онъ (Карамышевъ), безъ твоего государева указу насъ, холопей твоихъ, умыслилъ всѣхъ на Дону, низовыхъ и верховыхъ, побить и городки наши пожечь, и мы, холопи твои, видя его, Иваново, надъ собою злоухищренье, отъ горести душъ своихъ, за его великую неправду, того Ивана Карамышева обезглавили; а если бы тотъ Иванъ Карамышевъ объявилъ намъ твою

Государеву грамоту, или наказъ, или сказалъ намъ твой государевъ имянной о нашемъ безглавіи ему приказъ и мы твоему государеву указу несильники... какъ противу солнца зрѣть нельзя, такъ противу тебя, великаго Государя, намъ, холопемъ твоимъ, безстрашнымъ быть нельзя... А будетъ мы тебѣ, государю, и всей землѣ ненадобны, и мы тебѣ, государю, не сопротивники: Донъ рѣку, отъ низу и до верху, и рѣки запольныя всѣ тебѣ, государю, до самыхъ украинныхъ городовъ крымскимъ и ногайскимъ людемъ распространимъ, все очистимъ, съ Дону рѣки и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ всѣ, холопи твои, сойдемъ, по твоему государеву указу, и о томъ, государь, намъ, холопемъ твоимъ, какъ укажешь?»

Только два отважнѣйшихъ казака: Денисъ Парфеновъ и Кирей Степановъ рѣшились вести отписку казаковъ.

Всевеликое войско провожало ихъ съ честью и со славою, смотрѣло на нихъ, какъ на жертвы, обреченныя на муки и смерть за общую вину, оплакивало и прощалось къ ними, какъ съ покойниками.

## XIX.

По отправленіи легкой станицы на Дону вся осень и зима прошли тихо и мирно. Казаки такъ были удручены убійствомъ Карамышева, опалой царя и проклятіемъ патріарха, что ни о какихъ набѣгахъ и не думали. Сильно озабочивала ихъ и судьба легкой станицы, посланной съ повинной отпиской. Подошла и весна 1631 года, а о Парфеновѣ и Степановѣ не было ни слуху, ни духу.

Донцы поняли, что царь отвергъ ихъ и прекратилъ всякое сношеніе съ ними. Ихъ поддерживала всетаки надежда, что и царь и патріархъ, видя ихъ раскаяніе и доброе поведеніе, въ концѣ концовъ, какъ чадолюбивые отцы, простятъ войску его вины, поэтому рѣшили ничѣмъ больше не раздражать государя.

Но находились на Дону и удалыя головы, которымъ море было по колѣно. Такіе люди роптали, скучали безъ боевыхъ приключеній и стали подбивать молодыхъ казаковъ къ обычнымъ морскимъ поискамъ.

Весною на призывъ этихъ удалыхъ головъ собралось человѣкъ около тысячи донцовъ и запорожцевъ, но боясь еще болѣе разгнѣвать царя, партія эта не пошла къ турецкимъ берегамъ, а перебралась на Волгу. Къ нимъ пристали двѣсти пятьдесятъ человѣкъ яицкихъ казаковъ. Вся эта ватага спустилась къ Астра-

хани, разбила учуги и рыбныя ловли. Оттуда казаки перебрались на Каспійское море и громили персидскія суда.

Астраханскіе воеводы неоднократно посылали противъ нихъ стрѣлецкіе отряды, но тѣ возвращались безъ всякаго успѣха.

Въ то же время другая партія донцовъ въ двѣсти человѣкъ присоединяется къ запорожскому отряду и вмѣстѣ съ нимъ разоряетъ въ Крыму Козловъ, опустошаетъ татарскіе улусы между Инкерманомъ и Балаклавой и въ битвѣ по пути къ Инкерману на голову разбиваетъ татарскія полчища.

Самъ ханъ Джанбекъ-Гирей, бывшій въ трехъ верстахъ отъ сраженія, едва спасся бѣгствомъ въ Бахчисарай съ тридцатью тѣлохранителями.

Казаки устремились вглубь полуострова, предавая все огню и мечу и не дойдя только двѣнадцати верстъ до беззащитной столицы хана, отягченные добычей и плѣномъ, отошли къ своимъ стругамъ.

Несмотря на опалу царя и проклятіе патріарха, всевеликое войско Донское своей напряженной денно-нощной службы Россіи не оставляло. О всѣхъ тайныхъ замыслахъ азовцевъ и крымцевъ казаки развѣдывали и своевременно давали знать ближнимъ воеводамъ, а тѣ доносили царю.

Въ началѣ 1632 года всевеликое войско своей отпиской извѣщаетъ царицынскаго воеводу князя Мещерскаго о воцареніи новаго хана въ Крыму, о походѣ крымцевъ на Россію, о состояніи русскаго посланника Соковнина въ Крыму, о желаніи запорожцевъ отдаться въ подданство Московскому царю и о намѣреніи Шагинъ-Гирея съ азовцами согнать ихъ, казаковъ, съ Дона.

Въ томъ же году сто человѣкъ донцовъ съ запорожцами разорили турецкій Синопъ.

Но все это дѣйствія отдѣльныхъ ослушныхъ станицъ. Всевеликое войско Донское, страшась гнѣва царя и находясь подъ его опалою, до 1635 года ни въ Азовское, ни въ Черное море не ходили.

Такъ прошло два года. И вотъ въ концѣ 1632 года или въ самомъ началѣ 1633 года завѣтныя чаянія войска осуществились: царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ освободить изъ тюремъ казаковъ, дать имъ жалованье и отправить на службу съ воеводами и боярами подъ Смоленскъ, а всевеликому войску послалъ милостивую грамоту и жалованье.

Донъ снова ожилъ и возликовалъ. Точно кто спрыснулъ живой водой унылое Поле. Слезами радости и умиленія встрѣчена была царская грамота на войсковомъ кругу. Всѣ поздравляли другъ друга, цѣловались и обнимались, какъ въ Свѣтлую заутреню. Гро-

хотали пушки, трещали самопалы, радостные крики потрясали воздухъ.

Растроганные казаки, чтобы доказать свою преданность царю и отчизнѣ, тутъ же добровольно нарядили значительный отрядъ лучшихъ атамановъ и казаковъ и поспѣшно отправили ихъ подъ Смоленскъ, въ распоряженіе московскихъ воеводъ.

Получивъ извѣстіе, что крымскіе и Казыева улуса татары въ большомъ числѣ идутъ на россійскую украйну, всевеликое войско отрядило сильную конную партію. 22 февраля 1633 года та догнала татаръ на р. Быстрой и скрытно приблизившись, въ кровопролитномъ бою истребила ихъ всѣхъ чуть ли не поголовно, предотвративъ такимъ образомъ новое бѣдствіе для многострадальной россійской украины.

Взятыхъ четырехъ плѣнныхъ татаръ казаки съ легкою станицею отправили въ Москву.

Эти плѣнные показали, что ногайцы и крымцы въ большихъ силахъ готовятся къ новому походу на русскіе украинные города.

Это обстоятельство побудило царя составить двадцати тысячную рать для отпора хищникамъ, въ составъ которой вошли между прочимъ терскіе, гребенскіе и донскіе казаки.

Въ это же время, проводивъ съ честью въ Царьградъ россійскихъ пословъ Якова Дашкова и Матвѣя Сомова, а съ ними и турецкаго посла Фому Кантакузена, 22 мая донцы разрываютъ миръ съ азовцами и идутъ войной противъ мятежныхъ казыевскихъ татаръ.

На рѣчкѣ Еѣ казаки разгромили ихъ, взявъ 700 человѣкъ въ плѣнъ да кромѣ того брата, мать, сына, дочерей и сестеръ султана Мурата съ ихъ многочисленной свитой.

Немного позже они громили Азовъ, а между Донцомъ и Каланчею избили множество казыевскихъ татаръ, забрали у нихъ лошадей, до двухъ тысячъ штукъ рогатаго скота и двѣсти человѣкъ плѣнныхъ.

Партія въ 500 донцовъ подъ начальствомъ атамана Ивана Катаржнаго *), идя на соединеніе съ царскими воеводами на р. Куму противъ казыевскихъ татаръ, на вершинахъ р. Чалбашъ встрѣтилась съ ногайскими татарами, разбила ихъ, отняла много русскихъ плѣнниковъ, взяла въ плѣнъ до тысячи пятьсотъ человѣкъ, болѣе двухъ тысячъ штукъ лошадей и рогатаго скота и возвратилась на Донъ.

Вмѣсто ожидаемой милостивой грамоты, казакамъ приказали

*) Назывался такъ за свои удачные морскіе набѣги на каторгахъ, т. е. на большихъ лодкахъ.

отпустить всѣхъ плѣнныхъ и возвратить все, взятое у татаръ съ бою, а русскихъ плѣнниковъ отослать въ украинные города.

Въ 1634 году казаки, не смѣя ходить въ Азовское и Черное моря, снова перебрались на Волгу и въ Каспійское море и соединившись съ яицкими казаками, разграбили дербентскую и бакинскую провинціи. Въ этомъ же году запорожцы на тридцати стругахъ съ 100 донцами, присоединившимися вопреки волѣ войска Донского, четыре дня громили Азовъ, нанеся ему значительный вредъ.

Азовцы въ отмщеніе, не объявивъ о разрывѣ мира, неожиданно напали на казачьи городки: Нижній, Черкасскій и Манычъ, угнали много скота и лошадей и до 30 человѣкъ казаковъ порубили.

Возмущенное всевеликое войско, дождавшись весны 1635 года, отрядило въ море флотилію.

Казаки съ черкасами захватывали купеческіе корабли, два дня громили Керчь, разорили всѣ деревни, лежащія между Керчью и Кафою, потомъ громили Анатолійскіе и Румелійскіе берега, сожгли городъ Каюнъ, убили тамошняго пашу и много жителей.

Снова изъ Константинополя и Бахчисарая посыпались въ Москву жалобы на казаковъ и настоянія, чтобы ихъ свести съ Дона.

Царь, какъ и прежде, увѣрялъ, что власть его надъ казаками безсильна и предоставлялъ султану и хану расправиться съ ними собственными силами, обѣщая смотрѣть на то безъ всякаго неудовольствія.

Но въ то же время царь почти ежегодно посылалъ войску грамоты и жалованье: деньги, сукна, камки, вино, хлѣбные запасы и боевые снаряды, приказывалъ казакамъ всякое вторженіе въ россійскіе предѣлы иноплеменныхъ хищниковъ отражать, повелѣвалъ развѣдывать о всякихъ замыслахъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ и доносить въ Москву, а въ 1635 г. онъ пожаловалъ войску новое знамя.

Султанъ въ этомъ году сильно укрѣпилъ Азовъ, вооружилъ его артиллеріей и послалъ многочисленный гарнизонъ, приказавъ крымскому хану собрать сильное войско изъ крымцевъ и ногайцевъ и совокупно съ азовцами обрушиться на казаковъ.

Всей полезной боевой службы донцовъ за эти годы невозможно перечесть. Наконецъ, на долю донцовъ въ эти годы выпало обезвреженье и значительное обезсиленіе хищныхъ, безпокойныхъ ногайцевъ.

Татары Большого Ногая—подданные Россіи, кочевавшіе близъ Астрахани, при подстрекательствѣ крымскаго хана и казыевскихъ татаръ возмутились противъ Россіи и выдали хану дворянина Ти-

мофея Желабужскаго со ста стрѣльцами, присланнаго къ нимъ съ увѣщаніями и царской грамотой.

По повелѣнію царя войску Донскому поручено было войти въ переговоры съ ногайцами и въ случаѣ ихъ упорства дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ.

Мурзы не послушали увѣщаній казачьихъ старшинъ, посылали на русскія украины сильныя партіи для грабежей и разоренія и неоднократно дѣлали попытки переправиться черезъ Донъ и уйти въ Крымъ.

Казаки бдительно наблюдали за всѣми ихъ движеніями, всячески препятствовали переправамъ черезъ Донъ, преслѣдовали партіи ихъ, а также партіи азовцевъ и крымцевъ, ходившія для грабежей на русскія украины.

30 іюля 1634 г. донцы бьютъ ногайцевъ въ вершинахъ рѣчки Кундрючьи. 6 сентября на рѣчкѣ Быстрой громятъ огромную партію азовцевъ и крымцевъ, 26 числа того же мѣсяца казаки ночью напали на Дону близъ Азова на татаръ Большого Ногая, уходившихъ въ Крымъ и устроили имъ кровопролитнѣйшее побоище. Тысячи ногайскихъ тѣлъ остались на мѣстѣ боя, 1305 челов. попало въ плѣнъ.

25 декабря при урочищѣ Чубурѣ въ ногайской степи казаки разгромили улусъ, состоявшій болѣе нежели изъ двухъ тысячъ семействъ, взяли 153 чел. въ плѣнъ и освободили 800 чел. русскихъ плѣнниковъ. 25 февраля 1635 года на Очаковской косѣ казаками дана была рѣшительная битва соединеннымъ ордамъ Большого и Малаго Ногаевъ. Донцы сломили силу орды, усѣявъ Очаковскую косу тысячами татарскихъ труповъ и около тысячи человѣкъ татаръ забрали въ плѣнъ.

Турецкій султанъ, видя постоянныя пораженія отъ казаковъ своихъ подданныхъ и вассальныхъ единовѣрцевъ, найдя переговоры съ московскимъ царемъ объ обузданіи этихъ христіанскихъ витязей тщетными, повелѣлъ кафинскому пашѣ съ большими силами подкрѣпить Азовъ и безпокоить казаковъ въ ихъ жилищахъ.

Паша въ соединеніи съ азовцами и ногайцами ночью 20 апрѣля 1635 г. съ казачьяго острова угналъ до 500 лошадей, но 27 числа того же мѣсяца казаки на голову разбили полчища паши при вторичной ихъ попыткѣ отогнать казачьи табуны.

Въ тотъ же годъ, узнавъ, что къ Азову отправлено на судахъ многочисленное турецкое войско, казаки отрядили въ море на немногихъ стругахъ охотниковъ, приказавъ имъ воспрепятствовать высадкѣ непріятеля и извѣстить о томъ главное войско.

Вмѣстѣ съ запорожцами охотники рѣшили сперва напасть на

Керчь, а на обратномъ пути осадить Азовъ, стали было уже готовить лѣстницы, но въ послѣдній моментъ боязнь навлечь своими дѣйствіями гнѣвъ государя на все войско, заставила ихъ отказаться отъ своего замысла.

Наконецъ донцы по повелѣнію государя вошли въ переговоры съ ногайцами.

Для окончательнаго улаженія отношеній съ ордами изъ Москвы былъ присланъ 10 января 1636 года дворянинъ Өеодоръ Алябьевъ съ государевой увѣщательной грамотой мурзамъ.

Изъ отношеній съ коварными мурзами ничего не вышло. Они не соглашались идти къ Астрахани на прежнія кочевья, стремясь перейти въ Крымъ.

Послѣ многихъ уклоненій, наконецъ, 12 февраля Енмаметъ-мурза и Бей-мурза, окруженные многочисленной свитой и 1000 человѣкъ вооруженныхъ ногайцевъ видѣлись съ Алябьевымъ и слышали отъ него государеву рѣчь.

Ихъ тайнымъ намѣреніемъ было захватить царскаго посланника. Но при переговорахъ присутствовалъ храбрѣйшій атаманъ Иванъ Каторжный съ отборными опытными казаками и все войско Донское было наготовѣ наказать коварную орду. Это обстоятельство заставило татаръ отказаться отъ ихъ замысла.

Вскорѣ послѣ этого, выловивъ у ногайцевъ двухъ языковъ, казаки узнали отъ нихъ, что мурзы и татары не только не желаютъ исполнять волю Россійскаго государя, но многіе пошли для грабежа на украинные города къ Рязани и Шацку, а Казыева улуса Алей-мурза и другіе ногайцы съ доброй половиною улусовъ Малаго Ногая переправились черезъ Донъ близъ Азова на крымскую сторону.

Казаки, немедля ни единой минуты, поскакали въ погоню и настигли ихъ на взморьѣ. Произошелъ кровопролитный рукопашный бой.

Татары были разбиты съ страшнымъ для нихъ урономъ, многіе попали въ плѣнъ и чуть ли не всѣ лошади и скотъ татаръ былъ угнанъ казаками.

Покончивъ съ этими ногайцами, казаки двинулись на перерѣзъ возвращавшимся изъ русской украины полчищамъ татаръ.

По указанію заранѣе высланныхъ своихъ развѣдчиковъ, они настигли ногайцевъ за Молочными водами, въ бою взяли въ плѣнъ ихъ начальника Агу-Багильду съ значительнымъ числомъ татаръ, остальныхъ истребили. Ни одинъ ногаецъ не ускользнулъ изъ ихъ цѣпкихъ рукъ. Отнятыхъ русскихъ полонянниковъ перевели на Донъ, а оттуда отправили на судахъ въ Россію.

Между тѣмъ начались междоусобія между самими значительно ослабленными ногайцами.

Казаки, исполняя волю государя, соединились съ татарами Малаго Ногая, вторглись въ улусы Большого Ногая на Темрюкѣ и погромивъ ихъ, пошли обратно. Но мурзы Большого Ногая быстро соединили свои полчища, догнали побѣдителей и ожесточенно дрались съ казаками четверо сутокъ. Ни та, ни другая сторона побѣдить не могла. Наконецъ мурзы Большого Ногая съ Енмаметомъ во главѣ предложили казакамъ миръ. Тѣ охотно согласились только на одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы мурзы присягнули за себя и за весь народъ Большого Ногая въ вѣрности Московскому царю и чтобы шли кочевать къ Астрахани.

Мурзы принесли присягу, а казаки отдали имъ плѣнныхъ и возвратились на Донъ.

Но въ томъ же году крымскій царевичъ съ многочисленнымъ войскомъ пришелъ къ Азову для разгрома казачьихъ городковъ. Азовцы и вся орда Большого и Малаго Ногаевъ присоединились къ нему и пошли войною противъ войска Донского.

Всевеликое войско заранѣе собрало всѣ свои силы и выйдя навстрѣчу врагамъ, нанесло имъ жестокое пораженіе.

14 ноября крымскій царевичъ съ остатками ногайцевъ и своихъ полчищъ, бѣжалъ въ Крымъ.

## XX.

Турецкій Азовъ торчалъ болѣзненнымъ бѣльмомъ на глазу у донцовъ, потому что будучи расположеннымъ у самаго устья Дона, владѣвшій его гирлами, являлся тѣмъ крѣпкимъ замкомъ, который запиралъ имъ прорывъ на морской просторъ.

Безъ выхода же въ моря Азовское и Черное, безъ морской войны съ турками и крымцами, дававшей казакамъ богатую добычу, имъ пришлось бы погибать отъ голода.

Кромѣ того въ тѣ времена Азовъ былъ однимъ изъ тѣхъ торговыхъ пунктовъ, куда татары сгоняли русскихъ полонянниковъ и продавали ихъ въ неволю.

Здѣсь несчастныхъ русскихъ изнуряли непосильными работами, обращались съ ними, какъ со скотомъ, кормили дурно и всячески издѣвались надъ ними.

Попадались сюда и плѣнные донцы.

Положеніе ихъ было не въ примѣръ тяжелѣе всѣхъ другихъ невольниковъ.

Азовцы примѣняли невообразимыя пытки и издѣвательства надъ ними, вымѣщая на этихъ несчастныхъ всю свою злобу, всѣ

свои неудачи и пораженія, понесенныя въ бояхъ отъ донскихъ витязей.

На Дону есть старая поговорка: «разсказывай казаку азовскія вѣсти». Это въ тѣ далекія отъ насъ времена значило, что все происходившее въ Азовѣ не было тайной для донцовъ, получавшихъ вѣсти черезъ перебѣжчиковъ, прикормленныхъ людей, лазутчиковъ и бѣжавшихъ полонянниковъ.

Съ тревогой и безпокойствомъ казаки видѣли, что султанъ, разгнѣванный и смятенный ихъ возрастающей силой и дерзостью, изъ года въ годъ укрѣплялъ Азовъ, посылалъ туда войска, на каменныхъ стѣнахъ появлялись пушки, свозились туда въ изобиліи снаряды и провіантъ.

Казаки понимали, что пройдетъ еще немного лѣтъ, и всевеликому войску не только не одолѣть турецкой твердыни, но подъ натискомъ могучаго врага придется имъ полечь всѣмъ костьми на полѣ брани или покинуть Донъ, оставивъ его въ рукахъ невѣрныхъ.

Отсюда само собой понятно, что всевеликое войско не могло равнодушно выносить такого неудобнаго сосѣдства, нѣсколько разъ огнемъ и мечемъ брало этотъ Азовъ, много разъ до тла разоряло и выжигало его окрестности и только въ послѣднія десятилѣтія мощная рука московскаго вѣнценосца сдерживала ничѣмъ неистребимую страсть казаковъ свести окончательные кровавые счеты съ Азовымъ.

Всѣ эти обстоятельства, постепенно, но быстро наростая, привели къ тому, что желаніе завладѣть Азовомъ даже вопреки воли царя наконецъ прорвалось всесокрушающей лавиной.

Весь Донъ всѣ годы отъ конца Смуты до покоренія Азова, воюя съ невѣрными, только объ одномъ говорилъ и думалъ—о смертельной и окончательной борьбѣ съ азовцами.

Еще съ зимы 1637 года всѣ нижніе и верхніе донскіе городки были оповѣщены войсковыми старѣйшинами, чтобы всѣ казаки совсѣмъ готовые къ походу, въ полномъ вооруженіи и снаряженіи по веснѣ явились въ главное войско для рѣшенія важнѣйшаго и неотложнаго дѣла. Даже тѣхъ казаковъ, которые были отъ войска въ запрещеніи и винахъ, войско въ виду такого важнаго дѣла простило, обязавъ непремѣнно прибыть на кругъ.

Несмотря на то, что цѣль собранія чрезвычайнаго войскового круга не была объявлена, всѣ до единаго донцы знали, зачѣмъ ихъ вызывали въ главное войско, и всѣ ѣхали съ твердымъ рѣшеніемъ, воевать ненавистный Азовъ и, во чтобы то ни стало, добыть его.

Въ началѣ весны всѣ донцы, способные къ бою, собрались на Монастырскомъ Яру.

Несмотря на то, что для защиты городковъ отъ нападеній татарвы оставлено было самое малое число людей, а объ уклоняющихся отъ войны не могло быть и рѣчи, потому что всѣ казаки горѣли желаніемъ покончить съ турками на берегахъ Азовскаго моря, всевеликое войско не насчитало въ рядахъ своихъ и трехъ съ половиною тысячъ человѣкъ.

Годы самозванщины и смуты потребовали огромныхъ жертвъ людьми со стороны всевеликаго войска, кровопролитнѣйшіе бои послѣднихъ лѣтъ съ азовцами, черкесами, крымцами и особенно съ ордами Большого и Малаго Ногая унесли тысячи казачьихъ жизней и ко времени завоеванія Азова всевеликое войско, казалось, совсѣмъ обезлюдило и захирѣло.

И несмотря на такое незначительное количество бойцовъ, несмотря на полное отсутствіе артиллеріи кромѣ четырехъ маленькихъ фальконетовъ, несмотря на недостатокъ денегъ, пороху, снарядовъ и провіанта, когда старѣйшины на кругу предложили «идти посѣчь бусурманъ, взять городъ и утвердить въ немъ православную вѣру», громада единодушно закричала, что надо, не мѣшкая ни единаго дня, идти воевать Азовъ.

Затѣя казаковъ со стороны могла показаться совершенно безумной, потому что крѣпость, которую они собирались брать чуть-что не голыми руками, имѣла крѣпкія каменныя стѣны, около 300 пушекъ стояло на этихъ стѣнахъ, янычарскій гарнизонъ Азова своей численностью (отъ 4,500 до 5,000 человѣкъ), значительно превосходилъ казаковъ, да и самъ городъ насчитывалъ не менѣе 20,000 человѣкъ воинственнаго населенія, привыкшаго къ боевой жизни и умѣвшаго владѣть оружіемъ. Снарядовъ, провіанта и оружія въ городѣ было изобиліе

Кромѣ того азовцы всегда могли расчитывать на скорую и сильную поддержку какъ со стороны моря, отъ турокъ, такъ и съ суши отъ крымцевъ, черкесовъ и ногайской орды.

Но казаки думали иначе, а главное, у нихъ была ничѣмъ непоколебимая рѣшимость, не взирая ни на что, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, разъ и навсегда покончить съ ненавистнымъ Азовомъ.

Нѣкоторое подкрѣпленіе деньгами, порохомъ, свинцомъ и провіантомъ они ожидали получить отъ Государя, къ которому въ Москву еще раньше съѣзда казаковъ на кругъ была послана зимовая станица съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ. Войско увѣдомляло Государя о томъ, что на Донъ проѣздомъ изъ Константинополя въ Москву прибылъ турецкій посолъ Фома Кантакузенъ. Въ грамотѣ своей къ царю казаки ни единымъ словомъ не обмолвились о своемъ рѣшеніи взять Азовъ, но желая получить жалованье, писали: «многія орды на насъ похваляются, хотятъ подъ наши

казачьи городки войною приходить и наши нижніе казачьи городки разорить, а у насъ свинцу, ядеръ и зелья нѣтъ»...

Къ тому времени, какъ всевеликое войско собралось на Монастырскомъ Яру, въ донской степи появилась конная партія запорожцевъ человѣкъ около тысячи.

Гонимые на родинѣ поляками, чубатые витязи эти пробирались въ Персію на службу къ шаху.

Донскіе старѣйшины выѣхали имъ на встрѣчу и отъ лица всевеликаго войска предложили имъ идти вмѣстѣ подъ Азовъ.

Всегдашніе вѣрные союзники и друзья донцовъ, запорожцы и на этотъ разъ согласились братски раздѣлить съ ними боевые труды, невзгоды и удачи.

Такимъ образомъ на Монастырскомъ Яру составилась соединенная казачья рать, насчитывавшая въ своихъ рядахъ около 4,400 бойцовъ.

Всякое дѣло у донцовъ начиналось и кончалось общею молитвою къ Богу силъ.

Въ убогой часовенькѣ Монастырскаго городка въ продолженіи нѣсколькихъ дней безперерывно служились молебны.

Казаки, сознавая на какое трудное, почти невыполнимое предпріятіе шли, клялись другъ другу во взаимной вѣрности до гроба и каждый давалъ обѣтъ въ томъ, что или взойдетъ побѣдителемъ въ завоеванный Азовъ или подъ стѣнами его сложитъ голову. Безуспѣшнаго возврата на Донъ никто изъ нихъ не хотѣлъ и ни въ коемъ случаѣ не допускалъ. Такъ серьезно и круто ставился донцами этотъ жизненный для нихъ вопросъ.

Войсковымъ атаманомъ былъ избранъ доблестный казакъ Михаилъ Ивановичъ Татариновъ, славный не только беззавѣтной личной храбростью, но и какъ испытанный въ бояхъ, рѣшительный, счастливый и умный вождь.

Пока на Монастырскомъ Яру выбирали атамановъ и старшинъ, подъ Азовъ была послана легкая станица для развѣдокъ и какъ только она вернулась съ добытыми языками, все войско, не мѣшкая ни одного лишняго дня, раннимъ утромъ 21 апрѣля двумя колоннами сухопутно и Дономъ двинулось къ Азову.

Зная хитрый, предательскій характеръ турецкаго посла грека Фомы Кантакузена, казаки оставили его со всѣми его людьми на Монастырскомъ Яру, учредивъ надъ нимъ бдительный надзоръ.

Къ вечеру казачья рать достигла цѣли своего путешествія.

Отцы и дѣды этихъ казаковъ не разъ брали съ боя этотъ Азовъ, но тогда это былъ городокъ, обнесенный деревянными стѣнами, съ немногими раскатами и пушками. Передъ глазами же сыновей и внуковъ прежнихъ бойцовъ теперь высилась сѣроватая

каменная громада, со многими башнями, вооруженная многочисленной и сильной по тѣмъ временамъ артиллеріей.

Что было дѣлать казакамъ подъ стѣнами этой твердыни, имѣя въ своемъ распоряженіи только четыре маленькіе фальконета?

Но это казаковъ нисколько не смутило.

Казаки дорожили своимъ временемъ, и осада началась тотчасъ же по приходѣ къ Азову.

На устьѣ Дона они поставили судовую стражу, чтобы помѣшать турецкимъ кораблямъ дать какую либо помощь городу. Сухопутное ополченіе, раздѣлившись на четыре отряда, обложило городъ со всѣхъ сторонъ.

Такимъ образомъ Азовъ былъ отрѣзанъ отъ всего міра съ суши и съ моря.

Естественно, что при полномъ отсутствіи у казаковъ осадныхъ орудій, нечего было и думать о разрушеніи крѣпостныхъ стѣнъ. И казаки съ необычайной энергіей копали рвы вокругъ всего города, дѣлали плетеные туры, насыпали ихъ землею и по рвамъ подкатывали ихъ такъ близко къ крѣпости, что, прикрываясь ими, могли метать на стѣны камни.

Осажденные стрѣляли въ казаковъ изъ пушекъ и мелкаго оружія.

Ни та, ни другая сторона отъ такой перестрѣлки не несла почти никакого урона.

Сознавая свое подавляющее численное превосходство, защищенные крѣпкими каменными стѣнами, имѣя сильную артиллерію и надѣясь при этомъ на помощь отъ султана и хана, турки смѣялись надъ затѣей казаковъ.

— Стойте, сколько хотите, кричали они съ крѣпостныхъ стѣнъ, а города не возьмете. Сколько въ стѣнѣ каменьевъ, столько вашихъ головъ тутъ останется!

Болѣе трехъ недѣль шли такія подготовительныя работы.

Кантакузенъ, сидѣвшій въ Монастырскомъ Яру въ ожиданіи изъ Москвы царскаго чиновника, убѣдившись въ непреклонномъ рѣшеніи донцовъ овладѣть Азовомъ, тайно послалъ гонцовъ къ султану и хану съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ подъ Азовомъ, прося поспѣшить присылкою ратныхъ людей хотя бы только изъ ближайшихъ городовъ Темрюка и Тамани. Въ самый Азовъ онъ тоже послалъ грека съ увѣдомленіемъ, чтобы азовцы просили отъ себя о томъ же въ Константинополѣ и въ Крыму.

Донцы поймали кантакузенскаго грека и подъ пыткою добились отъ него признанія.

Посла со всей его свитой казаки никуда не пускали изъ Монастырскаго Яра, а со сторонъ крымской и кубанской учредили ближніе и дальніе разъѣзды, чтобы своевременно знать о наступленіи непріятельскихъ войскъ.

Между тѣмъ у осаждающихъ истощался провіантъ, не было денегъ, свинецъ и порохъ подходили къ концу, и они съ страхомъ и надеждой ждали изъ Москвы атамана Ивана Каторжнаго съ станицей.

28 Мая прибыла ожидаемая станица, въ которой насчитывалось около ста казаковъ, съ жалованіемъ и даже съ прибавкою сверхъ положеннаго.

Подкрѣпленіе своей жидкой рати сотней лишнихъ бойцовъ и удалымъ атаманомъ Каторжнымъ, а особенно подвозъ хлѣба, пороха свинца и сукна имѣли для казаковъ огромное значеніе.

Войско ожило и надежды его окрылились. На радостяхъ казаки пировали въ своемъ лагерѣ и открыли сильную пальбу по Азову.

Турки дивились такой перемѣнѣ, но не переставали смѣяться надъ затѣей казаковъ.

Вмѣстѣ съ станицей прибылъ изъ Москвы и дворянинъ Чириковъ съ царской грамотой, въ которой подтверждалось, чтобы донцы жили мирно съ азовцами, на море и подъ Азовъ ни въ коемъ случаѣ не ходили.

Отдавъ казакамъ царскую грамоту и жалованье, Чириковъ потребовалъ турецкаго посла, котораго онъ долженъ былъ проводить до Москвы.

Войсковой кругъ на всѣ требованія выдать Кантакузена отказался.

На заявленіе Чирикова, что посолъ лицо неприкосновенное, казаки отвѣтили, что Кантакузенъ не только посолъ, но еще шпіонъ и лазутчикъ и, какъ таковогo, они его не выдадутъ. Напрасно дворянинъ грозилъ царской опалой. Казаки остались непреклонны и возражали, что царь милосердный и праведный, разберетъ ихъ дѣло съ ихъ непріятелемъ Фомою и если и разгнѣвается на нихъ, то онъ же и помилуетъ, потому что ихъ дѣло правое.

Вскорѣ отъ дальнихъ разъѣздныхъ партій прискакали въ главный лагерь казаки и донесли, что со стороны Кагальника къ Азову идутъ вспомогательныя турецкія войска.

Это были собранныя по извѣщеніямъ Кантакузена въ Керчи, Темрюкѣ и Тамани полчища изъ турокъ и темрюкскихъ черкесовъ.

Отборный конный отрядъ донцовъ ночью вышелъ изъ подъ Азова и съ величайшей скрытностью подкрался къ непріятелю.

Казаки напали на мусульманъ своей губительной лавой. Произошелъ быстрый, но кровопролитный рукопашный бой.

Въ короткое время донцы смяли враговъ и избивали ихъ жестоко, безъ малѣйшей пощады. Плѣнныхъ не брали. До Азова ни одинъ изъ непріятелей не добрался, большинство пало подъ ударами казачьихъ сабель, немногіе уцѣлѣвшіе искали спасенія въ степныхъ кустахъ и въ рѣчныхъ заросляхъ.

Съ торжествомъ вернулся побѣдоносный отрядъ подъ Азовъ, но многіе отборные донцы сложили свои головы на полѣ чести подъ Кагальникомъ.

Казаки и безъ того малочисленные, живо и больно почувствовали эти потери.

Справедливо приписывая нашествіе турокъ и черкесовъ предательству турецкаго посла, на войсковомъ кругу раздались негодующіе голоса, требовавшіе немедленной казни Кантакузена.

— Изъ за кого побили столько нашихъ славныхъ братьевъ подъ Кагальникомъ? кричали казаки.—Все изъ за него. Все это Фомкиныхъ рукъ дѣло...

— Мы тутъ подъ Азовомъ голодною смертью помираемъ, кричали въ другомъ мѣстѣ, а онъ грековъ къ азовцамъ да къ таманцамъ посылаетъ...

— А нашихъ 70 товарищей тогда разослали по острогамъ да по монастырямъ... Сколько лѣтъ кандалы терли. Изъ за кого? Все изъ за него, собаки.

— Черезъ него тогда и боярина Карамышева убили, Государю отвѣтъ держали, царской милости и жалованья лишились. Всему онъ голова.

— И теперича, ежели его выпустить, чего только онъ не нанесетъ на наши головы Государю...

— Въ куль его да въ воду, собаку! Чего ему долго въ зубы заглядывать!

Подъ дѣйствіемъ подобныхъ выкриковъ войсковой кругъ ожесточился и приговорилъ Кантакузена къ смерти.

Въ Монастырскій Яръ изъ подъ Азова вернулся атаманъ Каторжный съ нѣсколькими другими атаманами и множествомъ казаковъ. Кантакузена потребовали въ кругъ.

Всѣ казаки были вооружены.

Выступили два атамана и стали говорить Фомѣ: «И прежде ходилъ ты къ великому Государю отъ турскаго султана, накупясь обманомъ въ послахъ много разъ, дѣлалъ между великими государями неправдою, на ссору, и въ томъ великому государю многіе убытки и ссору великую учинилъ, а насъ, донскихъ казаковъ, хвалился разорить и съ Дону свесть. И теперь, накупясь, хочешь то же дѣлать, да ты же писалъ Государю изъ Азова на атамана Ивана Каторжнаго, чтобы его повѣсить въ Москвѣ. И за такое воровство донскіе атаманы и казаки и все войско приговорили казнить тебя смертію».

Немедленно турецкаго посла тутъ же изрубили въ куски, сгоряча перебили и всѣхъ людей, составлявшихъ его свиту и даже тѣхъ греческихъ монаховъ, которые ѣхали съ Кантакузеномъ въ Москву.

## XXI.

Послѣ убіенія посла донцы, видимо, испугавшись предстоящей отвѣтственности передъ царемъ, еще съ большей энергіей и поспѣшностью продолжали осаду крѣпости.

Имъ хотѣлось, какъ можно скорѣе, взять Азовъ, чтобы вмѣстѣ съ повинною преподнести его Государю.

Среди донцовъ оказался одинъ нѣмецъ, нѣкто Иванъ Арадовъ, приставшій къ нимъ на Руси еще во время Смуты и навсегда связавшій свою судьбу съ тревожной, преисполненной всяческихъ невзгодъ и опасностей, судьбой казаковъ.

Этотъ Иванъ Арадовъ былъ мастеръ подкопнаго дѣла, и когда казаки рѣшили вести подъ Азовомъ инженерную войну, ему поручено было главное руководство всѣмъ этимъ дѣломъ.

Казаки поспѣшно стали вести подкопы подъ самыя стѣны крѣпости.

Турки не переставали издѣваться надъ казаками.

— Стойте подъ городомъ, сколько хотите, кричали они осаждающимъ со стѣнъ, а какъ ушей своихъ вамъ не видать, такъ и города не взять!

Донцы не смущались этимъ.

Къ 17 Іюня подкопъ былъ готовъ. Казаки въ узкую галлерею подкопа вкатили нѣсколько бочекъ пороха, провели фитили.

Весь этотъ день станъ буйныхъ казаковъ скорѣе походилъ на тихій благочестивый монастырь. Казаки чистили оружіе, обмывались, надѣвали чистое бѣлье, принаряжались въ свое лучшее платье, готовясь на утро къ кровавому, для многихъ послѣднему, пиру. Священники съ св. Дарами обходили лагерь, исповѣдывали и причащали воиновъ.

Отъ перваго до послѣдняго человѣка всѣ сознавали роковую важность предстоящаго дня.

Завтра рѣшится ихъ жребій: быть имъ или не быть?

Воодушевленіе казаковъ напряжено было до предѣльной высоты.

Всѣ прощались другъ съ другомъ и со слезами говорили:

— Не посрамимъ, братья-товарищи, нашей вѣчной славы казачьей, поддержимъ великую честь нашего оружія. Да не будетъ отступленія и измѣны. Сложимъ тутъ всѣ свои головы или Азовъ будетъ нашъ!

Азовцы, замѣтивъ ненарушимую тишину въ лагерѣ осаждающихъ, подумали, что казаки наконецъ-то отказались отъ своего безумнаго намѣренія и уходятъ во свояси.

Донцы, совершенно примиренные душою съ участью, какая каждаго изъ нихъ ожидала, съ вечера на короткое время чутко вздремнули.

Свѣжая лѣтняя ночь послѣ знойнаго дня подходила къ концу. Съ моря потянуло прохладнымъ вѣтеркомъ, на востокѣ чуть-чуть забрезжила заря, хотя все еще было погружено въ ночной мракъ, а казачьи отряды въ величайшей тишинѣ построились и стояли на своихъ мѣстахъ передъ крѣпостью.

Востокъ уже алѣлъ, уже можно было отличить внушительныя очертанія сѣрой крѣпостной громады. Было близко къ 4 часамъ утра.

Войсковой атаманъ Татариновъ съ отборнымъ отрядомъ казаковъ стоялъ противъ той крѣпостной башни, подъ которую подведенъ былъ главный подкопъ.

Онъ, бѣгло скользнувъ взглядомъ по лицамъ своихъ товарищей-героевъ, подалъ рукою знакъ запалить начиненные порохомъ фитили.

Разгорѣвшіяся твердыя орлиныя очи атамана теперь съ жаднымъ ожиданіемъ устремлены были на крѣпостную стѣну.

По неподвижнымъ, точно мертвымъ, рядамъ осаждающихъ, пронесся общимъ вздохомъ шопотъ: «помоги, Господи»!

Томительно и кошмарно длинно, тягуче, точно въ какой-то невѣроятной сказкѣ чудовищныя птицы машутъ огромными медлительными крылами, ползутъ послѣднія мгновенія передъ взрывомъ.

Ровно въ 4 часа подъ ногами бойцовъ заколебалась земля, точно какой то гигантъ заворочался и поднялъ ее на мощномъ хребтѣ своемъ.

Къ свѣтлѣющему небу высоко-высоко вмѣстѣ съ пламенемъ и дымомъ взлетѣла огромная безформенная масса, преломилась въ воздухѣ пополамъ, далеко въ стороны разбросались ея осколки и медленно и тяжело рухнуло все это обратно на землю.

Оглушительный звукъ взрыва долетѣлъ до слуха казаковъ, точно кто-то мощный и незримый дохнулъ изъ подъ земли.

То взлетѣла огромная часть крѣпостной стѣны съ башней, съ пушками, съ людьми и съ сосѣдними строеніями.

На мѣстѣ ея, какъ темная пропасть, зіяло окуренное дымомъ пустое пространство.

Атаманъ Татариновъ, снявъ съ головы высокую со свѣсившимся краснымъ верхомъ шапку, не спѣша перекрестился и взмахнулъ саблей въ сторону пролома. Какъ одинъ человѣкъ, всѣ казаки перекрестились и во весь духъ устремились за своимъ вождемъ.

Прочіе отряды со всѣхъ сторонъ облѣпили крѣпость и, точно

муравьи, по лѣстницамъ и по плечамъ другъ друга, карабкались на стѣны.

Въ проломѣ, подъ стѣнами и наконецъ на стѣнахъ закипѣлъ горячій кровопролитный бой. Храбрые янычары и привыкшіе къ войнѣ жители Азова защищались съ мужествомъ и яростью.

Они поражали осаждающихъ тучей пуль и каменьевъ, лили на головы казаковъ кипятокъ и расплавленное олово, ослѣпляли пескомъ и золою.

Долго шелъ бой на стѣнахъ и въ проломѣ, наконецъ осаждающіе ворвались въ городъ. Въ смертельной битвѣ прошелъ остатокъ ночи.

Быстро, какъ-то разомъ взошло горячее южное солнце и своими лучами озарило картину побоища.

Уже умолкли выстрѣлы, почти не слышно было криковъ, одно только живое яростное клокотаніе, подобное шуму и тяжкимъ вздохамъ бушующаго океана, наполняло воздухъ. Все смѣшалось въ одну кровавую кашу.

Люди рубились саблями, рѣзались кинжалами и ножами, бились камнями и израненные падая, душили, хрипѣли и грызли другъ друга.

Отъ пролитой крови земля ослизла подъ ногами бойцовъ, трупы и раненые загромождали кривые, узкіе улицы и проходы, а казаки и турки съ неумолимостью бездушныхъ машинъ, пущенныхъ безъ вожатыхъ, сокрушали другъ друга.

Дрались за каждый вершокъ земли, каждое строеніе являлось своего рода крѣпостцой.

Солнце, горячими лучами раскаляя землю и воздухъ, поднялось на свою высшую точку, а рѣзня въ Азовѣ шла еще съ сомнительнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ.

Боевому искусству, непоколебимому мужеству и высокому воодушевленію казаковъ мусульмане противопоставили свое подавляющее численное превосходство и необычайную ярость въ борьбѣ.

Солнце медленно мало-по-малу склонялось къ зениту, наконецъ большимъ кроваво-багровымъ кругомъ потонуло въ свинцовомъ морѣ, а жестокая сѣча, ни на минуту не ослабѣвая, продолжалась въ томъ же яростномъ размахѣ. Сразу безъ прозрачныхъ таинственныхъ сумерекъ наступила темная южная ночь. И какъ будто своимъ исчезновеніемъ солнце унесло счастье азовцевъ.

Луна еще не успѣла подняться надъ землею и своимъ слабымъ свѣтомъ разрѣдить ночной мракъ, какъ потерявшіе больше половины людей и изнемогшіе въ борьбѣ азовцы дрогнули и побѣжали. Часть ихъ заперлась въ крѣпкомъ замкѣ въ серединѣ города, другая бросилась въ степь.

Окруживъ замокъ, казаки отрядили конныя станицы преслѣдовать бѣгущихъ. Онѣ быстро настигли бѣглецовъ, но тѣ оказали храброе и упорное сопротивленіе.

Пользуясь каждой балочкой, ерикомъ, колдобоиной, азовцы останавливались и оборонялись. Казаки сбивали ихъ и гнали все дальше и дальше. Больше 10 верстъ продолжалась погоня съ кровопролитными схватками. Наконецъ ожесточенные казаки въ одномъ мѣстѣ налетѣли на враговъ съ бѣшенствомъ бури и всѣ отступавшіе азовцы пали подъ ударами казачьихъ сабель.

Между тѣмъ бой передъ стѣнами замка продолжался еще болѣе трехъ дней.

Засѣвшіе въ замкѣ остатки янычаръ и азовцевъ ни за что не хотѣли сдаваться и заявили своимъ побѣдителямъ, что они всѣ до единаго умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Упоенные боемъ и успѣхомъ казаки горѣли непреодолимымъ желаніемъ поскорѣе покончить съ остатками ненавистнаго врага и шли на замокъ штурмомъ. Турки защищались съ упорствомъ отчаянія. Никто изъ нихъ не разсчитывалъ уйти живымъ.

Побиваемые камнями, многіе изъ осаждающихъ сложили здѣсь свои головы.

Наконецъ и эта послѣдняя азовская твердыня пала, и защитники ея были перерѣзаны поголовно.

Такимъ тяжкимъ трудомъ и кровавыми жертвами маленькаго по численности войска были отняты у могущественнаго турецкаго султана крѣпость Азовъ, а съ ней вмѣстѣ и вся обширная турецкая область, прилегающая къ Азовскому морю.

Казаки, съ честью похоронивъ своихъ убитыхъ, побросали въ Донъ трупы янычаръ и азовцевъ, откуда ихъ теченіемъ унесло въ море, кое-какъ очистили городъ, возстановили уцѣлѣвшіе еще съ греческихъ временъ храмы во имя св. Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и изъ Монастырскаго городка перевели сюда главное войско. Сюда же съѣхались и казачьи жены съ дѣтьми.

15 Іюля всевеликое войско снарядило въ Москву легкую станицу изъ четырехъ казаковъ съ атаманомъ Потапомъ Петровымъ съ извѣстіями и съ повинной.

«Отпусти, Государь, вины наши... «писали казаки», мы, Государь, холопи твои, до твоей государевой грамоты (посланной съ Чириковымъ) межъ собою учинили приговоръ, что одноличн надъ азовскими людьми промышлять, сколько милосердый Богъ помочи подастъ. Да Іюня, Государь, въ 18 день... Азовъ городъ мы, холопи твои, взяли, ни одного человѣка азовскаго на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили»... Причины, побудившія казаковъ идти войной на Азовъ, они объяснили такъ:

«Государь, мы—сыны Россіи, могли ли безъ сокрушенія смотрѣть, какъ на глазахъ нашихъ лилась кровь христіанская, какъ влеклись на позоръ и рабство старцы, жены съ младенцами и дѣвы?» Убійство турецкаго посла казаки оправдывали измѣною его: «мы приговорили то всѣмъ войскомъ, ибо многіе братья наши побиты призванными имъ на помощь къ Азову ратными людьми».

Въ концѣ грамоты всевеликое войско обѣщаетъ вскорѣ прислать въ Москву большую станицу съ подробнымъ донесеніемъ, съ описью всего забраннаго въ Азовѣ имущества и оружія и съ соображеніями, какъ на будущее время удержать за Россіей Азовъ.

Государь былъ сильно разгнѣванъ убійствомъ посла и хотя взятіе Азова его обрадовало, но и встревожило. Онъ боялся изъ-за этого втянуть Россію въ войну съ могущественной имперіей османовъ и приказалъ задержать въ Москвѣ атамана Петрова съ товарищами до присылки большой станицы съ подробною отпискою войска.

Государь въ своей грамотѣ турецкому султану по поводу взятія казаками Азова и убійства Кантакузена между прочимъ пишетъ: «о взятіи Азова у насъ и мысли не было и прискорбно будетъ, если за одно своевольство казаковъ станешь имѣть на насъ досаду, хотя всѣхъ ихъ (казаковъ) вели побить въ одинъ часъ, я не постою за то»...

Казаки еще не успѣли передохнуть отъ понесенныхъ боевыхъ трудовъ, какъ получили вѣсть, что по приказу султана крымцы и мурзы Большого Ногая съ своими татарами многочисленными полчищами собираются вторгнуться въ русскія украинныя области.

Не мѣшкая ни единаго часа, казаки на кругу порѣшили сейчасъ же всѣмъ войскомъ выступить на перерѣзъ хищникамъ.

Съ величайшей поспѣшностью пѣшіе и конные казаки выступили въ степь и заняли всѣ переправы и дороги, всѣ перелазы и сакмы на обычномъ пути слѣдованія татарскихъ ордъ.

Произошло нѣсколько упорныхъ стычекъ. Казаки вездѣ разбили и разсѣяли по полю полчища враговъ, предотвративъ своимъ подвигомъ новое бѣдствіе для Россіи.

Государь, тронутый ихъ усердіемъ и цѣня полезность ихъ новой услуги, пожаловалъ атамана Петрова съ товарищами своимъ жалованьемъ и въ концѣ сентября отпустилъ ихъ съ своей грамотою на Донъ.

«...И вы то, атаманы и казаки, писалъ Государь въ грамотѣ отъ 20 сентября, учинили не дѣломъ, что турскаго посла со всѣми людьми побили, самовольствомъ, а того нигдѣ не ведетца, что бы пословъ побивать, хотя гдѣ и война межъ государей бываетъ»...

Въ этой же грамотѣ Государь упрекалъ казаковъ за то, что они, взявъ Азовъ безъ его повелѣнія и вѣдома, до сего времени не прислали атамановъ и казаковъ добрыхъ съ совѣтомъ отъ войска, какъ впредь съ Азовомъ быть и настаиваетъ поскорѣе таковыхъ прислать.

## XXII.

Извѣстіе о взятіи казаками Азова поразило султана и его диванъ.

Въ Константинополѣ ясно видѣли, что съ потерей этой крѣпости мало того, что въ русскія руки переходила вся приазовская приморская область, но и хозяевами Азовскаго и Чернаго морей становились эти грозные, неодолимые ни на сушѣ ни на водѣ витязи-казаки.

И дѣйствительно, донцы теперь свободно разгуливали по морю, разбивали вражьи корабли, громили крымскіе и турецкіе берега, и навели такой ужасъ, что даже въ самомъ Константинополѣ трепетали ихъ имени и ежеминутно боялись ихъ страшнаго нашествія.

Кромѣ того, султанъ понималъ, что если Азовъ навсегда останется въ рукахъ донцовъ, то о набѣгахъ со стороны крымцевъ, ногайцевъ, черкесовъ и другихъ разбойничьихъ ордъ на русскіе окраинные города, о тѣхъ губительныхъ набѣгахъ, которые изнуряли ненавистную ему Московію, заставляли ее систематически истекать кровью и разоряться, надо забыть навсегда. Каждый такой набѣгъ обойдется въ слишкомъ дорогую цѣну мусульманскому міру, потому что донцы заплатятъ страшной местью, безпощадно похозяйничаютъ въ ихъ гнѣздахъ и огнемъ и мечемъ встрѣтятъ хищниковъ на переправахъ и сакмахъ при возвращеніи тѣхъ изъ Россіи съ дуваномъ и плѣномъ.

Въ Константинополѣ рѣшено было, во что бы то ни стало, отобрать у казаковъ Азовъ.

Муратъ IV, втянутый тогда въ изнурительную войну съ Персіей, не могъ отрядить противъ донцовъ достаточнаго количества войска, но повелѣлъ крымскимъ и другимъ татарамъ всячески добиваться отвоеванія Азова.

Всѣ попытки татаръ исполнить волю намѣстника пророка терпѣли полное крушеніе. Казаки всегда и неизмѣнно побивали ихъ полчища.

Султанъ, не на шутку встревоженный какъ неудачными выступленіями татаръ, такъ особенно дѣятельнымъ укрѣпленіемъ

казаками Азова и перенесеніемъ туда становища главнаго войска, уже въ слѣдующемъ 1638 году отправилъ подъ Азовъ довольно значительную рать подъ начальствомъ Піали-паши.

На Черномъ морѣ 1700 донцовъ повидимому неожиданно встрѣтили пашу съ его отрядомъ.

Произошелъ жестокій упорный бой. 700 человѣкъ казаковъ сложили тутъ свои головы, за то турки, несмотря на ихъ огромный численный перевѣсъ, были на голову разбиты и разсѣяны.

Между тѣмъ казаки съ чрезвычайной энергіей и самоотверженіемъ занимались укрѣпленіемъ, вооруженіемъ и отстройкой завоеваннаго города.

Они укрѣпили въ центрѣ города замокъ, крѣпостную стѣну соорудили 3-хъ саженной ширины, исправили взятыя у турокъ пушки, установили ихъ на стѣнахъ и раскатахъ, закупили снаряды, свинецъ, порохъ и провіантъ, отстраивали новыя церкви и ремонтировали старыя.

Зимовыя станицы, часто ѣздившія въ Москву, привозили подаренные царемъ образа, церковную утварь и священныя книги.

Одинъ разъ по предложенію дѣятельнаго атамана Наума Васильева все войско поголовно отказалось отъ шести тысячъ рублей царскаго жалованья, и всѣ эти деньги были обращены на укрѣпленіе Азова.

Пять лѣтъ донцы владѣли Азовомъ, и эти пять лѣтъ дали передышку державной Руси отъ бѣдственныхъ набѣговъ крымскихъ, ногайскихъ и черкесскихъ ордъ на украинные города и села. Въ эти годы совершенно исчезла дотолѣ неукротимая дерзость дикой татарвы. Кочевавшіе около Астрахани ногайцы были вѣрны Россіи, крымцы не смѣли высунуть носа за рубежъ своихъ владѣній.

Но несмотря на всѣ свои блестящіе боевые успѣхи, всевеликое войско отлично сознавало, что ему, при всемъ геройствѣ и самоотверженіи его членовъ, однѣми своими малыми силами не удержать Азова, сознавало оно и то, какое неисчерпаемое великое значеніе имѣетъ этотъ ключъ къ морю съ прилегающей отвоеванной областью не только для нихъ, донцовъ, но и для всей Россіи, и рѣшило все отвоеванное отдать своему Государю.

„Бьемъ челомъ Тебѣ, писали казаки, праведному великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи Самодержцу... городомъ Азовомъ со всѣмъ градскимъ строеніемъ, и съ пушками, а пушекъ въ немъ, Государь, двѣсти девяносто шесть. А мы, Государь, холопи ваши, не горододержцы. Въ мимошедшіе лѣта, при прежнихъ царяхъ и великихъ князьяхъ прежніе наши братья, донскіе казаки, многіе города у иновѣрныхъ поганыхъ народовъ брали и сами этими городами не владѣли, все

вамъ, Государь, земли прибавляли и кровь свою проливали за васъ, Государей, и за святыя Божіи церкви и за вѣру христіанскую... Если же ты не примешь города, то брести намъ съ голода и наготы всѣмъ врозь. А если примешь, то повели намъ вернуться въ свои юрты и жить по прежнему"...

Государю нельзя было принять отъ казаковъ столь опаснаго подарка, и онъ отказался.

Удрученные этимъ, убѣжденные, что имъ Азова не удержать, донцы тѣмъ не менѣе единодушно порѣшили не сдать добровольно туркамъ Азова, а умереть всѣмъ до единаго отстаивая его.

Оставленные Россіей безъ помощи, вынужденные разсчитывать только на свои малыя силы, донцы еще энергичнѣе готовились къ суровому отпору.

Муратъ IV умеръ въ 1640 году во время дѣятельныхъ приготовленій къ походу подъ Азовъ. Ему наслѣдовалъ Ибрагимъ I-й.

Болѣе года могущественнѣйшая въ то время имперія Османовъ— гроза Европы и Азіи, готовилась къ войнѣ съ горстью христіанскихъ витязей—бѣдныхъ, презрѣнныхъ, всѣми оставленныхъ.

Умный верховный визирь Турціи, Магметъ-паша, видимо понималъ, съ какими людьми ему придется вступить въ кровавый споръ, поэтому дипломатическими переговорами подготовилъ себѣ миръ со всѣми державами, чтобы имѣть вполнѣ свободныя руки и всѣми силами обрушиться на своихъ противниковъ.

Цесарь, Россія, Польша, Венеція и Персія состояли теперь съ султаномъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ.

Всѣ военныя силы османовъ могли быть двинуты противъ однихъ донцовъ.

Въ Турціи поспѣшно и энергично строился сильный, но легкій флотъ, который могъ бы свободно ходить по мелководному Азовскому морю, набирались войска изъ многочисленныхъ турецкихъ провинцій, нанимались иностранные полки и инженеры.

Медленно собиравшаяся гроза въ концѣ мая 1641-го года придвинулась къ азовскимъ берегамъ.

Казалось, гроза эта въ силахъ была по камешкамъ разметать укрѣпленный городишко и, какъ мошкару, раздавить его защитниковъ.

Усилія турецкаго правительства и были именно направлены на то, чтобы не только отобрать Азовъ, но разъ и навсегда покончить съ донскими витязями, окончательно стереть ихъ съ лица земли.

Турки насчитывали въ своемъ азовскомъ ополченіи около 240,000 воиновъ—цифра, видимо, нѣсколько преувеличенная, о числѣ же казаковъ свѣдѣнія расходятся.

Одни говорятъ, что ихъ было въ Азовѣ 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, другіе—что 14,000 мужчинъ и 800 женщинъ, историкъ же Сухоруковъ останавливается на 9,000.

Едва ли можно согласиться съ двумя послѣдними цифрами. Если припомнить, что бравшихъ Азовъ четыре года назадъ было всего, считая съ запорожцами, 4,500 человѣкъ, то едва ли въ такой короткій срокъ при безперерывныхъ сухопутныхъ и морскихъ набѣгахъ и бояхъ, при постоянной потерѣ людей, населеніе Дона могло увеличиться до 14,000 или даже до 9,000.

Правда, войско Донское передъ знаменитымъ Азовскимъ сидѣніемъ созывало и нанимало въ свои ряды всякихъ удалыхъ охочихъ людей, наконецъ если вѣрить польскимъ источникамъ, въ Азовѣ отсиживались вмѣстѣ съ донцами два запорожскихъ атамана Остреница и Гуня съ своими дружинами, все-таки 9,000 осажденныхъ набраться не могло.

Удалыхъ охочихъ людей въ дикомъ оторванномъ отъ Россіи полѣ всегда было очень незначительное количество, потому что люди изъ державной Руси были мало пригодны къ несенію невообразимо тяжкой и опасной казачьей жизни и многіе изъ нихъ, испробовавъ ея, скоро сбѣгали съ Дона, Остреница и Гуня, оба приговоренные польскимъ правительствомъ къ висѣлицѣ, ушли изъ Малороссіи очень поспѣшно, не успѣвъ набрать съ собою значительныхъ дружинъ. Наконецъ, сами осажденные въ своемъ письмѣ къ турецкому главнокомандующему говорятъ, что ихъ всего пять тысячъ человѣкъ.

Во всякомъ случаѣ силы, выставленные турками противъ казаковъ, были настолько громадны, что ихъ хватило бы на завоеваніе любой изъ тогдашнихъ великихъ державъ.

Въ станѣ осаждающихъ, помимо кровныхъ турокъ, были крымскіе и ногайскіе татары, горскіе черкесы, сербы, волохи, арабы, арнауты, были наемные французы, нѣмцы, итальянцы, свѣдущіе въ военно-инженерномъ дѣлѣ.

Кромѣ того, помимо боевой рати, подъ Азовъ было согнано изъ подвластныхъ Турціи провинцій десятки тысячъ людей для производства окопныхъ работъ и обслуживанія разнообразныхъ войсковыхъ нуждъ.

Сознавая всю громадную важность предстоящаго похода, въ началѣ самъ великій визирь хотѣлъ стать во главѣ осадной арміи, но неотложныя государственныя дѣла задержали его въ Царь-Градѣ и командованіе всѣмъ войскомъ было вручено имъ лучшему изъ тогдашнихъ турецкихъ военачальниковъ—силистрійскому пашѣ Гусейнъ-дели—вождю опытному въ бояхъ, но честолюбивому и гор-

дому. Онъ презиралъ силу казаковъ. Ему подчиненъ былъ крымскій ханъ, командовавшій крымцами, ногайцами и черкесами.

Турецкій флотъ состоялъ изъ 80 большихъ бѣломорскихъ каторгъ и 90 болѣе мелкихъ морскихъ судовъ. Кромѣ того, 20 кораблей были нагружены пушками, порохомъ, ядрами и всякими иными припасами.

Начальствовалъ надъ флотомъ Піали-ага, адмиралъ, по современнымъ свидѣтельствамъ—одаренный прозорливостью и храбростью. Судовыя команды были составлены изъ отборныхъ янычаръ.

Казаки отлично понимали, за что они стояли и къ чему должны быть готовы.

Они ясно сознавали, что съ потерей Азова погибнетъ не только вольность войска Донского, но и Россія будетъ оттѣснена отъ теплыхъ морей. Знали они и нравы мусульманскаго востока и понимали, что отдача туркамъ хотя бы пяди отвоеванной земли истолкуется ими какъ слабость Россіи и тогда горестнымъ послѣдствіямъ не предвидится конца. Овладѣвъ снова Азовомъ, турки, крымцы и другая дикая, хищная орда опять начнутъ свои систематическіе набѣги на многострадальныя русскія украины, опять рѣками польется русская кровь, города и села снова будутъ дымиться въ развалинахъ, будутъ избиваться старики и дѣти, обезчещиваться жены и дѣвы и снова тысячи русскихъ полонянниковъ обоего пола, привязанныхъ другъ къ другу арканами, какъ скоты подъ кнутами погонщиковъ, длинными вереницами будутъ въ зной и стужу босыми ногами измѣривать необъятныя южныя степи, будутъ выносить безчеловѣчныя издѣвательства злой татарвы, расцѣниваться и продаваться, какъ безсловесныя твари, на невольничьихъ рынкахъ Европы и Азіи.

Къ предстоящему кровавому подвигу казаки—по своей старой привычкѣ—готовились постомъ и молитвою, клялись своему Государю, всевеликому войску и другъ другу въ вѣрности до гроба.

Войсковымъ атаманомъ былъ выбранъ лучшій изъ казаковъ, Осипъ Петровъ.

Когда многочисленная разноплеменная и разноязычная турецкая рать обложила съ суши и съ моря Азовъ, умный атаманъ уже зналъ, что каменныя стѣны города и артиллерія не спасутъ горсти его товарищей-героевъ. Воинскими хитростями, на которыя были такими мастерами тогдашніе донцы, тоже не много можно было сдѣлать съ врагами, численность которыхъ разъ въ 50 превосходила ихъ силы и совершенно подавляла ихъ могуществомъ своей артиллеріи.

У турокъ было 129 осадныхъ орудій, стрѣлявшихъ ядрами въ полтора и два пуда, 674 пушки болѣе мелкаго калибра и 32

мортиры, перебрасывавшія громадныя ядра черезъ крѣпостныя стѣны.

У казаковъ въ Азовѣ было всего 296 пушекъ, отнятыхъ ими у турокъ при завоеваніи города и теперь не выдерживавшихъ никакого сравненія ни по силѣ огня, ни по дальности пораженія съ могущественной артиллеріей грознаго врага.

Будучи самъ глубоко вѣрующимъ и покорнымъ волѣ Божіей, зная таковое же воодушевленіе вѣрой своихъ товарищей, атаманъ Петровъ укрѣплялъ надежду войска только на помощь свыше.

— Братья-товарищи, говорилъ онъ казакамъ,—насъ всѣ бросили, всѣ отъ насъ отвернулись, остались мы одни, какъ былинки въ полѣ. Не можетъ помочь намъ и нашъ батюшка православный Царь. И вся наша надежда теперь только на одного Всевышняго. Не одолѣть намъ безчисленныхъ враговъ, но для Бога все возможно и если на то будетъ Его святая воля, Онъ поразитъ невѣрныхъ нашими руками. Для этого постомъ, покаяніемъ, молитвою и праведною жизнью очистимъ души и телѣса наши и черезъ то станемъ угодны Отцу нашему Небесному. Отрѣшимся теперь же отъ земной жизни, будемъ, какъ мертвые, сочтемъ, что для насъ жизни уже нѣтъ, что она кончилась и будемъ думать только о Богѣ и о побѣдѣ. Вѣдь разсудите, братья-товарищи, все равно, если отдадимъ поганымъ Азовъ, намъ уже не устоять на кормильцѣ Тихомъ Дону, а другого мѣста на землѣ нѣтъ для насъ. Кому мы надобны? Кто пріютитъ насъ да и къ кому мы пойдемъ. Для поклоновъ наши шеи и спины не гнутся. Выбора у насъ нѣтъ. И если уже суждено сгинуть намъ, такъ будемъ же сражаться до послѣдняго дыханія, будемъ биться такъ, чтобы во вѣки вѣковъ нашей славы казачьей на землѣ не забыли, чтобы за каждую нашу казачью головушку мы сорвали съ поганыхъ плечъ десять, двадцать, сто головъ. Пускай знаютъ во что имъ обходится каждая казачья голова! А за крѣпкое стоятельство за нашу святую православную вѣру и за нашу праведную жизнь Господь не оставитъ насъ безъ небесной награды. Вѣнецъ за мученичество уготованъ для каждаго изъ насъ.

Атаманъ зналъ, что въ томъ высокомъ настроеніи, въ какомъ были его товарищи, никто изъ нихъ, пока владѣетъ оружіемъ, въ плѣнъ не сдастся, но онъ настоялъ, чтобы они поклялись спасеніемъ души своей, что тѣ изъ нихъ, кто попадетъ въ плѣнъ израненными, не соблазняясь никакими обѣщаніями, ни подъ какими пытками, не выдавали правды о состояніи крѣпости.

На площади передъ церковью святого Іоанна Предтечи казаки поклялись страшною клятвою и присягнули, что будутъ биться съ врагомъ до послѣдняго издыханія и никто изъ нихъ никогда не измѣнитъ въ вѣрности своему войску.

## XXIII.

7-го іюня началась уже дѣйствительная осада крѣпости.

Плоская, поблекшая и запыленная степь вдругъ разцвѣтилась разнообразнымъ обмундированіемъ разноплеменныхъ полковъ, роскошными уборами и чалмами знатныхъ воиновъ, въ воздухѣ заколыхались зеленые, алые, бѣлые и синіе значки и знамена.

Даже зоркому глазу казака нельзя было окинуть турецкую силу. Слышался топотъ тысячъ лошадиныхъ копытъ; тяжело громыхали по сухой твердой землѣ большія колеса подкатываемыхъ пушекъ; скрипѣли безчисленныя арбы; люди гомонили и кричали на всевозможныхъ языкахъ. Среди этого гомона и шума вырывалось звонкое ржаніе лошадей, рѣзкій крикъ ословъ, ревъ скотины и верблюдовъ.

Никогда еще казаки не видѣли такой огромной и красивой рати! Задумчивы были ихъ очи, жаждой подвиговъ волновались ихъ отважныя сердца. Было надъ кѣмъ поработать молодецкому казачьему плечу!

Облака желтой пыли постепенно поднимались и густѣли надъ этимъ гигантскимъ человѣческимъ муравейникомъ и почти скрывали его отъ глазъ осажденныхъ.

Ночью тысячи огней освѣтили турецкій лагерь и зарево костровъ зловѣщимъ багрянцемъ окрашивало высокія облака.

Казаки не ждали ни одного лишняго дня. Еще не успѣлъ устроиться непріятельскій лагерь, какъ легкія конныя партіи донцовъ, въ первую же ночь выйдя изъ крѣпости, налетѣли на турокъ, произвели въ ихъ станѣ переполохъ, многихъ порубили и забравъ языковъ, скрылись въ городѣ.

Въ первые же дни, какъ только турки обложили Азовъ, къ стѣнамъ крѣпости подъѣхали три богато одѣтые всадника на великолѣпныхъ арабскихъ лошадяхъ. Одинъ изъ нихъ былъ посланецъ турецкаго главнокомандующаго Магометъ-Али—начальникъ янычаровъ, второй—Куртъ-Ага, уполномоченный командира турецкаго флота и третій—Чехомъ-Ага, представитель крымскаго хана.

Они потребовали для переговоровъ коменданта крѣпости.

На стѣну вышелъ войсковой атаманъ съ старѣйшинами.

— Помощи и защиты ждать вамъ отъ Московскаго Царя нечего, говорили турецкіе парламентеры, сопротивляться безполезно. Силы наши громадны. Мы раздавимъ васъ. Кровопролитія мы не желаемъ, а поэтому предлагаемъ вамъ сдать Азовъ безъ боя. За это мы дадимъ сейчасъ же вамъ 12 тысячъ червонцевъ и 30 тысячъ по выступленіи изъ крѣпости. Кромѣ того, его величество

султанъ, повелитель правовѣрныхъ, зная васъ за воиновъ опытныхъ и храбрыхъ, предлагаетъ вамъ вступить на службу въ ряды его доблестнаго войска. Если вы согласитесь, то отмѣнно будете вознаграждены.

Спокойно выслушавъ, атаманъ попросилъ переговорщиковъ удалиться отъ стѣнъ, обѣщавъ въ скорости прислать свой отвѣтъ.

Всю ночь въ станичной избѣ горѣлъ огонь. То атаманы, не искусные въ письмѣ, составляли врагу достойный отвѣтъ, войсковой писарь записывалъ ихъ слова, толмачъ переводилъ на турецкій языкъ и переписывалъ на-бѣло.

Подъ утро длинное посланіе было готово и отправлено Гусейнъ-пашѣ съ плѣннымъ татариномъ.

Вотъ что писали донцы:

„Не разъ и не два, а многожды бились мы съ вами на сушѣ и на морѣ, отлично знаемъ васъ и силу вашу великую. Знаете и вы насъ. Мы—старые знакомые. Давно мы васъ къ себѣ въ гости поджидали на кровавый пиръ силой-удалью перевѣдаться, шириною плечь перемѣряться, сабли острыя перепробовать, да вы все что-то мѣшкали, но наконецъ пришли. Хоть и поздненько, да добро пожаловать! Передъ нами поприще обширное, степь матушка цѣлинная, неоглядная, есть гдѣ встрѣтиться и нагуляться всласть.

„Такъ мы и мыслили, что вы сразу, попустому не тратя словъ, честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

„А вы пришли съ рѣчами негожими, для честныхъ воиновъ обидными. Вмѣсто пира браннаго хотите въ торгъ вступить, какъ купчишки безчестные, предлагаете за славу нашу казачью рыцарскую, во вѣки вѣковъ нерушимую, ваше злато-серебро. Да на что оно намъ? А ежели занадобится, мы у васъ не спросимся, возьмемъ его у васъ за моремъ, возьмемъ острой саблею, мѣткимъ выстрѣломъ, всей отвагой нашей молодецкою, какъ бирали уже не разъ въ лѣта мимошедшіе. И женъ себѣ умыкаемъ у васъ же изъ Царя-города и изъ другихъ вашихъ славныхъ городовъ и ничего, живемъ съ ними по-хорошему.

„Городъ Азовъ-строеніе великихъ царей греческихъ православной христіанской вѣры мы взяли у васъ въ 7145 году *) открытой силою, дрались съ вами, поганцами, лицомъ къ лицу, а не какъ воры или разбойники или купчишки безчестные.

„Зачѣмъ же вы съ вашей великой силою хотите купить его у насъ?

„Вы хвалитесь, что вашъ султанъ прислалъ подъ Азовъ

*) въ 1637 г. по Р. Х.

четырехъ пашей, да адмирала, да множество полковниковъ, а съ ними триста тысячъ солдатъ, да рабочихъ мужиковъ, что въ счетъ не идутъ, да нанялъ 6,000 мудрыхъ нѣмцевъ.

„Но велика ли будетъ султану честь, если возьметъ онъ насъ такими силами великими да умомъ да промысломъ нѣмецкимъ? Вѣдь такою побѣдою не порушитъ отъ нашей старинной славы казачьей, головами нашими не запустѣетъ родимый Тихій Донъ и на взысканіе (на отмщеніе) наше горой поднимутся молодцы съ Дона, а тогда горе вамъ!

„Насъ же въ Азовѣ всего на всего пять тысячъ и ежели отсидимся отъ вашихъ огромныхъ силъ, то какая же срамота неизбывная падетъ на султана вашего отъ всѣхъ земель!

„Вы говорите, что всѣ отступились отъ насъ, всѣ насъ оставили.

„Мы знаемъ это и безъ васъ. Мы—Божьи люди. Имя намъ—вѣчное Донское казачество, вольное, безстрашное. И кому бы ни было побить насъ не такъ-то ужъ легко.

„И помощи мы ждемъ только отъ Господа, отъ Пречистой Богородицы, отъ святыхъ Его угодниковъ, да отъ братьевъ своихъ, что живутъ на Дону по городкамъ.

„На Руси же мы никому не надобны, никому не дороги, тамъ не любятъ, а аки псовъ смрадныхъ, ненавидятъ насъ, потому что мы ушли сюда, въ пустыню дикую, отъ неволи и налога, отъ холопства и работы на государевыхъ князей и бояръ.

„Мы тамъ ни на что не годны.

«Государство Московское великое, пространное и многолюдное, сіяетъ оно посреди всѣхъ царствъ и земель, и греческихъ, и персидскихъ, и ордъ бусурманскихъ, какъ солнце красное.

«Кому о насъ, бѣдныхъ, въ государствѣ Московскомъ потужить аль порадѣть за насъ?

«И князья, и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе, и московскіе приказные концу, смерти и погибели нашей несказанно обрадуются.

«Никогда съ Руси ничего не посылаютъ намъ. Мы не оремъ, не сѣемъ, не собираемъ въ житницы, живемъ, какъ птицы небесныя, и сыты бываемъ. Насъ кормитъ Богъ своей милостью. Звѣрьми дикими, птицею пернатою да рыбою питаемся.

«И городъ Азовъ мы взяли у васъ своей вольной волею, а не государскимъ произволеніемъ, и за это на насъ, холопей дальнихъ своихъ, Великій Государь нашъ Михайло Өеодоровичъ зѣло разгнѣвался и грозитъ намъ смертной казнію.

«Вы хотите, чтобы мы служили царю вашему турскому. Ни-

какъ не возможно, чтобы христіанскіе витязи продавали себя бусурманину.

«Вотъ ежели съ Божьей помощью отсидимся въ Азовѣ отъ его великихъ силъ, тогда, вѣрьте слову нашему казачьему нерушимому, побываемъ у него и за моремъ, въ его стольномъ Царѣгородѣ и съ нимъ, съ султаномъ вашимъ, побесѣдуемъ. Лишь бы рѣчь наша простая казацкая ему по нраву пришлась, полюбилася.

«Вѣрить вамъ и мириться съ вами намъ никакъ нельзя. Не можетъ быть мира межъ христіаниномъ и бусурманиномъ. Христіанинъ побожится душою своею христіанскою и на томъ стоитъ, а вашъ братъ, бусурманъ, побожится вашей вѣрою бусурманскою и всетаки солжетъ.

«Съ вашей глупой рѣчью къ намъ больше не ѣздите, не теряйте время попусту. Кто пріѣдетъ еще—у того голова долой. Говорите лучше съ нами пушками, да пищалями, да саблями булатными.

«Такая рѣчь намъ будетъ больше по сердцу.

«Мы побили васъ и взяли Азовъ малыми силами, такъ добывайте его своими многими тысячами, только знайте одно, что не видать его вамъ изъ рукъ нашихъ казачьихъ, какъ ушей своихъ.

«Вотъ развѣ приметъ его отъ насъ Царь всея Руси Михайло Ѳеодоровичъ, да васъ имъ пожалуетъ. Тогда на то ужъ будетъ его воля высокая государская»...

Въ своемъ письмѣ донцы особенно налегали на то, что они ослушники царя, презрѣнные пасынки Россіи, что взяли они Азовъ и не сдаютъ его вопреки царскому велѣнію.

Они не хотѣли оказаться виновниками возможной затяжной и изнурительной войны между Турціей и Россіей и своими увѣреніями старались убѣдить турокъ, что во всей азовской эпопеѣ царь и Россія не причемъ, этимъ самымъ принимая всю грозу на свои горемычныя головы.

## XXIV.

Турки, видимо, готовились къ штурму. Смыкались ихъ ряды, блокада дѣлалась тѣснѣй, прибывали и устанавливались стѣнобитныя пушки, начиналась стрѣльба.

Казаки, стоя на стѣнахъ, мѣтко, но какъ бы нехотя, скупясь тратить снаряды, отстрѣливались.

Дѣйствительно, войсковой атаманъ Осипъ Петровъ и его правая рука атаманъ Васильевъ строго-настрого приказывали даромъ по-

роха не тратить, приберегать снаряды для будущихъ, болѣе тяжкихъ, временъ и стрѣлять только въ крайнихъ случаяхъ и безъ промаха.

Главное вниманіе войскового атамана покуда сосредоточилось на вылазкахъ.

Зная, что его товарищи въ открытомъ бою не имѣютъ себѣ равныхъ въ цѣломъ мірѣ, съ другой стороны предвидя, что дѣло кончится тѣсной блокадой, подземной войной и штурмомъ, онъ все свое войско раздѣлилъ на двѣ части.

Одна часть день и ночь вела подкопы подъ турецкій лагерь и главнымъ образомъ подъ ихъ осадную артиллерію. Другая часть дежурила на стѣнахъ и день и ночь безпокоила враговъ вылазками.

Турки, не привыкшіе къ осторожности и казачьимъ сноровкамъ, сотнями и тысячами гибли подъ ударами всегда неожиданно и сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ налетавшихъ, проносившихся, какъ буря и исчезавшихъ казачьихъ партій.

Переполохъ въ турецкомъ лагерѣ, безпорядокъ, порча пушекъ и множество окровавленныхъ труповъ являлись слѣдами ихъ молніеносныхъ налетовъ.

Вылазки эти чередовались почти безпрерывно, удивляли и бѣсили турецкихъ начальниковъ и поселяли панику въ солдатахъ.

Турецкіе военачальники, видя такіе плачевные для нихъ результаты непріятельскихъ налетовъ, на военномъ совѣтѣ рѣшили покончить съ крѣпостью поскорѣе и разомъ.

25 іюня ночью весь турецкій лагерь былъ на ногахъ. Тамъ трубили трубы, били большіе барабаны, трещали маленькіе янычарскіе барабанчики и жалобно, точно заливаясь слезами, пищали свирѣли. Слышался гулъ голосовъ, топотъ копытъ и тяжелый шагъ сотенъ тысячъ человѣческихъ ступней.

Казаки поняли, что турки готовятся къ штурму. Въ крѣпости всѣ уже были на своихъ мѣстахъ.

Лишь только первые лучи восходящаго солнца освѣтили землю, какъ изъ необозримаго турецкаго лагеря со всѣхъ сторонъ двинулись стройныя, живописныя колонны.

Впереди шли черные, грузные, плотно сомкнутые полки нѣмецкой пѣхоты съ стѣнобитными машинами, за ними виднѣлись, точно стаи лебедей, бѣлые ряды янычаръ, на утреннемъ солнцѣ, какъ маковъ цвѣтъ, алѣли фески османской пѣхоты въ синихъ курткахъ.

Дальше шли арнауты, волохи, сербы, наемные европейскіе войска. Двигалась крымская и черкесская конница. Впереди нея въ пестрыхъ, но богатыхъ и красивыхъ уборахъ на великолѣп-

ныхъ лошадяхъ, выхваляясь своей удалью, джигитовали лихіе наѣздники.

Надъ необозримыми рядами османскихъ войскъ развѣвались зеленыя, алыя, синія, черныя и бѣлыя знамена, на ихъ позлащенныхъ полумѣсяцахъ весело играли лучи яркаго солнца.

Отъ гула голосовъ, топота, ржанія, грохота барабановъ, завыванія трубъ и жалобнаго плача свирѣлей казаки не слышали голоса другъ друга.

Но вотъ не разомъ, а постепенно забухали, заговорили малыя и большія осадныя турецкія пушки. Понемногу ихъ разрозненный грохотъ слился въ одинъ сплошной оглушающій гулъ.

Казалось, въ какомъ-то таинственномъ и великомъ смятеніи задрожала встревоженная земля, всколебалось небо, точно всѣ громы и молніи сосредоточились надъ горемычной крѣпостцой.

Но сама она, окуренная облаками дыма и пламени, не шевелилась и молчала, точно оцѣпенѣла, поникнувъ обреченной головой.

Но это только казалось.

Лишь только головныя колонны штурмующихъ пройдя нѣкоторое разстояніе, приблизились къ городу, какъ передніе ряды ихъ вдругъ нырнули, точно сквозь землю провалились. Задніе, невидѣвшіе, что дѣлается впереди, неудержимымъ потокомъ напирали на переднихъ. Тѣ валились на поверженныхъ товарищей.

А маленькая крѣпостца вдругъ рявкнула изъ сотенъ своихъ мѣдныхъ жерлъ. Грохотъ крѣпостныхъ пушекъ погасъ въ общемъ гулѣ, за то въ рядахъ турокъ ручьями полилась кровь, падали убитые и раненые.

То казаки заранѣе изъ подземныхъ ходовъ подкопали широкій поясъ вокругъ крѣпости и на эти мѣста навели свои пушки.

Тонкій слой земли, маскировавшій предательскій подкопъ, не выдержалъ тяжести людей и рухнулъ подъ ними.

Пока турки выбирались изъ губительнаго рва, загромождая его своими трупами, казаки разстрѣливали ихъ изъ пушекъ, заряженныхъ желѣзными осколками и дробью.

Но это не остановило штурмующихъ. По трупамъ своихъ товарищей, поражаемые изъ крѣпости, они подобно могучему морскому прибою, все приближались и приближались къ стѣнамъ.

Первыми подошли нѣмецкіе полки съ стѣнобитными машинами, за ними янычары и османская пѣхота. Одни стрѣляли, другіе разбивали стѣны машинами, топорами и ломами, третьи приставляли лѣстницы и карабкались на стѣны.

Пушки съ суши и съ моря поддерживали канонаду.

На стѣнахъ закипѣлъ рукопашный бой.

Въ началѣ счастіе какъ будто улыбнулось туркамъ. Уже громадное алое знамя съ золотымъ полумѣсяцемъ развернулось на азовской стѣнѣ, величаво и внушительно среди дыма и пламени колыхаясь своими широкими полотнищами, уже множество янычаръ, нѣмцевъ, турокъ и арнаутовъ появилось на стѣнахъ. Но скоро знамя какъ то странно затрепетало и поникло, вырванное казаками изъ янычарскихъ рукъ.

Всѣ казаки и даже женщины и дѣти были вызваны на стѣны. Въ Азовѣ не оставалось ни одного человѣка, который оказался бы празднымъ. Дрались всѣ.

Атаманъ Петровъ, пролетая на конѣ изъ конца въ конецъ крѣпости, появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, чтобы проложить себѣ путь не разъ вынужденъ былъ омочить свою саблю въ крови враговъ и разряжать свой мушкетъ въ упоръ напиравшимъ туркамъ.

Казаки огнемъ, копьями и саблями сбивали со стѣнъ враговъ, женщины и дѣти кидали раскаленный песокъ и золу, лили кипятокъ и расплавленное олово на головы штурмующихъ.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера шелъ кровопролитный бой. Уже давно скрылось солнце, погасла багровая заря и темные сумерки спустились на землю, а приступы слѣдовали за приступами безъ малѣйшей передышки.

Только ночью отхлынули обезкураженные турки.

Утренняя заря освѣтила картину вчерашняго боя. Гигантскій поясъ изъ человѣческихъ труповъ вышиною по грудь взрослому человѣку огибалъ всю наружную стѣну крѣпости. На далекое пространство не было ни одного вершка земли, не пропитаннаго человѣческой кровью. Вездѣ, въ самыхъ различныхъ положеніяхъ, кучами и по одиночкѣ лежали трупы убитыхъ турокъ въ своихъ разноцвѣтныхъ одеждахъ. Точно поле усѣялось огромными причудливыми цвѣтниками, побитыми морозомъ.

Яркое солнце пекло блѣдныя мертвыя лица. Тучи вороновъ, ястребовъ и орловъ рѣяли надъ полемъ битвы и опускались на трупы. Голодные волки, почуявъ кровь, сбѣжались со всѣхъ концовъ широкой степи.

Почти всѣ шесть тысячъ нѣмцевъ съ своими двумя полковниками полегли въ этой битвѣ, погибли шесть янычарскихъ командировъ съ тысячами своихъ подчиненныхъ, тяжкія потери понесли арнауты и полки изъ прирожденныхъ османовъ.

Весь этотъ день тихъ былъ лагерь осаждающихъ, тиха была и крѣпость, хотя тамъ кипѣла лихорадочная работа по задѣлкѣ разбитыхъ стѣнъ и уборкѣ убитыхъ и раненыхъ.

Подъ вечеръ къ стѣнамъ Азова прибылъ переговорщикъ съ

переводчикомъ и отъ имени турецкаго главнокомандующаго просилъ разрѣшенія убрать трупы убитыхъ, предлагая за каждаго янычара по золотому, за каждаго изъ начальниковъ и полковниковъ по сто серебряныхъ рублей.

— Мы не продаемъ убитыхъ и не торгуемъ мертвыми, отъ лица всего войска отвѣтилъ атаманъ Петровъ. Уберите вашихъ покойниковъ. Мои товарищи и братья ни однимъ выстрѣломъ не потревожатъ васъ.

Два дня турки хоронили своихъ убитыхъ.

— Что, попробовали нашихъ донскихъ гостинцевъ? кричали туркамъ со стѣнъ казаки. Солоно пришлось?

— Подождите, отвѣчали снизу. Игра только начинается...

— Правда, правда! Мы только пушки да ружья прочистили да на вашихъ башкахъ сабли испробовали. Случаемъ не затупились ли? А дальше у насъ будетъ пиръ горой...

— Какъ бы ни было, а крѣпость возьмемъ. Насъ сила. Задавимъ.

— Видали такихъ то. Не впервой намъ съ вами тюшманиться и одному супротивъ десяти выстаивать!

## XXV.

Похоронивъ убитыхъ, турки приступили къ правильной осадѣ крѣпости.

Тысячи согнанныхъ изъ разныхъ турецкихъ областей рабочихъ три дня и три ночи копали землю и насыпали валъ вокругъ крѣпости.

Валъ съ каждымъ часомъ поднимался все выше и выше и наконецъ превысилъ азовскія стѣны.

Какъ ни старались казаки, но не могли изъ своихъ пушекъ разрушить толстый валъ. Время было горячее, каждый часъ дорогъ. Надо было спѣшить.

— Ежели мы будемъ сидѣть, сложа руки, говорилъ казакамъ войсковой атаманъ, то невѣрные перестрѣляютъ насъ черезъ стѣны на выборъ, какъ куропатокъ. Я такъ думаю, братья-товарищи, что лучше намъ, не мѣшкая, нынѣшней же ночью передъ разсвѣтомъ, когда уснетъ вражій лагерь, съ Божьей помощью всѣми силами ударить на поганыхъ. Не сильнымъ Богъ даруетъ побѣду, а правымъ и храбрымъ. Побѣдимъ и мы!

Предложеніе любимаго вождя было принято осажденными единодушно.

Въ предразсвѣтной темной мглѣ пяти-тысячный казачій от-

рядъ во главѣ съ войсковымъ атаманомъ тихо вышелъ изъ крѣпости, осторожно подобрался къ турецкому лагерю и съ крикомъ: «Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» напалъ на сонныхъ турокъ.

Огромная турецкая армія не могла дать отпора немногочисленнымъ храбрецамъ и гибла подъ ихъ ударами. Нѣсколько часовъ продолжалось безпощадное избіеніе. Не только простые воины, но и самъ гордый сераскиръ и другіе паши вынуждены были спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ изъ своихъ златоверхихъ шатровъ. Тысячи турокъ было перебито, много пушекъ перевернуто, испорчено и сброшено съ своихъ мѣстъ, взято много знаменъ и 28 бочекъ пороха.

Эти бочки казаки тутъ же среди бѣла дня подкатили въ разныхъ мѣстахъ къ только что насыпанному турецкому валу и на глазахъ обезумѣвшихъ отъ страха враговъ рядомъ взрывовъ уничтожили его.

Этой удивительно удачной вылазкой казаки навели необоримую панику на турецкія войска.

Недавно еще горделивый лагерь османовъ, теперь былъ въ полномъ разгромѣ. Сломаны и растоптаны златоверхія палатки командировъ, вездѣ валялись трупы убитыхъ, воздухъ оглашался стонами раненыхъ, испуганныя лошади, ослы, верблюды и скотъ съ ревомъ и ржаніемъ носились по полю.

Турецкіе военачалники нашли, что послѣ такого пораженія уже невозможно оставлять войска на прежнихъ мѣстахъ и отвели ихъ значительно дальше отъ крѣпости.

Такимъ образомъ кольцо блокады расширилось.

Гордый сераскиръ-паша выходилъ изъ себя и упрямо не желая считаться съ безпримѣрной храбростью и высокимъ воодушевленіемъ незначительнаго по численности противника, еще четыре раза водилъ войска на штурмъ и всѣ четыре раза такъ же безуспѣшно, какъ и въ первый разъ.

Хвастливая заносчивость турокъ пропала. Войска шли на приступъ уже не только безъ всякаго воодушевленія, а исключительно по принужденію.

Въ эти штурмы, между прочимъ, былъ убитъ кафинскій паша и много меньшихъ начальниковъ.

Такъ прошли первыя семь недѣль осады маленькой крѣпости.

Сераскиръ- паша съ краской стыда долженъ былъ сознаться, что съ своей огромной арміей онъ не только не добился никакихъ успѣховъ, но что оставшихся войскъ ему мало для того, чтобы сломить сопротивленіе казаковъ.

9-го августа его бумага съ требованіемъ новыхъ войскъ, пушекъ и снарядовъ была уже получена въ Царь-Градѣ.

„Воевать Азовъ нечѣмъ, писалъ паша, а прочь идти безчестно. Подобнаго срама османское оружіе не видѣло. Мы воевали цѣлыя царства и торжествовали побѣды, а теперь несемъ стыдъ отъ горсти незначущихъ воиновъ“...

Верховный визирь пришелъ въ ужасъ отъ такихъ вѣстей. Уже 15-го августа подъ Азовъ наскоро были посланы войска, какія нашлись въ столицѣ Османовъ и приказано бѣломорскому Бекиръ-пашѣ съ возможной поспѣшностью отправить туда еще 16 каторгъ съ ратными людьми.

Визирь скрывалъ отъ всѣхъ и особенно отъ султана печальныя азовскія донесенія, пріѣзжавшихъ изъ осадной арміи гонцовъ и даже бѣглыхъ, по его приказанію—запирали въ особые дома подъ стражу.

Однако несмотря на всѣ эти предосторожности, въ Константинополѣ провѣдали о состояніи азовскихъ дѣлъ.

Въ столицѣ и окрестностяхъ напуганные жители твердили, что имъ не усидѣть не только въ Царь-Градѣ, но и въ Европѣ.

Такіе печальные толки дошли наконецъ и до ушей султана.

## XXVI.

Однако несмотря на постоянныя неудачи и пораженія, работа турокъ подъ Азовомъ по настоянію упрямаго главнокомандующаго продолжалась.

Еще до полученія подкрѣпленій изъ Царь-Града, турки стали возводить вокругъ города новый валъ семи сажень вышиною, наворотили цѣлыя горы земли, устроили раскаты, снова установили на нихъ пушки съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было стрѣлять не только по стѣнамъ, но навѣснымъ огнемъ черезъ стѣны поражать и самый городъ.

Началась бомбардировка.

Шестнадцать дней и шестнадцать ночей длилась безъ перерыва, не умолкая ни на одну минуту, страшная канонада.

Грохотъ осадныхъ пушекъ и сотенъ другихъ болѣе мелкихъ орудій потрясалъ землю и воздухъ и «дымъ топился до небесъ», какъ записали казаки.

Турецкія ядра разбивали стѣны, валили башни, ломали дома. Все обращалось въ прахъ и щепы.

Одного турки никакъ и ничѣмъ не могли сломить и даже осла-

бить—нечеловѣческаго упорства и удивительнаго мужества защитниковъ.

Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе грохотала канонада, чѣмъ больше все ломалось и рушилось вокругъ, чѣмъ большее число валилось товарищей, тѣмъ упруже, стойче, дѣятельнѣе и ожесточеннѣе становились оставшіеся въ живыхъ.

Они знали, что города имъ не удержать, что жизнь свою не спасти, что съ паденіемъ Азова неизбѣжна и гибель всего Донского казачества, брошеннаго матерью-Россіей на расправу могущественнаго, свирѣпаго врага и о жизни уже не думали. Они хотѣли только, елико возможно, дороже продать ее, умереть съ оружіемъ въ рукахъ, умереть львами, какъ подобаетъ непобѣдимымъ витязямъ, чтобы въ памяти народовъ честь и слава казачества остались вѣчными.

Весь черный, закоптѣлый отъ порохового дыма, разъѣзжалъ по крѣпости со своими эсаулами войсковой атаманъ.

Падали и перемѣнялись подъ нимъ лошади, уставали сопровождавшіе его закаленные въ боевыхъ невзгодахъ безстрашные эсаулы, а этотъ человѣкъ, точно скованный изъ желѣза, не имѣя времени для ѣды и сна, казалось, не зналъ устали.

Онъ появлялся всюду, гдѣ его присутствіе было всего необходимѣе, руководилъ боемъ на стѣнахъ и на вылазкахъ, распоряжался въ подкопахъ и постройкой валовъ, вселялъ духъ бодрости въ сердца своихъ товарищей.

Крѣпостная стѣна съ башнями и ближніе къ ней дома были разбиты въ первые же дни бомбардировки.

Но атаманъ, заранѣе предвидѣвшій, что стѣнамъ не устоять, приказалъ внутри города рыть валъ.

Стѣна пала, но выросъ валъ. Турки разбили и этотъ валъ, внутри его оказался другой.

Такъ одинъ за другимъ выростали четыре вала, но кольцо обороны все съуживалось и съуживалось, а соотвѣтственно этому осада, точно гигантскій удавъ, все тѣснѣе и туже сжималъ свои смертоносныя кольца вокругъ горсти съ каждымъ днемъ рѣдѣющихъ храбрецовъ.

Въ городѣ давно уже не осталось ни одного строенія, ни одного мѣстечка, не разбитыхъ и не забросанныхъ кучами турецкихъ ядеръ.

Разрушенъ былъ и древній чтимый храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, великаго покровителя донцовъ и только церковь во имя св. Николая Чудотворца, стоявшая у подошвы горы, еще уцѣлѣла, потому что до нея ядра не долетали.

Около этой то церкви и нашли себѣ послѣднее прибѣжище остатки защитниковъ Азова.

Здѣсь казаки окопались, построили себѣ подъ землей жилища, т. е. буквально врылись въ землю и съ неослабной энергіей и мужествомъ оборонялись.

Между тѣмъ, казаки дѣятельно подводили подкопы подъ турецкій станъ. Въ свою очередь турки подкапывались подъ убѣжище осажденныхъ. Началась страшная подземная война.

Противники въ темнотѣ, въ узкихъ галлереяхъ встрѣчались, рѣзали, били и взрывали другъ друга.

Изъ 17 веденныхъ турками подкоповъ не удался ни одинъ. Казаки всегда во время открывали и разрушали ихъ.

Изъ 28 казачьихъ подкоповъ подъ турецкій лагерь удались всѣ. До 20 тысячъ погибло въ одной этой подземной войнѣ.

Ни ожесточенная пушечная канонада, ни бросаніе чиненыхъ ядеръ, ни раскаленныхъ камней, ни яростные рукопашные бои— ничто не могло сломить удивительнаго сопротивленія грозныхъ казаковъ. Наконецъ турки рѣшили замучить горсть героевъ безпрерывными штурмами и прямо раздавить ихъ своей громадой.

Къ этому времени осадная армія получила изъ Турціи значительныя подкрѣпленія людьми, пушками, снарядами и провіантомъ.

Въ одинъ день всѣ турецкія пушки умолкли. На многострадальномъ клочкѣ земли вокругъ Азова наконецъ настала необычная тишина, но она продолжалась недолго и предвѣщала великую бурю.

Со всѣхъ сторонъ на окопавшихся казаковъ сразу поползли несмѣтныя силы непріятеля. Снова, какъ и въ началѣ осады, на валахъ началась ожесточенная рукопашная свалка. Казачьи жены и дѣти дрались и гибли наравнѣ съ мужьями и отцами, не уступая имъ въ храбрости.

Двадцать четыре дня подрядъ турки ходили на штурмъ и каждый разъ были отражаемы съ большими для нихъ потерями.

Военачальники съ ужасомъ видѣли, какъ побивалось, таяло и робѣло ихъ войско, какъ падала дисциплина, рядовые турки съ трепетомъ думали о казакахъ, считая ихъ не людьми, а шайтанами, *) принявшими человѣческій образъ. Иначе, какъ дьявольскимъ навожденіемъ, они не могли объяснить высокаго геройства и сверхъестественной силы своихъ противниковъ.

Перебѣжчиковъ среди казаковъ за все время осады не было

*) Шайтанъ—по-турецки чортъ.

ни одного, въ плѣнъ они не сдавались и только тяжело раненые, неспособные защищаться, изрѣдка попадали въ руки турокъ.

Ни уговорами, ни заманчивыми обѣщаніями, ни жестокими пытками ничего не могли узнать отъ нихъ турки о положеніи осажденныхъ.

Казаки въ рукахъ заплечныхъ мастеровъ умирали въ невыразимыхъ мученіяхъ, призывая проклятія на головы невѣрныхъ и моля Бога о помощи своимъ братьямъ.

Тяжело было туркамъ.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ ними.

Къ постояннымъ пораженіямъ и неудачамъ, разразившаяся на морѣ буря разметала ихъ флотъ, часть кораблей съ пушками и провіантомъ выбросила на азовскій берегъ, и казаки забрали ихъ. Продовольственная часть въ ихъ арміи поставлена была неудовлетворительно, и войска голодали. Трупы убитыхъ и умершихъ зарывались наскоро и не глубоко въ самомъ лагерѣ, и около него валялись остовы павшихъ лошадей, ословъ, верблюдовъ. Все это гнило и разлагалось. Нестерпимое зловоніе разносилось даже у ставки самого сераскира-паши. Начались повальныя болѣзни.

Раненые и больные оставались почти безъ всякой помощи и ухода и мерли, какъ мухи.

Все это породило полный упадокъ духа среди чиновъ арміи. Поднялся ропотъ, каждую минуту могшій кончиться открытымъ бунтомъ.

Гуссейнъ-дели, убѣдившись въ безграничномъ упорствѣ казаковъ, въ ихъ геройствѣ, искусствѣ и мужествѣ въ бояхъ, измѣнилъ о нихъ свое прежнее презрительное мнѣніе. Онъ увидѣлъ, что при сложившемся соотношеніи силъ, своимъ оружіемъ ему не одолѣть этихъ витязей и рѣшился на унизительную для своего высокаго положенія мѣру—купить ихъ золотомъ.

На казачьи валы полетѣли стрѣлы съ грамотками, въ которыхъ сераскиръ за добровольную сдачу Азова сулилъ защитникамъ громадныя деньги.

Казаки на такое лестное предложеніе, могшее каждаго изъ нихъ сдѣлать богачемъ, отвѣтили новой вылазкой, увѣнчавшейся новымъ страшнымъ погромомъ турецкаго лагеря.

Гуссейнъ-дели окончательно потерялъ надежду взять Азовъ и написалъ въ Константинополь, чтобы ему разрѣшили снять осаду до весны.

— Паша, возьми Азовъ или отдай свою голову!—былъ отвѣтъ султана.

## XXVII.

На грозное предписаніе повелителя правовѣрныхъ сераскиръ-паша попробовалъ истребить казаковъ безперерывнымъ натискомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ продолженіе двухъ недѣль на окопавшихся казаковъ онъ посылалъ на штурмъ 10-ти тысячные отряды, смѣняя ихъ одни другими, вся турецкая артиллерія день и ночь громила послѣднее убѣжище защитниковъ.

Штурмъ шелъ безпрерывный.

Но все тщетно.

Всѣ атаки турокъ разбивались о стойкость казаковъ.

Тѣмъ не менѣе если положеніе побѣдителей раньше было тяжелое, въ послѣдніе дни оно оказалось отчаяннымъ.

У нихъ уже не было продовольствія, не осталось снарядовъ. Отъ голода, безсонныхъ дней и ночей, отъ боевыхъ тревогъ и трудовъ, отъ невыносимаго смрада среди нихъ появилась цынга. Казаки «поцынжѣли», какъ они записали. «Ноги подъ нами подогнулись и руки наши обороненныя уже служить замертвѣли. А уста наши и не глаголютъ отъ безпрестанныя стрѣльбы пушечныя и пищальныя. Глаза наши по нихъ, поганыхъ, стрѣляючи, порохомъ выжгло. Языкъ нашъ въ устахъ нашихъ на нихъ, поганыхъ бусурманъ, закричать не можетъ».

И несмотря на свои легендарные успѣхи, казаки сознавали, что у нихъ нѣтъ уже силъ и средствъ защищать Азовъ.

Изъ 5 тысячъ съ лишнимъ воиновъ, составлявшихъ почти всѣ наличныя силы тогдашняго всевеликаго войска Донского, двѣ трети сложили свои головы на полѣ брани, оставшіеся въ живыхъ были изнурены до такой степени, что, казалось, по стогнамъ разгромленнаго Азова бродили не люди, а блѣдные призраки или тѣни.

И вотъ казаки—жалкіе остатки недавно еще грознаго войска, рѣшили выйти въ поле и въ бою съ невѣрными испить послѣднюю смертную чашу.

Весь день 25-го сентября они толпились около церкви и въ церкви св. Николая Чудотворца. Одни приходили и помолившись, уходили, ихъ смѣняли другіе. Тамъ съ ранняго утра до поздней ночи шла печально-торжественная служба.

Казаки постились, молились, прощались другъ съ другомъ и еще разъ всенародно поклялись, что никто изъ нихъ съ поля битвы не вернется живой, никто не сдастся врагу, всѣ тамъ сложатъ головы.

Но донцамъ, видимо, все-таки тяжело было добровольно обре-

жать себя на погибель и покидать этотъ бренный міръ. И въ ихъ прощаніи первая мысль была о Царѣ Россіи.

— Прости Ты насъ, непотребныхъ рабовъ своихъ, Великій Государь всея Россіи Михайло Өеодоровичъ, говорили казаки въ свои послѣдніе часы, и вели помянуть насъ, грѣшныхъ, въ церквахъ святыхъ. Не позоръ мы учинили государству Московскому, а вѣчную славу добыли. Простите, лѣса темные и дубравы зеленыя, простите, поля чистыя и тихія заводи! Не будутъ уже очи наши зрѣть васъ. Не скакать намъ больше по полямъ и лѣсамъ на борзыхъ коняхъ, звѣря дикаго въ чистомъ полѣ намъ не стрѣливать. Прости, море синее, и ты, батюшка-кормилецъ Тихій Донъ Ивановичъ. Ужъ намъ по тебѣ, атаману нашему, съ грознымъ войскомъ своимъ не хаживать, твои воды тихія не взбаламучивать, береговъ твоихъ не оглашать лихою пѣснею, не закидывать частыхъ сѣтей до песчана дна, красной рыбы въ тебѣ не лавливать.

Тутъ же въ оградѣ церкви, сбившись въ кучу, съ изможденными лицами, съ глазами, выражавшими непоколебимую покорность судьбѣ, держа малютокъ на рукахъ, стояли казачьи жены.

Онѣ всѣ дали клятву мужьямъ, что живыми не отдадутся на позоръ и неволю въ руки невѣрныхъ, а сначала перебьютъ дѣтей, потомъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтятъ смерть.

Человѣкъ около ста казаковъ были настолько искалѣчены въ бояхъ, что не въ силахъ были выйти въ поле вмѣстѣ съ своими товарищами.

Съ нихъ уходящіе казаки тоже взяли клятву, что они не дадутъ бусурманамъ на поруганіе ихъ женъ и дѣтей, въ послѣдніе моменты вырѣжутъ ихъ и покончатъ съ собою.

И вотъ остатки всевеликаго Войска Донского, благословивъ на смерть своихъ дѣтей и женъ, забравъ съ собой всѣхъ мальчиковъ съ 8-ми лѣтняго возраста, уже окуренныхъ порохомъ, вооруженныхъ, предводительствуемые атаманами Петровымъ и Васильевымъ, передъ утромъ тихо вышли изъ разгромленнаго города.

Женщины, проводивъ на неизбѣжную гибель своихъ мужей, сыновей и братьевъ, все время въ безмолвіи, подобно печальнымъ изваяніямъ, стояли на городскомъ валу, вперивъ во мракъ неподвижныя очи и напряженно прислушиваясь къ шорохамъ и шуму со стороны ушедшихъ казаковъ.

Донцы въ предразсвѣтной мглѣ двинулись къ непріятельскому стану.

Они нарочно выбрали для послѣдняго удара эту темную пору осенней ночи, чтобы незамѣтнѣе подойти къ туркамъ и вызвать среди нихъ панику.

Воодушевленіе ихъ было такъ высоко, рѣшеніе умереть, воз-

можно дороже отдавъ врагамъ свои головы, такъ нерушимо, что очутившись за валомъ въ полѣ, эти израненные, изнуренные, больные люди, едва державшіе въ рукахъ оружіе, вдругъ почувствовали въ своихъ мышцахъ былыя силы.

Такъ отважный, но измученный охотникъ, завидя краснаго, сильнаго звѣря, мужественно и храбро нападаетъ на него, въ пылу охотничьей страсти совершенно забывая и о своей усталости и о стерегущей его опасности.

Крадучись, какъ кошки, подошли казаки къ передовымъ турецкимъ валамъ.

Ихъ поразила царившая тамъ мертвая тишина.

Казаки были озадачены.

Перескочивъ черезъ валъ, они не сразу повѣрили глазамъ своимъ. Лагерь былъ пустъ! Грозный, могущественный врагъ, четыре мѣсяца громившій ихъ, ушелъ.

Глубокой ночью турки снялись съ мѣстъ и бѣжали, не успѣвъ захватить съ собой всѣхъ пушекъ, снарядовъ и побросавъ много всякаго добра.

Донцы не удовлетворились исчезновеніемъ разгромленнаго врага. Сердца ихъ встрепенулись. Боевой задоръ снова неудержимо заговорилъ въ нихъ.

Въ мигъ развѣдчики разсыпались по полю.

Разсѣялся предутренній туманъ и при блѣдномъ мерцаніи начинавшагося разсвѣта, казаки увидѣли на берегу моря турокъ, суетливо и поспѣшно грузившихся на суда.

Казаки своимъ огнемъ произвели еще большее замѣшательство въ ихъ полчищахъ, долго рубили и избивали ихъ, взявъ одно большое знамя и семь малыхъ.

Такъ кончилась знаменитая въ лѣтописяхъ военной исторіи оборона донцами Азова или иначе—Азовское сидѣніе.

Дотолѣ побѣдоносныя турецкія знамена тутъ были посрамлены. Турки понесли громадныя потери. Въ одной подземной войнѣ казаки истребили болѣе 20 тысячъ человѣкъ, на штурмахъ и вылазкахъ пало отъ ихъ оружія отъ 35 до 40 тысячъ, количество раненыхъ турокъ значительно превышало число убитыхъ, еще болѣе унесли въ могилу повальныя болѣзни.

Изъ 300 тысячной арміи, осаждавшей Азовъ, въ Турцію вернулись жалкіе разрозненные остатки. Это были уже не воинскія части, а толпы голодныхъ, упавшихъ духомъ бѣглецовъ, потерявшихъ представленіе о воинскомъ долгѣ и повиновеніи. Ханъ крымскій, раненый, умеръ по дорогѣ въ Тавриду; самому главнокомандующему Гуссейнъ-дели не суждено было увидѣть родину: отъ горя онъ скончался на возвратномъ пути.

Отъ грознаго всевеликаго войска Донского уцѣлѣло немного болѣе полторы тысячи человѣкъ съ атаманами Осипомъ Петровымъ и Наумомъ Васильевымъ, но и эти уцѣлѣвшіе были сплошь всѣ переранены...

## XXVIII.

Принеся горячее благодареніе Всевышнему за одолѣніе многочисленнаго и могущественнаго врага, считая бѣгство турокъ величайшей милостью и чудомъ Божіимъ, казаки 9 октября отправили въ Москву станицу изъ двадцати человѣкъ подъ начальствомъ атамана Наума Васильева съ подробнымъ донесеніемъ объ успѣхахъ своего оружія.

«Государь, писалъ войсковой кругъ,—мы его (Азовъ) взяли своею кровью на счастіе благовѣрнаго сына твоего Алексѣя Михайловича. Возьми отъ насъ этотъ городъ себѣ въ вотчину»...

Далѣе казаки писали, что они всѣ переранены, что ихъ осталось немного, что они голы, босы, голодны, крайне изнурены и держать долѣе Азовъ однѣми своими малыми силами не могутъ.

То же объяснялъ лично Государю и боярамъ атаманъ Васильевъ, добавляя, что стѣны Азова разрушены до основанія и что у нихъ, казаковъ, нѣтъ никакой возможности и средствъ возстановить ихъ, а между тѣмъ они знаютъ, что турки соберутъ еще болѣе многочисленную рать и по веснѣ пошлютъ къ Азову. Отъ лица войска онъ заявилъ Государю, что если Ему опять неугодно будетъ взять изъ ихъ рукъ городъ, то они, казаки, рѣшили пасть съ оружіемъ въ рукахъ на развалинахъ Азова, но добровольно не отдадутъ бусурманамъ ни единой пяди земли, политой ихъ собственной кровью, и кровью ихъ убитыхъ товарищей и братьевъ.

Нельзя не согласиться съ справедливымъ замѣчаніемъ одного русскаго историка, что теперь, въ XVII-мъ вѣкѣ, на югѣ повторилось то, что 60 лѣтъ тому назадъ произошло на востокѣ: какъ тогда донскіе казаки покорили татарско-сибирское ханство и ударили имъ челомъ Московскому царю, такъ теперь донскіе же казаки завоевали татарско-азовскую орду и предлагали ее Московскому государю.

Царь внимательно отнесся къ предложенію казаковъ, послалъ на Донъ 5.000 рублей и милостивую грамоту.

2-го декабря въ Азовъ былъ отправленъ дворянинъ Афанасій Желябужскій съ наказомъ осмотрѣть городъ, подробно описать его состояніе и начертить планъ.

Въ виду громадной жизненной важности для Россіи вновь

поставленнаго азовскаго вопроса, Государь созвалъ Земскій Соборъ.

3-го января 1642-го года выборные на Соборъ съѣхались въ Москвѣ.

Тутъ были представители отъ духовенства, отъ боярской думы, отъ служилаго класса, отъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и отъ купцовъ. Не были почему то вызваны выборные только отъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Всего на Соборъ собралось около двухсотъ выборныхъ, не считая членовъ Освященнаго собора и Боярской думы.

На обсужденіе Собора было предложено два вопроса: принимать ли отъ казаковъ Азовъ и черезъ это разрывать ли съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ? Если разорвать, будетъ долгая война не на одинъ годъ, понадобятся деньги на жалованье ратнымъ людямъ, многіе хлѣбные, пушечные и всякіе иные запасы, то откуда такія деньги и запасы взять?

Вопросы эти съ подробнымъ изъясненіемъ дѣла объ Азовѣ были предложены въ грамотѣ и письменнымъ способомъ выборные каждаго сословія должны были отвѣтить.

Видимо, Земскій Соборъ отлично разобрался, какіе великой государственной важности вопросы предложены ему на обсужденіе.

Выборные высказались за то, что бы Азовъ оставить за Россіей, даже если бы это вызвало войну съ Турціей и Крымомъ, но почти всѣ жаловались на поголовное разореніе и оскудѣніе Россіи.

Дворяне и дѣти боярскіе прямо выразили свою готовность къ войнѣ, указывали на необходимость принятія изъ казачьихъ рукъ Азова и высказывали опасеніе, что въ случаѣ отказа гнѣвъ небесный постигнетъ Русское Царство, но съ казаками вмѣстѣ садиться въ Азовъ они не желали.

Дворяне Никита Беклемишевъ и Тимофей Желябужскій подали особую сказку, въ которой указывали, что Государю вѣдомы неправды турецкаго султана и крымскаго хана. Послѣдній безпрестанно присягаетъ о ненападеніи на государеву землю, а между тѣмъ крымскіе и азовскіе татары ежегодно дѣлаютъ набѣги на украинные города и русскихъ плѣнниковъ продаютъ въ рабство, причемъ ханъ беретъ въ свою пользу пошлины десятую часть полона. Припомнили и вторженіе крымцевъ во время смоленской осады Шеина, совѣтовали казну, посылаемую ежегодно хану ввидѣ замаскированной дани, обратить на войну съ нимъ же, заявляли, что съ тѣхъ поръ, какъ Азовъ взятъ казаками, татарскихъ набѣговъ на украинные города совсѣмъ не было, просили послать на подмогу казакамъ вольныхъ охочихъ людей, подчинивъ ихъ казац-

кимъ атаманамъ и высказывались въ томъ смыслѣ, что государевымъ московскимъ воеводамъ быть въ Азовѣ нельзя, потому что казаки—люди самовольные.

Свою сказку эти два дворянина заключили такъ: «Будетъ Азовъ за Государемъ, то Ногай Большой, Казыевы и Кантемировы улусы, Горскіе черкесы, Темрюкскіе, Гженскіе, Бесленеевскіе и Адинскіе будутъ всѣ служить Государю, а только Азовъ будетъ за турками, то и послѣдніе всѣ Ногаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову».

Въ мартѣ дворянинъ Афанасій Желябужскій возвратился изъ Азова и донесъ, что крѣпость разгромлена вся до основанія и всѣ укрѣпленія и постройки надо возводить вновь, что исполнить быстро не представляется возможнымъ.

Государь, избѣгая войны, рѣшилъ отдать Азовъ туркамъ.

Дабы избѣжать возбужденія и бунта на Дону, два донскихъ атамана Наумовъ и Сафоновъ, пріѣхавшіе съ новой настоятельной просьбой принять Азовъ и дать помощь, были временно задержаны въ Москвѣ, а 30-го апрѣля 1642-го года изъ Москвы спѣшно выѣхалъ дворянинъ Михайло Засѣцкій и эсаулъ Родіоновъ съ 15 казаками. Имъ вручена была государева грамота къ атаману Осипу Петрову и всему Войску Донскому.

Въ грамотѣ этой наказывалось «Всевеликому Войску Донскому Азовъ оставить, возвратиться по своимъ куренямъ или отойти на Донъ, кому куда пригодно будетъ... Сего требуетъ польза отечества, писалъ Государь, и послушаніе ваше будетъ новымъ доводомъ вашей вѣрной службы ко мнѣ».

Засѣцкій прибылъ въ Азовъ въ первой половинѣ мая.

Безмолвно выслушалъ войсковой кругъ царское посланіе и безпрекословно подчинился самодержавной волѣ.

Скорбь казаковъ была безгранична.

Въ борьбу изъ за Азова они вложили почти все, что имѣли—кровь и жизнь многихъ тысячъ своихъ товарищей и братьевъ, теперь же всѣ принесенныя на общій алтарь отечества жертвы оказались безплодными и шли на смарку.

Но мало этого, до борьбы они были безпощадной грозой всего многочисленнаго, хищнаго и воинственнаго мусульманскаго юговостока, теперь они, обезсиленные, не въ состояніи были не только служить по-прежнему Россіи и Ея Царю, но даже и отстаивать собственное существованіе.

Все это донцы знали, не тѣшили себя никакими ложными надеждами и будущее свое расцѣнивали, какъ нѣчто еще болѣе суровое, опасное и тяжкое, чѣмъ прежде.

Они вывезли изъ Азова 80 пушекъ, крѣпостныя желѣзныя

ворота съ петлями, желѣзныя калитки, городскіе желѣзныя вѣсы со стрѣлою, изъ церкви св. Іоанна Предтечи взяли мѣдное пятиярусное паникадило, чудотворную икону великаго пророка и всю церковную утварь.

Съ благоговѣніемъ и молитвой казаки выкопали кости своихъ павшихъ при защитѣ Азова товарищей, «да не оставитъ ихъ братство въ бусурманской землѣ», перевезли съ печальной торжественностью Дономъ и съ честью похоронили ихъ на Монастырскомъ урочищѣ.

Остатки азовскихъ укрѣпленій и стѣнъ были взорваны казаками и самое мѣсто, гдѣ стояли каменныя твердыни, было сравнено съ землей.

Турки не замедлили явиться въ гирла Дона съ большимъ флотомъ и безъ помѣхи стали на старомъ мѣстѣ возводить новую крѣпость, несравненно болѣе сильную, чѣмъ прежде, безъ могущественной артиллеріи не доступную никакой осадѣ.

А всевеликое Войско Донское въ титанической борьбѣ съ грозной имперіей османовъ изошло кровью...

## XXIX.

Донцы не ошиблись—скоро настали для нихъ черные дни.

Уже въ слѣдующемъ 1643 году многочисленное турецкое войско неожиданно напало на ихъ главный городокъ Монастырскій.

На улицахъ закипѣлъ кровавый бой. Городокъ запылалъ. Бушевавшій въ степи вѣтеръ переносилъ пламя съ одного куреня на другой и скоро трескъ и вой пожара слились съ кликами ожесточенной битвы.

Казаки дрались мужественно и только это спасло ихъ отъ окончательной гибели.

Турки отхлынули, понеся большія потери, а отъ бѣднаго казачьяго городка остались только разносимыя вѣтромъ кучи золы и пепла, на мѣстѣ убогихъ землянокъ печально торчали черныя печины, да на улицахъ и площадяхъ валялись трупы убитыхъ.

При этомъ пожарѣ сгорѣла часовня, находившіяся въ ней иконы, церковная утварь и первое пожалованное царемъ знамя.

Уцѣлѣвшіе отъ турецкаго погрома донцы собрались въ городкѣ Раздорахъ и стали думать о томъ, гдѣ имъ основать главное войско.

Раздоры они считали мѣстомъ слишкомъ удаленнымъ отъ Азова и моря.

Запорожскіе казаки, издавна поселившіеся на Дону и основавшіе свой городокъ Черкаскъ, тоже сожженный турками, предложили перенести Главное Войско въ ихъ городокъ. Войсковой кругъ на томъ и порѣшилъ.

24 апрѣля 1644 года войско Донское послѣ молебствія, погрузившись на лодки, пошло внизъ по Дону.

На мѣстѣ сгорѣвшаго запорожскаго городка скоро выросъ главный донской городокъ. Его обвели землянымъ валомъ и деревяннымъ заборомъ. На валахъ поставили пушки. Въ серединѣ городка построили часовню, въ которой хранились подаренные царемъ образа и новое войсковое знамя, пожалованное взамѣнъ сгорѣвшаго.

Добровольная отдача туркамъ Азова не замедлила проявиться самымъ печальнымъ образомъ не только на участи казаковъ, но и на державной Руси.

Въ 1645 году многочисленныя полчища крымцевъ подъ предводительствомъ самого хана Исламъ-Гирея ворвались въ россійскіе предѣлы. Путивль, Рыльскъ и другіе сосѣдніе уѣзды подверглись страшному опустошенію.

Надежнаго и грознаго заслона отъ вторженія этихъ кровожадныхъ хищниковъ теперь не было и татары безъ всякой помѣхи свирѣпствовали въ русскихъ предѣлахъ.

Донскіе казаки или вѣрнѣе, жалкіе остатки всевеликаго войска въ это время были осаждены и заперты въ Черкасскомъ городкѣ соединенными силами азовцевъ, темрюцкихъ черкесовъ и крымскихъ татаръ.

Всю зиму 1645 года продолжалась осада и только весною слѣдующаго года толпы татаръ откочевали отъ Черкаскаго городка.

Зная крайнее малолюдство всевеликаго войска, которое всячески это скрывало, турецкій султанъ и крымскій ханъ прилагали всѣ усилія, чтобы окончательно раздавить казаковъ.

Опасность Донцовъ была настолько велика, что они, всегда косо смотрѣвшіе на вторженіе царскихъ войскъ въ ихъ предѣлы, на этотъ разъ просили Государя не только о присылкѣ имъ пороха, свинца и провіанта, но и о командированіи ратныхъ людей.

Царь Алексѣй Михайловичъ, желая отомстить хану за его хищническій набѣгъ на русскую украину, приказалъ дворянину Ждану Кондыреву набрать на Руси вольныхъ охочихъ людей и ими подкрѣпить войско Донское.

Дѣйствительно, весною 1646 года къ Черкаскому городку дворянинъ Кондыревъ привелъ 3037 человѣкъ и Петръ Красниковъ 1050 человѣкъ. Кромѣ того, князь Пожарскій пришелъ съ астраханскимъ войскомъ.

Государь предписывалъ казакамъ воевать Крымъ вмѣстѣ съ княземъ Пожарскимъ.

Казаки съ величайшей охотой отозвались на повелѣніе царя, но выполненіе этого предпріятія встрѣтило затрудненія.

Прежде всего, у казаковъ оказалось только 30 судовъ, тогда какъ для морского похода ихъ требовалось не менѣе 200, кромѣ того сильный корпусъ азовцевъ и другихъ татаръ былъ уже на походѣ къ Азову и казаки боялись, что въ то время, какъ они будутъ воевать Крымъ, азовцы разгромятъ ихъ беззащитные городки.

Несмотря на это, казаки все-таки приготовили къ походу 30 судовъ, но ни за что не хотѣли брать съ собой дворянина Кондырева, по опыту зная, что царскіе люди, облеченные властью, незнакомые съ образомъ ихъ службы, съ ихъ военными сноровками, съ особенностями мѣстности, начнутъ проявлять свою власть во вредъ дѣлу. Въ донесеніи своемъ государю они писали о Кондыревѣ: «онъ человѣкъ нѣжный, тягости морской и пѣшей службы перенести не можетъ, а намъ и самимъ случаются иногда такія напасти, что другъ друга не взвѣдаемъ».

Большинство казаковъ склонно было итти воевать Азовъ. Войсковой атаманъ, доблестный Осипъ Петровъ вздумалъ было возражать противъ такого намѣренія, потому что оно не согласовалось съ волей государя, но буйная толпа ругательствами и угрозами заставила его вести ихъ подъ Азовъ. Къ казакамъ, вопреки волѣ кн. Пожарскаго, присоединилось 700 стрѣльцовъ изъ астраханскаго отряда, а также терскіе стрѣльцы, гребенскіе казаки, черкесы и татары, находившіеся подъ начальствомъ князя Муцала Черкасскаго.

Двумя отрядами: сухопутнымъ и стругами по Дону казаки прошли къ Азову и напавъ неожиданно на утренней зарѣ на крѣпость, ворвались было уже въ земляной городъ, но были отражены артиллеріей. Казаки вознаградили себя тѣмъ, что разгромили стоявшій въ морѣ турецкій флотъ, затопивъ три большихъ корабля, и два привели съ собою въ Черкаскъ. Добычей ихъ были 30 пушекъ, пять знаменъ, большое количество пшеницы, вина и другихъ товаровъ. Сухопутная часть войска въ свою очередь напала на окопавшихся близь Азова татаръ и, ворвавшись въ окопы, съ нечеловѣческой яростью порубила всѣхъ ихъ на мѣстѣ, не упустивъ ни одного человѣка и взявъ только 32 плѣнныхъ. Тутъ казакамъ досталось 30 лошадей, 500 штукъ рогатаго скота и 300 овецъ.

Отъ плѣнныхъ казаки узнали, что ушедшій съ своимъ улусомъ изъ-подъ Астрахани Шатемиръ-мурза Исуповъ кочуетъ на рѣкѣ Еѣ.

По своему обыкновенію, не медливъ ни одной лишней минуты, казаки погнались за Шатемиромъ, извѣстивъ объ этомъ князя По-

жарскаго, а для того, чтобы азовцы не дали знать о наступленіи русскихъ татарамъ, казаки разставили небольшіе заслоны между Азовомъ и этимъ улусомъ.

Пожарскій, по полученіи извѣстія тотчасъ-же переправился съ своимъ отрядомъ черезъ Донъ и къ ночи соединился съ казаками.

Въ половинѣ слѣдующаго дня соединенныя русскія силы быстро напали на татаръ и по маломъ сопротивленіи разгромили все ихъ скопище.

Множество татаръ было убито, отогнанъ весь скотъ, лошади и овцы, 7000 душъ было взято въ плѣнъ.

При дѣлежѣ добычи казаки и князь Муцалъ Черкасскій перессорились съ княземъ Пожарскимъ.

Они насильно забрали себѣ всю добычу, доставшуюся на долю отряда князя Пожарскаго и въ ссорѣ даже выстрѣлили въ самого князя изъ двухъ ружей.

По возвращеніи изъ этого похода донскіе казаки и князь Пожарскій съ своимъ отрядомъ расположились каждый на прежнихъ своихъ мѣстахъ въ Черкаскѣ и около него.

Князь же Муцалъ Черкасскій со всѣмъ своимъ войскомъ остался противъ Черкаска на лѣвой сторонѣ Дона.

Крымскій царевичъ Нурадынъ, спѣшившій на помощь къ Азову, узналъ, что часть русскаго войска находится противъ Черкаскаго городка.

Тихо ночью со всѣми своими силами подошелъ онъ къ безмятежному стану войскъ князя Черкасскаго и на разсвѣтѣ напалъ на него.

Будучи втрое слабѣе войскъ царевича, отрядъ князя Черкасскаго смѣшался. У него отняли одно знамя. Бей-мурза со всѣми своими татарами бѣжалъ отъ князя Черкасскаго по направленію Терека и только гребенскіе казаки и терскіе стрѣльцы стойко и мужественно отражали татарскую силу.

Князь Черкасскій въ своемъ смятеніи забылъ даже увѣдомить донскихъ казаковъ и князя Пожарскаго о нападеніи на него крымскаго царевича.

Къ счастію, донцы сами услышали шумъ, пальбу и клики битвы.

Они немедленно съ отрядомъ князя Пожарскаго переправились черезъ Донъ и остановили натискъ одолѣвавшихъ враговъ.

Весь день продолжалась жестокая сѣча. Наконецъ соединенныя силы русскихъ сломили упорство враговъ.

Ночью царевичъ отступилъ къ Азову, потерявъ много людей, но не вполнѣ разбитый.

Не рѣшаясь предпринять что-либо, царевичъ остановился лагеремъ на р. Кагальникѣ.

Но урокъ, данный русскими силами подъ Черкаскомъ настолько подѣйствовалъ на татаръ, что многіе мурзы ногайскіе съ своими людьми сбѣжали отъ царевича.

Вѣсть о положеніи крымскихъ войскъ казаки получили отъ преданныхъ имъ татаръ.

Всѣ русскія силы въ числѣ 6 тысячъ подъ начальствомъ атамана Осипа Петрова, князей Пожарскаго и Черкасскаго и дворянина Кондырева въ ночь со 2-го на 3-ье августа со всей артиллеріей переправились черезъ Донъ и двинулись на татаръ.

Русскіе осторожно двигались только по ночамъ, днемъ скрываясь въ байракахъ и балкахъ и на утренней зарѣ 4-го августа внезапно напали на спящій непріятельскій станъ.

Смятеніе татаръ было настолько велико, что они и не подумали о сопротивленіи и разбѣжались всѣ врозь, куда глаза глядятъ.

Русскіе разили ихъ, забрали множество имущества въ брошенномъ татарскомъ станѣ, въ томъ числѣ палатку царевича. Все прочее, что не могли забрать съ собой, сожгли на мѣстѣ. Между тѣмъ собравшіеся татары уже днемъ ободрились.

Ихъ подкрѣпилъ всѣмъ своимъ гарнизономъ съ артиллеріей азовскій паша. У мусульманъ оказалось до 10 тыс. войска.

Они стали напирать на отступающія русскія войска. Русскіе, не желая вступать въ неравный бой, въ полномъ порядкѣ, безъ всякихъ потерь, защищаясь только артиллеріей, отступали, избивъ 200 плѣнныхъ, вздумавшихъ сбѣжать и 6 августа были уже подъ Черкаскомъ.

Съ извѣстіемъ о своихъ побѣдахъ казаки послали въ Москву станицу подъ начальствомъ Наума Васильева.

Государь былъ обрадованъ ихъ успѣхами и мужествомъ, благосклонно принялъ и одарилъ атамана и казаковъ и отправилъ съ ними на Донъ знамя съ изображеніемъ орла и похвальную грамоту.

## XXX.

Подкрѣпленіе казаковъ астраханскимъ отрядомъ князя Пожарскаго и новонабранными наемными людьми, по волѣ государя— было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы казаки въ соединеніи съ этими войсками шли войною на Крымъ.

Но по причинамъ, которыя были выяснены мною выше, походъ этотъ не состоялся.

Новонабранные вольные люди находили тяжкую, преисполненную всяческихъ опасностей и лишеній казачью жизнь непосильной для себя. Не нравилась имъ и строгая казачья дисциплина.

Они вели себя буйно, пьяно. Казаки, даже въ разгулѣ привыкшіе держать себя въ извѣстныхъ рамкахъ, не могли смотрѣть равнодушно на зазорное поведеніе пришельцевъ.

Отсюда столкновенія и крутая казачья расправа съ виновными.

Всѣ эти обстоятельства вызвали тайные побѣги этихъ вольныхъ дружинниковъ цѣлыми партіями, при чемъ бѣглецы обкрадывали казаковъ, угоняли или рубили въ щепы ихъ лодки.

Наконецъ одинъ разъ человѣкъ около 1000 такихъ дружинниковъ, поднявъ знамена, ушли степью въ украйные города.

Казаки по этому поводу доносили государю: «мы хотя и могли-бъ остановить ихъ силою оружія своего, но дабы молва о такой измѣнѣ россійскихъ людей не достигла въ иныя государства и орды, не хотѣли ихъ трогать».

Такимъ образомъ значительно большая половина новонабранныхъ вольныхъ людей, убоясь тягостей и опасностей казачьей жизни, сбѣжала съ Дона, князья Пожарскій и Черкасскій съ своими отрядами были отозваны къ Астрахани, и всевеликое войско Донское опять было оставлено одно вѣдаться съ многочисленными мусульманскими ордами.

Но вслѣдствіе недавняго пораженія русскими силами крымскаго царевича и другихъ татарскихъ ордъ, казаки находили положеніе свое настолько улучшившимся, что уже весною слѣдующаго года переходятъ въ наступленіе.

Для разоренія крымскихъ береговъ въ іюнѣ они отправили въ море 33 струга, но буря разметала ихъ и выбросила на берегъ между Темрюкомъ и Таманью. Самое бѣдственное для казаковъ было то, что при крушеніи они растеряли большую часть оружія и снарядовъ. Татары въ превосходныхъ силахъ напали на нихъ на берегу.

Почти безоружные, казаки не думали уже о побѣдѣ, а только о спасеніи. Бросивъ 16 струговъ въ добычу непріятелю и потерявъ много товарищей, донцы на остальныхъ стругахъ отчалили въ море съ тѣмъ, чтобы поскорѣе пробраться на Донъ. Новая буря лишила ихъ еще четырехъ струговъ.

Татары поспѣшно послали увѣдомленіе о бѣдственномъ положеніи донцовъ азовскому бею.

По приказанію бея азовцы засыпали каменьями русло Мертваго

Донца, по которому обыкновенно ходили казачьи лодки, а самъ онъ съ многочисленнымъ отрядомъ татаръ и турокъ расположился въ скрытныхъ мѣстахъ по обоимъ берегамъ рѣки.

Ночью на своихъ стругахъ подошли донцы, но убѣдившись, что рѣка преграждена набросанными камнями, стали перетаскивать свои лодки.

Мусульмане напали на казаковъ изъ засады.

Закипѣлъ бой, продолжавшійся до утра. Мужество полубезоружныхъ казаковъ взяло верхъ. Донцы побѣдоносно отбили нападенія враговъ, хотя и съ страшнымъ для себя урономъ, но утромъ, усмотрѣвъ, что казаки чрезвычайно малочисленны, бей вывелъ противъ нихъ весь азовскій гарнизонъ. Сѣча возобновилась еще съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Донцы въ этомъ неравномъ бою дрались съ страшнымъ напоромъ, ни пяди не уступая насѣдавшему врагу и бой былъ настолько успѣшенъ для нихъ, что они успѣли перетащить свои 12 струговъ со всей добычей и только одинъ разбитый и пустой оставили въ рукахъ непріятеля. Самъ азовскій бей оказался раненымъ, а его войска понесли такія большія потери, что не рѣшились преслѣдовать казаковъ, и тѣ спокойно вернулись въ Черкаскъ.

Азовцы, доподлинно узнавъ о чрезвычайномъ малолюдствѣ казаковъ особенно послѣ несчастнаго похода къ берегамъ Тавриды, рѣшили нанести своимъ врагамъ послѣдній ударъ и завладѣть ихъ главнымъ войскомъ.

Снаряжено было азовцами 280 судовъ, созвано на подмогу множество крымцевъ, ногайцевъ и черкесовъ.

Рѣчнымъ и сухопутнымъ путями двѣ сильныя рати одновременно осадили Черкаскій городокъ.

Несмотря на свое крайнее малолюдство, казаки защищались геройски, отбили всѣ приступы непріятелей и своими вылазками нанесли имъ большія потери.

Непрестанныя пораженія, понесенныя отъ казаковъ, заставили наконецъ мусульманъ обратиться въ бѣгство.

Казаки вывели въ Донъ свои лодки, которыя во время осады были внутри городка, погнались за непріятелемъ, многихъ изъ нихъ побили, потопили; остальные, бросивъ суда, спаслись бѣгствомъ. Побѣдоносные донцы всѣ непріятельскія суда привели Дономъ въ Черкасскъ.

Но положеніе казаковъ не улучшалось, а наоборотъ съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Азовцы, имѣя почти исчерпаамые резервы, не давали имъ покоя, осаждая ихъ съ суши и съ рѣки.

Казаки послали въ Москву станицу съ грамотой, въ которой писали: «мы нынѣ отъ безпрерывныхъ сраженій съ азовцами пришли въ совершенное изнеможеніе. Пока мы были многолюдны, защищали себя отъ непріятелей собственными силами; нынѣ же до того притѣснены, что нѣтъ намъ воли не только ловить рыбу, но и воды почерпнуть изъ Дону. Возьми, Государь, отъ насъ свою казну пороховую и пушки, кои намъ некѣмъ защищать; а если тебѣ, Государь, рѣка Донъ нужна, пришли намъ помощь людьми, въ противномъ случаѣ укажи, гдѣ намъ жить, ибо мы безъ помощи принуждены будемъ, оставивъ Донъ, разойтись въ разныя мѣста».

По приказанію Государя дьяки посольскаго приказа выговаривали въ Москвѣ атаману Андрею Васильеву и есаулу Никитину, что казаки сами виноваты въ томъ, что отъ нихъ сбѣжали вольнонаемные люди, потому что войско не платило имъ жалованія и многіе изъ этихъ людей были биты и побиты казаками, что съ княземъ Пожарскимъ они не совѣщались и его не слушали и что такая огромная убыль у нихъ въ людяхъ отъ того, что войско не слушаетъ повелѣній Государя и вѣчно воюетъ съ турскими людьми.

Атаманъ и есаулъ въ оправданіе войска доказывали, что вольнонаемные люди жалованіе и провіантъ получали сполна, но пропивали ихъ, вели себя нехорошо и сбѣгали, что съ княземъ Пожарскимъ жили дружно, царскія повелѣнія исполняли и исполняютъ, потерю людей больше всего они относили по попущенію Божію къ несчастному стихійному происшествію на островѣ Тамани, когда буря разметала ихъ лодки и лишила ихъ оружія и снарядовъ, что ходили они тогда не подъ турокъ, а на крымцевъ.

Все таки Москва сдалась не сразу на просьбы войска. Въ январѣ 1648 года въ Москву прибыла новая станица при атаманѣ Иванѣ Молодовѣ.

Атаманъ заявилъ, что донцы отъ постоянныхъ приступовъ азовцевъ пришли въ совершенное безсиліе и, если имъ въ самомъ скоромъ времени не будетъ оказана помощь людьми, то они или всѣ до единаго падутъ въ бою, или разойдутся въ разныя мѣста, предоставивъ весь Донъ туркамъ.

Наконецъ московское правительство поняло, что по своему малолюдству всевеликое войско въ концѣ концовъ не выстоитъ передъ натискомъ несмѣтныхъ враговъ и будетъ истреблено, тогда не только Донъ и Поле отойдутъ къ смертельнымъ врагамъ Россіи, но и украинные города и области будутъ подставлены подъ безпрепятственные удары лютой орды.

Распоряженіемъ Царя изъ Воронежа Дономъ было отправлено 1000 солдатъ, одинъ маіоръ, 4 капитана и пять поручиковъ подъ командой дворянина Андрея Лазарева.

Отрядъ прибылъ къ Черкаскому городку въ октябрѣ мѣсяцѣ и встрѣченъ былъ казаками съ великой радостью и честью, съ привѣтственной пушечной и ружейной пальбой.

Отрядъ этотъ расположился лагеремъ около Черкаска и окопался со всѣхъ сторонъ.

Только одна вѣсть, что Царь рѣшилъ подкрѣпить своихъ вѣрныхъ слугъ войсками, окрылила неугомонный орлиный духъ донцовъ.

Отрядъ солдатъ былъ еще въ пути изъ Воронежа къ Черкаскому городку, а казаки уже взялись за оружіе и перешли въ наступленіе.

Имъ извѣстно было, что крымцы и ногайцы отвлекли свои силы въ набѣгъ на польскія украины. Казаки этимъ воспользовались.

На 8 стругахъ 300 донцовъ отправились мстить крымцамъ за свои обиды, но они прибыли къ Тавридѣ въ то время, когда татары уже возвращались съ плѣномъ изъ Польши. Въ урочищѣ Тонкія—Воды казаки напали на татаръ врасплохъ, убили 50 человѣкъ непріятелей, положили 5 и отбили 30 человѣкъ поляковъ.

Азовскій бей, узнавъ объ уходѣ казаковъ въ Тавриду, совмѣстно съ ногайцами водою и сушей пошелъ войною на Донъ, но приблизясь къ Черкаскому городку, былъ непріятно пораженъ встрѣчей съ солдатами и казаками. Не принявъ боя, онъ поспѣшно отошелъ къ Азову.

Казаки не замедлили снова напасть на Крымъ уже на 20 стругахъ въ количествѣ 600 человѣкъ. Они отбили 50 плѣнниковъ поляковъ, убивъ 20 татаръ, не понеся никакого урона. Въ томъ же 1648 году они сдѣлали третій удачный набѣгъ подъ Темрюкъ на 16 стругахъ.

Зимою 100 казаковъ ходили подъ Азовъ, но безрезультатно.

Весною 1649 года на 16 стругахъ казаки опять выходили въ море, взяли близь Кафы 350 плѣнныхъ и вернулись назадъ.

Азовскій бей снова захотѣлъ попытать счастія подъ Черкаскимъ городкомъ.

Все это ставило турокъ и татаръ въ такое тяжелое положеніе, что крымскій ханъ писалъ русскому Царю: «казаки заставили все устье Дона своими стругами и не дозволяютъ къ Азову подвозить моремъ провіанта и другихъ нужныхъ вещей, чрезъ что мы принуждены доставлять все сіе сухимъ путемъ съ большими издержками»...

Въ той же грамотѣ... «Да донскихъ казаковъ вамъ, брату нашему, унимать и подъ Азовъ имъ ходить не велѣть и дурно никакова Азову не чинить; а будетъ вы, братъ нашъ, донскихъ казаковъ впредь унимать не станете, какъ зима станетъ и мы съ турскимъ княземъ и съ крымскими и съ ногайскими ратными людьми и съ днѣпровскими казаками на то положились, что зимою на Донъ на всѣ городки пойдемъ войною».

Крымскій ханъ твердо рѣшилъ окончательно раздавить донцовъ и главныя свои надежды въ осуществленіи этого труднаго дѣла, много разъ не удававшагося ему и туркамъ, возлагалъ на запорожскихъ казаковъ.

Къ тому времени запорожцы подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмельницкаго вели борьбу съ поляками за свои права и свободу не на животъ, а на смерть.

Хмельницкому помогалъ въ борьбѣ съ поляками крымскій ханъ, съ которымъ у него былъ заключенъ договоръ, по которому Хмельницкій обязался помогать хану въ борьбѣ противъ всѣхъ его враговъ.

Ханъ въ силу договора потребовалъ отъ Хмельницкаго помощи противъ донцовъ или словеснаго воздѣйствія съ его стороны, чтобы тѣ смирились и просили у хана пощады.

Гетманъ въ мартѣ 1650 года прислалъ къ донцамъ своихъ посланцевъ съ грамотой отъ своего имени и всего войска запорожскаго, въ которой между прочимъ писалъ: «мы желаемъ вашей братской любви, чтобъ есте не ходили помѣшки чинити, что есте надобно церкви Божіей, а нашимъ вольностямъ, а не чинили-бъ есте ни единыя обиды государству крымскому и турскому, на море не ходили; а будетъ пойдете, и мы будемъ промышлять, за нелюбовь вашу, взявъ Бога на помощь, нелюбовью отдавать»...

Хотя весь тонъ грамоты гетмана былъ доброжелательный, но въ приведенныхъ строкахъ слышалась крѣпкая угроза.

Посланцы отъ имени гетмана утверждали, что если донцы не прекратятъ своихъ набѣговъ на Крымъ и Турцію, то гетманъ и крымцы немедленно вторгнутся въ предѣлы Дона и городки и жителей безпощадно предадутъ огню и мечу. Всѣ приготовленія къ походу уже сдѣланы.

Прямодушные донцы вознегодовали. Они знали лукавый, склонный къ предательству характеръ запорожцевъ, презирали въ нихъ малодушіе, часто двигавшее многихъ изъ нихъ ради земныхъ благъ мѣнять православную вѣру на магометанство.

Донцы отвѣчали гетману: «не прилично христіанину возставать на единовѣрцевъ своихъ въ защиту бусурманъ; не мѣшай

намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ; но знай, что такъ же умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ и съ друзьями»...

Недвусмысленный тонъ отвѣта знаменовалъ собою полный разрывъ съ запорожцами.

По отправленіи Хмельницкому отвѣта, донцы съ величайшей энергіей стали готовиться къ достойной встрѣчѣ враговъ.

Они заключили оборонительный договоръ съ калмыцкими тайшами, прикочевавшими тогда съ своими ордами къ Дону, во всѣ казачьи городки посланы были грамоты, чтобы тѣ городки укрѣпить, чтобы двѣ трети казаковъ оставались для ихъ защиты, а одна треть спѣшила на подмогу къ Черкаскому городку. Черкаскъ былъ обнесенъ новымъ землянымъ валомъ съ деревянными башнями, вокругъ вала обвели ровъ въ три сажени шириною и глубиной въ двѣ съ половиною и провели изъ Дона въ него воду.

Оборонительныя приготовленія только что были закончены, какъ получилась вѣсть, что сынъ Богдана Хмельницкаго—Тимофей съ 5000 запорожцевъ появился на Міусѣ и ждетъ крымскаго хана, чтобы съ нимъ вмѣстѣ обрушиться на донцовъ.

Донцы послали къ Тимофею Хмельницкому и наказному атаману запорожцевъ Дементію знатныхъ старшинъ.

Въ переговорахъ съ главарями черкасъ старшины сказали:

— Всевеликое войско знаетъ, что вы пришли сюда за тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ крымцами напасть на насъ. Мы присланы напомнить вамъ о нашей старинной дружбѣ, объ общихъ походахъ и битвахъ съ невѣрными. Братство наше съ вами скрѣплено общею родною кровью, православной вѣрой и той кровью, которую мы вмѣстѣ съ вами проливали на поляхъ сраженій. Мы хранили съ вами дружбу даже тогда, когда кипѣла война между вашимъ польскимъ королемъ и нашимъ государемъ. Не годится вамъ дружиться съ бусурманами и съ ними вмѣстѣ идти войной противъ вашихъ братьевъ и единовѣрцевъ.

Тимофей и Дементій увѣряли старшинъ, что по соглашенію съ крымцами они идутъ противъ горскихъ черкесъ, однако-жъ не отрицали, что, если крымскій ханъ пошлетъ ихъ на русскіе украинные города, то они обязаны исполнить его требованіе въ силу заключеннаго договора.

Азовцы, состоявшіе въ ту пору въ мирѣ съ донцами, увѣряли, что запорожцы присланы противъ нихъ, донцовъ.

Донцы не довѣряли словамъ запорожскихъ атамановъ и бдительно слѣдили за всѣми ихъ дѣйствіями.

Запорожцы простояли на Міусѣ двѣ недѣли. Отношенія ихъ

съ донцами поддерживались самыя дружественныя. Они братались, пировали и вообще совмѣстно дѣлили хлѣбъ-соль. Какъ-то не умѣщалось въ головахъ этихъ родственныхъ единовѣрныхъ витязей, что они вдругъ ради какой-то политики кинутся рѣзать другъ друга.

Но пока стороны пировали, по приказанію главнаго войска донскіе разъѣзды на многія сотни верстъ выжгли дѣвственную степь, начиная отъ Перекопа.

Это лишило возможности хана выступить въ походъ изъ своихъ владѣній, о чемъ онъ и увѣдомилъ Тимофея Хмельницкаго.

Чубатые витязи съ облегченнымъ сердцемъ выступили съ Міуса.

Донскія конныя станицы скрытно провожали ихъ до самаго Днѣпра.

## XXXI.

Несмотря на строгое запрещеніе Государя, Донцы своихъ непріязненныхъ дѣйствій къ крымцамъ и туркамъ никогда не оставляли.

Вражда ихъ къ этимъ народамъ была стихійна и обусловливалась сознаніемъ: если они не будутъ бить невѣрныхъ, то невѣрные перебьютъ ихъ самихъ.

Въ 1651 году, когда всѣ турецкія военныя силы были заняты войной съ могущественной и богатой венеціанской республикой, казаки, зная что азовскій гарнизонъ не превышаетъ 1200 человѣкъ, разгромили предмѣстья Азова и приазовскіе татарскіе улусы. Въ томъ же году 900 казаковъ на 12 стругахъ хозяйничали въ Черномъ морѣ, полонили было 3 купеческихъ корабля, убивъ 70 турокъ, но узнавъ, что корабли эти греческіе, отпустили ихъ, не взявъ съ нихъ ни единой нитки. Потомъ казаки напали на городъ Каменный Базаръ на Анатолійскомъ берегу, разгромили его, побивъ множество людей и захвативъ съ собою 600 человѣкъ плѣнныхъ обоего пола, часть которыхъ продали у береговъ Кавказа черкесамъ, а съ остальными безъ малѣйшихъ потерь вернулись въ Черкаскій городокъ.

Весною 1652 года 1000 донцовъ на 15 стругахъ подъ предводительствомъ атамана Ивана Богатаго быстро по прямому направленію пересѣкли Черное море и очутились въ окрестностяхъ Царьграда. Сосѣднія села и деревни были преданы мечу и пламени, въ Константинополѣ трепетали. Захвативъ съ собой 150 плѣнныхъ и множество добычи, донцы на возвратномъ пути встрѣтились съ 10 турецкими военными судами.

Казаки приняли сраженіе, быстро разметали враждебные корабли, потопивъ и побивъ много турокъ и возвратились домой безъ всякихъ потерь.

Такіе счастливые набѣги окрыляли неукротимый духъ маленькаго войска къ новымъ подвигамъ.

Въ 1653 году 1300 казаковъ на 19 стругахъ подъ начальствомъ двухъ атамановъ Ѳедора Волощенина и Ивана Богатаго дошли до Судака и Балаклы. Здѣсь разгромили они нѣсколько улусовъ, взявъ 50 челоѣкъ въ плѣнъ.

Нападеніе ихъ было столь стремительно и ожесточеніе такъ велико, что татары пришли въ какое-то оцѣпенѣніе, въ ужасѣ бѣжали отъ нихъ, не пробуя даже защищаться.

Потомъ они направились къ турецкому Трапезунду, но противный вѣтеръ воспрепятствовалъ ихъ высадкѣ на берегъ. Они пристали къ берегу ниже Трапезунда, повыжгли деревни, истребили жителей и захвативъ 600 плѣнныхъ обоего пола и нагрузивъ суда награбленнымъ добромъ, поплыли къ Триполи (Тавроли), но за отсутствіемъ у нихъ артиллеріи взять его приступомъ не могли, потому, что онъ стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и былъ хорошо укрѣпленъ.

Турки, узнавъ о движеніи казаковъ на Триполи, выслали изъ Трапезона и Кeрессу (Крессина) войска и одинъ военный корабль.

Окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, казаки засѣли въ предмѣстьѣ Триполи, овладѣли тремя находившимися здѣсь турецкими пушками и стали стрѣлять по кораблю, чѣмъ заставили его удалиться.

Съ сухопутными войсками энергичнымъ натискомъ они справились весьма быстро, понеся незначительныя потери въ людяхъ.

Захвативъ съ собою одну изъ пушекъ, казаки поплыли къ крымскимъ берегамъ. Около Керчи они простояли четыре дня и, запасшись прѣсною водою, хотѣли плыть на Донъ.

Предъ самымъ ихъ отплытіемъ собралось человѣкъ 600 татаръ съ намѣреніемъ напасть на казаковъ.

Но донцы предупредили ихъ, бросившись на нихъ всѣми своими силами, многихъ порубили, остальные нашли спасеніе въ Керчи.

Въ 1653 году турки и крымцы снова рѣшили, во чтобы то ни стало, разъ навсегда покончить съ этой маленькой, но неугомонной и вѣчно побѣдоносной силой—донскими казаками.

Турецкій султанъ приказалъ крымскому хану вооружить всѣ подвластные ему улусы и склонить Богдана Хмельницкаго съ за-

порожцами дѣйствовать противъ донцовъ. Всѣ эти силы должны были идти сухимъ путемъ и напасть на казачьи городки. Турки должны были прислать достаточное количество войскъ къ Азову, чтобы заградить казакамъ прорывъ въ Черное море.

При этомъ крымскому хану повелѣвалось въ случаѣ неудачи военныхъ дѣйствій на Дону, обратить свое оружіе противъ русскихъ украинныхъ областей.

Крымскій ханъ уже выступилъ въ походъ, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что калмыки въ огромныхъ силахъ переправились черезъ Донъ и идутъ разорять улусы Тавриды.

Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ ложный слухъ былъ распущенъ самими донцами, умѣвшими такъ же мастерски порабощать психику своихъ враговъ, какъ и побѣждать ихъ въ открытомъ бою.

Крымскій ханъ со всей своей ордой вынужденъ былъ вернуться къ Перекопу и сталъ ждать нашествія калмыковъ.

Конечно, калмыки не пришли, но когда ханъ удостовѣрился въ этомъ, наступила зима. Пришлось нашествіе на Донъ отложить до слѣдующей весны и распустить орду.

Въ слѣдующемъ году ханъ хотѣлъ двинуться на русскія украины, гдѣ безъ борьбы и потерь можно избить, ограбить и полонить множество людей, но турецкій султанъ повелѣвалъ немедленно и прежде всего идти истребить донцовъ.

Ханъ, боясь однѣми своими силами мѣряться съ малочисленными, но грозными витязями Дона, ждалъ помощи отъ запорожцевъ.

Но отсюда его ожидалъ ударъ.

Богданъ Хмельницкій послалъ къ хану своего полковника Семена Санченко, который грозилъ хану, что если тотъ вступитъ въ россійскую украину, то этимъ не только нарушится навсегда его дружба съ войскомъ запорожскимъ, но что гетманъ съ своими казаками встрѣтитъ татаръ у Перекопа, другую часть казаковъ пошлетъ судами по Днѣпру для нападенія на крымскіе берега, а донскіе казаки нападутъ на Крымъ всѣми своими силами.

Ханъ испугался и двинулъ свои орды на польскія области, извѣстивъ объ этомъ московскаго царя, прося его, чтобы тотъ предотвратилъ вторженіе донцовъ въ его улусы.

Всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій донцовъ противъ исконныхъ враговъ Россіи не описать подробно.

30 Іюня 1654 года Исламъ-гирей умеръ. Новый ханъ Магометъ-гирей пожелалъ ознаменовать начало своего царствованія

воинскими подвигами. Онъ отправилъ въ Москву московскихъ посланниковъ съ слѣдующими предупрежденіями: «Какъ его, хана, изъ Царя-города турской султанъ на крымской юртъ отпускалъ, и онъ ему приказалъ, московскаго государя вамъ, посланникамъ, велѣлъ говорить: воры де донскіе казаки ежегодно приходятъ моремъ, землю его воюютъ и людей побиваютъ, и въ полонъ емлютъ, и разоряютъ, и досады большія чинятъ, и такія де ему обиды ни отъ которыя земли не бываютъ, что отъ тѣхъ донскихъ казаковъ, чтобъ вамъ, посланникамъ, государю извѣстить, а боярамъ и ближнимъ людямъ говорить, что тѣхъ воровъ донскихъ казаковъ отъ той войны не уйметъ, и турской де султанъ приказалъ ему, Магометъ-Гирею-хану, велѣлъ въ Царь-городъ отписать, и къ нему, хану, пришлетъ своихъ ратныхъ людей 100 тысячъ, и съ тѣми его ратными людьми, и съ крымцы, и съ ногайцы велитъ ему, хану, итти войною на тѣхъ донскихъ казаковъ и ихъ всѣхъ разорить, а разоря ихъ, итти войною на московское государство, и та вся ссора чинитца отъ тѣхъ воровъ малыхъ людей донскихъ казаковъ».

Слѣдствіемъ этого былъ данъ наказъ Государя донцамъ, что-бы они воздержались воевать Крымъ и Турцію и въ томъ только случаѣ поднимать на нихъ свое оружіе, если казаки узнаютъ, что тѣ намѣрены напасть на россійскую украину или на запорожскихъ черкасъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что въ этомъ 1654 году Богданъ Хмельницкій съ запорожцами отдался подъ власть единовѣрнаго и единокровнаго русскаго царя и у Москвы съ поляками возникла новая война.

Москвѣ необходимо было не создавать изъ турокъ и крымцевъ пособниковъ полякамъ.

Въ 1655 году новый ханъ захотѣлъ осуществить свои честолюбивыя мечты о пріобрѣтеніи военной славы и добычи и сталъ собирать орды, чтобы двинуть ихъ противъ Россіи.

Правительство Москвы рѣшило предотвратить вторженіе татаръ наступленіемъ русскихъ военныхъ силъ на Тавриду.

Въ этихъ цѣляхъ приказано было калмыцкимъ тайшамъ Дайчинъ и Хаусанъ соединить свои орды съ войсками князя Одоевскаго, собраннымъ въ Астрахани, на Терекѣ и въ другихъ мѣстахъ и соединившись съ донскими казаками, идти на Крымъ.

Изъ этого проекта ничего не вышло. Разливъ Волги и отдаленность калмыцкихъ кочевьевъ помѣшали русскимъ силамъ соединиться и своевременно придти на Донъ.

Донцы одни въ числѣ 3000 человѣкъ на стругахъ подъ пред-

водительствомъ атамановъ Чесночихина и Варгуна вышли въ море, взяли приступомъ Судакъ, выжгли окрестности, истребили все, что попадалось имъ подъ руку, потомъ ожесточенные и мстительные подступили къ Кафѣ. Гарнизонъ города, устрашенный вѣстью объ успѣхахъ казаковъ, не устоялъ подъ натискомъ ихъ, частью былъ истребленъ ими, частью разбѣжался. Казаки разрушили и земляныя укрѣпленія, и всѣ жилища, а жителей частью перебили, частью забрали въ полонъ. Захвативъ на морѣ два корабля съ пшеницею и другими товарами, донцы, не понеся никакихъ потерь, возвратились на Донъ, наведя ужасъ на крымцевъ и предотвративъ набѣгъ на Россію хана.

Приведя хана въ совершенную растерянность распускаемыми ложными слухами о нашествіи на Крымъ сухимъ путемъ калмыцкихъ полчищъ, казаки въ томъ же году на 34 стругахъ въ числѣ 2,030 человѣкъ подъ начальствомъ атамана Павла Ѳедорова разрушили до основанія Тамань, порубивъ и разогнавъ жителей, захвативъ 400 плѣнныхъ и освободивъ нѣсколько сотъ россійскихъ невольниковъ, распространяя всюду ужасъ и смятеніе, они опустошили берегъ отъ Керчи до Кафы. Ханъ, продолжая ждать нашествія калмыковъ, стоялъ въ бездѣйствіи съ главными силами своей орды у Перекопа.

Изъ Бахчисарая намѣстникъ хана двинулся съ 300 татаръ къ берегамъ Альмы, куда причалили донцы для того, чтобы запастись прѣсной водой.

Быстро разсѣявъ татаръ, казаки разорили еще нѣсколько татарскихъ деревень около Карасу и благополучно возвратились на Донъ.

Государь похвалилъ усердіе казаковъ, но приказалъ до постройки запорожцами крѣпостей со стороны Крыма войною на Тавриду не ходить.

Неугомонный, воинственный духъ донцовъ не мирился съ бездѣйствіемъ.

Оставивъ въ покоѣ Крымъ, казаки рѣшили взять Азовъ и разрушить его до основанія.

Лѣтомъ 1656 года донцы, подкрѣпленные запорожцами, въ общемъ больше 3000 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Наума Васильева и Павла Ѳедорова, осадили Азовъ.

Велерѣчивый и себялюбивый атаманъ Васильевъ, послѣ знаменитаго азовскаго сидѣнія ревновавшій къ славѣ дѣйствительнаго героя атамана Осипа Петрова, такъ неудачно распоряжался операціями своего отряда, что казаки потерпѣли подъ Азовомъ страшную неудачу.

Больше полуторы тысячи человѣкъ сложили тамъ свои головы, нѣкоторые попались въ плѣнъ, въ томъ числѣ знаменитый своими военными подвигами старшина Павелъ Ѳедоровъ.

Азовцы безчеловѣчно мучили героя, и отрубленная голова его долго потѣшала мусульманскую чернь по городамъ и базарамъ Тавриды и наконецъ была отослана въ Константинополь къ турецкому султану, какъ многоцѣнный боевой трофей.

Государь, выговоривъ казакамъ ихъ непослушаніе, отпустилъ имъ жалованіе.

Крымцы выполнили свою угрозу только отчасти. Въ февралѣ 1657 года къ Черкаскому городку подступили крымскіе мурзы съ 5000 ратныхъ людей. Тутъ были и крымцы, и таманцы, и черкесы, и кабардинцы, и ногайцы, темрюцкіе татары, и азовцы.

Донцы, не вступая съ ними въ бой, издѣвались надъ ними, вызывая ихъ напасть на городокъ.

Простоявъ въ нерѣшительности до ранней весны, натерпѣвшись холода и голода, татары отошли къ Азову не съ чѣмъ.

Казаки, лишь только прошелъ ледъ, какъ-бы въ явное пренебреженіе къ своимъ врагамъ, на ихъ глазахъ на 33 стругахъ въ количествѣ 2,000 человѣкъ, подъ начальствомъ молодого атамана Корнилы Яковлева, прошли въ море мимо Азова.

На крымскомъ берегу около Козлова донцы вышли изъ своихъ струговъ, разгромили и сожгли 10 деревень, перебили много жителей, взяли 600 турокъ и татаръ въ плѣнъ и освободили до 200 человѣкъ запорожцевъ.

Съ богатой добычей вернулись казаки на Донъ.

27-го Іюля 1657 года умеръ знаменитый гетманъ запорожскій Богданъ Хмельницкій. Мѣсяцъ спустя происками и обманомъ завладѣлъ гетманской булавой бывшій при Богданѣ войсковымъ писаремъ Иванъ Выговскій.

Новый гетманъ скоро измѣнилъ московскому государю, отдавшись съ многими казаками въ подданство польскому королю.

Возгорѣлась война. Выговскій просилъ помощи у крымскаго хана.

3-го Іюля 1659 года государь послалъ на Донъ грамоту съ приказаніемъ опустошать владѣнія хана, какъ только онъ выступитъ на помощь мятежнику Выговскому.

Всезнающіе донцы еще до полученія царскаго повелѣнія уже получили свѣдѣнія о выступленіи татаръ на соединеніе съ Выговскимъ и 2-хъ тысячный отрядъ ихъ на 30-ти стругахъ подъ начальствомъ прежняго атамана Корнилы Яковлева съ величайшей поспѣшностью двинулся по морю къ крымскимъ берегамъ.

Таврида запылала. На этотъ разъ ожесточенію казаковъ не было предѣла. Они сокрушали все, не щадя пола и возраста. Между Керчью, Кафою и Балаклавой все было предано огню и мечу.

Плѣнныхъ татаръ и турокъ донцы забрали болѣе 2000 человѣкъ освободили 150 русскихъ, потомъ предали разгрому всѣ улусы отъ Тамани до Темрюка. Не удовлетворившись однимъ Крымомъ они прошли къ берегамъ Анатоліи и погромивъ Синопъ и Кондры, на день пути только не дойдя до Царь-града, отягченные добычей, вернулись въ Черкаскій городокъ.

Съ извѣстіемъ о всѣхъ необыкновенныхъ успѣхахъ въ Москву съ станицей былъ посланъ герой азовскаго сидѣнія бывшій войсковой атаманъ Осипъ Петровъ.

Государь остался отмѣнно довольнымъ службой казаковъ, щедро одарилъ атамана-героя и послалъ съ нимъ на Донъ большое жалованіе.

## XXXII.

Нападенія донскихъ казаковъ на турокъ и крымцевъ, повторявшіяся изъ года въ годъ, оказались столь бѣдственными для ихъ враговъ, а попытки мусульманъ раздавить христіанскихъ витязей въ ихъ гнѣздѣ столь неудачными, что султанъ и ханъ рѣшились прибѣгнуть къ новой мѣрѣ огражденія безопасности своихъ владѣній: они задумали выстроить въ гирлахъ Дона рядъ крѣпостей такой силы, чтобы онѣ всегда были въ состояніи преградить казакамъ прорывъ въ море.

Казаки лишь только узнали о замыслахъ мусульманъ, немедленно послали въ Москву станицу съ просьбой къ Государю прислать имъ на помощь ратныхъ людей подъ начальствомъ воеводъ, сами же по своему обыкновенію поспѣшно перешли въ наступленіе противъ враговъ.

Посланная подъ Азовъ развѣдочная партія въ 200 казаковъ добыла языковъ, которые подтвердили, что крымскій ханъ вооружаетъ противъ нихъ всѣ подвластные ему народы, что изъ Кафы султанъ сухимъ путемъ черезъ Тамань отправилъ къ Азову 300 янычаръ и что 35 кораблей съ разнообразнымъ строительнымъ матеріаломъ для крѣпостей ожидаются въ Азовъ со дня на день.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, донцы въ тотъ же день отпра-

вили на море приготовленные заранѣ 30 струговъ съ отборными казаками для нападенія на Крымъ.

Ночью казачьи струги прошли уже устье Дона, но на утренней зарѣ казаки замѣтили въ Азовскомъ заливѣ 35 турецкихъ кораблей, а на берегахъ многочисленное войско хана, приведенное имъ сюда наканунѣ.

Казаки поворотили обратно и поплыли Каланчинскимъ протокомъ.

Съ азовскихъ стѣнъ ихъ замѣтили.

Мусульмане засѣли въ разныхъ мѣстахъ вверхъ по Дону съ пушками и ружьями.

Казаки мужественно пробивали себѣ путь, дрались цѣлый день, едва успѣвъ пройти за это время только шесть верстъ.

Нѣсколько удальцовъ, минуя турокъ и татаръ, пробрались незамѣтно камышами и о безвыходномъ положеніи товарищей дали знать въ Черкаскій городокъ.

Тотчасъ же оттуда была наряжена значительная помощь и отрядъ былъ спасенъ отъ гибели, не потерявъ ни одного струга.

Несмотря на увѣдомленіе Государя, что жалованіе и войска скоро должны придти изъ Воронежа на Донъ, войскъ этихъ все не было.

Казаки черезъ своихъ развѣдчиковъ узнавали, что съ каждымъ днемъ гарнизонъ Азова увеличивался, что на судахъ везли все новыя и новыя войска и что работы по постройкѣ трехъ турецкихъ крѣпостей шли полнымъ ходомъ...

Наконецъ въ Іюлѣ крымскій ханъ пришелъ со всѣмъ своимъ войскомъ и расположился между Донцомъ и Дономъ, а Калга на лѣвомъ берегу Донца. Татары стали нападать на Черкаскій городокъ.

Четыре раза казаки посылали въ Москву станицы, умоляя Государя прислать войска.

«Если не получимъ скорой помощи твоей, писали они Государю, то не въ силахъ будемъ удержать татаръ».

Наконецъ воеводы Семенъ и Иванъ Хитрово съ 7-ью тысячами солдатъ въ октябрѣ пришли къ Черкасскому городку и около него стали лагеремъ.

Какъ и предвидѣли донцы, промедленіе царскихъ войскъ имѣло огромныя и печальныя послѣдствія какъ для судьбы Дона, такъ и Россіи.

Мусульмане не тратили даромъ времени и еще до прибытія на Донъ россійскихъ вспомогательныхъ войскъ въ какіе-нибудь полтора—два мѣсяца построили и вооружили три крѣпости.

Двѣ изъ нихъ были построены при устьѣ протока Каланчи по обоимъ берегамъ Дона, третья на Донцѣ.

Каждая изъ двухъ первыхъ крѣпостей имѣла въ окружности двѣсти сажень и разсчитана была на 300 человѣкъ гарнизона, третья была значительно больше первыхъ двухъ и вмѣщала 500 человѣкъ.

Крымскій ханъ самъ лично, очень энергично и дѣльно распоряжался работами. Подъ его начальствомъ было 40 тысячъ татаръ, да султанъ прислалъ 10 тысячъ человѣкъ венгровъ и представителей другихъ народностей.

Мужественные, не терявшіе никогда храбрости, донцы смотрѣли на производство вражьихъ работъ съ большой тревогой.

Крѣпости ставились въ такихъ мѣстахъ, мимо которыхъ не могла въ море пройти ни одна казачья лодка или будара, не бывъ замѣченной съ крѣпостныхъ стѣнъ. А для того, чтобы казаки не могли пройти въ ночное время, съ одного берега къ другому были перекинуты толстыя желѣзныя цѣпи.

Казаковъ въ Черкаскомъ городкѣ не насчитывалось и трехъ тысячъ. Къ тому же крымскій ханъ, желая обезпечить себѣ спокойное производство работъ, посылалъ подъ Черкасскій городокъ и въ другіе юрты сильные смѣшанные отряды. Казакамъ было много боевой работы. И несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, казаки умудрялись наносить татарамъ весьма чувствительныя непріятности.

Крымскій ханъ, построивъ крѣпости, еще до прихода на Донъ русскихъ войскъ въ октябрѣ ушелъ въ Крымъ.

Всю осень и зиму пришедшія россійскія войска провели въ полномъ бездѣйствіи, отрядъ же казаковъ въ 1000 человѣкъ зимою осмотрѣлъ вновь воздвигнутыя крѣпости, продвинулся до Азова, до тла выжегъ его предмѣстье и вернулся въ Черкаскій городокъ съ полономъ.

Построеніе мусульманскихъ крѣпостей въ устьяхъ Дона сразу-же дало знать себя и казакамъ, и русскому отряду воеводъ Хитрово.

Подвозъ изъ Россіи провіанта и товаровъ купцами вслѣдствіи войны съ Польшей прекратился, царскаго жалованья оказалось недостаточно, порохъ и снаряды приходилось тратить съ оглядкой.

Казаки посылали въ Москву станицу заявить Государю, что никогда они въ такомъ бѣдственномъ состояніи не находились, какъ теперь, потому что загражденіемъ устья Дона отнята у нихъ всякая возможность выходить за добычей въ море.

Государь приказалъ по веснѣ послать имъ жалованье, но предстояла впереди еще длинная зима.

Предпріимчивые, дѣятельные донцы томились въ бездѣйствіи а посылаемыя ими на развѣдки небольшія партіи ловили языковъ и доносили, что крымскій ханъ на Кубани собираетъ войска, чтобы напасть на казаковъ. Слухи эти упорно подтверждались.

Дѣйствительно, въ ноябрѣ многочисленныя полчища азовцевъ, черкесовъ и ногайцевъ появились подъ Черкаскимъ городкомъ и напали на станъ воеводъ Хитрово.

Казаки еще заранѣе отгадали намѣреніе враговъ, сдѣлали вылазку изъ Черкаска, во время соединились съ русскими войсками и энергичнымъ натискомъ разбили непріятеля.

Однако положеніе побѣдителей не улучшилось, а ухудшилось. Отъ недостатка провіанта, отъ неудобствъ стоянки въ войскѣ воеводъ Хитрово произошелъ бунтъ. Многія части, поднявъ знамена, вышли изъ лагеря съ намѣреніемъ уйти въ Россію. Только при помощи вѣрныхъ частей и казаковъ удалось подавить возмущеніе и переловить зачинщиковъ, но недоброе броженіе въ лагерѣ продолжалось вплоть до слѣдующей весны, когда было привезено царское жалованіе и провіантъ.

Неугомонные казаки, несмотря на всѣ крайне неблагопріятныя для нихъ обстоятельства, думали не о покорности ихъ злой мачехѣ—судьбѣ, а о борьбѣ съ нею.

Не имѣя въ достаточномъ количествѣ ни людей, никакихъ стѣнобитныхъ пушекъ, ни снарядовъ, ни провіанта, тѣмъ не менѣе они рѣшили завладѣть вновь построенными турецкими крѣпостями.

Для этого войсковые старшины еще съ зимы разослали грамоты по всѣмъ городкамъ, чтобы казаки спѣшили къ Черкаскому городку, въ то же время зимовая станица скакала въ Москву съ вѣстями и съ просьбой прислать пушечныхъ ядеръ.

Между тѣмъ слухъ о скоромъ прибытіи на Донъ крымскаго хана съ войскомъ время отъ времени подтверждался.

Наступила весна, а хана все не было.

Между тѣмъ къ Черкаскому городку стянулись съ Дона и притоковъ пѣшіе и конные казаки.

Медлить было нельзя, потому что скоро должно было подойти весеннее половодье, при которомъ всякія сухопутныя военныя дѣйствія были невозможны и потому казаки, сговорившись съ воеводами Хитрово, соединенными силами въ мартѣ 1661 года осадили Донецкую крѣпость или замокъ.

Опасаясь прихода крымскаго хана, не имѣя въ достаточномъ количествѣ артиллеріи, казаки безъ нужныхъ приготовленій, съ лихорадочной поспѣшностью приступили къ осадѣ замка. Въ началѣ дѣло у нихъ спорилось.

Съ частью русскихъ войскъ они, преодолѣвъ всѣ препятствія, подошли къ замку, спустились въ ровъ, взобрались по лѣстницамъ уже на стѣны и стали ломать крыши.

Бокъ о бокъ съ казаками русскія войска работали превосходно.

Уже тогда, когда казаки считали успѣхъ обезпеченнымъ, когда турецкій гарнизонъ растерялся и оборонялся слабо, воевода Иванъ Хитрово прислалъ изъ своего стана русскимъ войскамъ повелѣніе отступить. Войска повиновались.

Какая причина заставила царскаго воеводу такъ поступить: робость ли, зависть ли, осталось невыясненнымъ.

Казаки съ горечью должны были оставить штурмъ, потому что турки, видя замѣшательство въ рядахъ непріятелей, ободрились и энергично стали защищаться.

Казаки однѣми своими силами не могли справиться съ непріятелемъ и сняли осаду, потерявъ убитыми 50 человѣкъ.

Казаки были возмущены поступкомъ воеводы Хитрово и принесли на него жалобу Царю

Между тѣмъ наступилъ розливъ Дона и время для операцій подъ Колончинскими башнями было пропущено.

Возвратившись къ Черкаску, казаки, получили извѣстіе, что къ Азову двигаются большія турецкія и крымскія силы для постройки еще двухъ крѣпостей на Дону.

Это обстоятельство заставило казаковъ снарядить немедленно новую станицу въ Москву съ просьбой къ Государю о присылкѣ стѣнобитныхъ пушекъ, ядеръ и прибавкѣ русскихъ войскъ, потому что изъ присланныхъ съ неспособными воеводами Хитрово 7 тысячъ ратныхъ людей осталось всего не болѣе 3000. Остальные разбѣжались.

Крымскій ханъ собралъ было противъ донцовъ многочисленное войско, но вынужденъ былъ двинуть его на помощь полякамъ противъ Москвы.

Дѣятельные, никогда не дремлющіе, донцы рѣшили использовать благопріятный для нихъ моментъ.

Забравъ изъ Черкаскаго городка всѣ наличныя силы, они 2-го августа приступили къ Каланчинскимъ башнямъ, установили орудія и начали бомбардировку.

Отъ безпрерывной стрѣльбы у нихъ разорвало 3 пушки и вышли всѣ снаряды.

Низменное мѣстоположеніе башенъ не позволяло казакамъ вести подъ нихъ подкопы, потому что крытыя галлереи наполнялись водой.

Тогда войско порѣшило взять башни штурмомъ.

Приступъ не удался, хотя казаки взобрались было на стѣны, но были отбиты.

Положеніе казаковъ ухудшалось тѣмъ, что изъ Азова турки безпрепятственно подвозили рѣкою Дономъ въ башни людей и снаряды.

Снявъ безполезную осаду, казаки не успокоились. Они энергично принялись копать проходъ между Дономъ и моремъ.

Въ скоромъ времени такой протокъ былъ готовъ. Его назвали Казачьимъ ерикомъ.

По этому ерику донцы провели въ море 20 струговъ, направившись для опустошенія крымскихъ береговъ.

Сколько казаковъ выходило на этихъ стругахъ, въ точности неизвѣстно.

Въ морѣ близь урочища Бѣлосарай донцы встрѣтили пять турецкихъ кораблей съ 500 воиновъ, которыхъ взяли на пополненіе гарнизона Азова.

Казаки атаковали корабли, убили нѣсколько десятковъ турокъ, но взять корабли имъ не удалось и они отошли безъ всякихъ потерь. Около Судака они высадились и, направляясь внутрь полуострова, сожгли и разгромили 10 татарскихъ деревень.

На обратномъ пути въ Азовскомъ морѣ подъ Арбатикомъ буря разметала ихъ струги, 7 изъ нихъ потонуло, но никто изъ казаковъ не погибъ. Оставшіеся безъ струговъ казаки пошли въ Черкаскъ сухимъ путемъ. Татары на каждомъ шагу заграждали имъ дорогу. Прокладывая себѣ путь оружіемъ въ продолженіе цѣлой недѣли, казаки эти благополучно добрались до Черкаска.

Между тѣмъ остальные казаки на 13 стругахъ, прибывъ къ Казачьему ерику, нашли его засыпаннымъ камнями.

Донцы осторожно перетащили по сухому пути свои струги въ Донъ, миновавъ незамѣтно крымскаго царевича съ 3000 татаръ, дожидавшихся ихъ прихода.

20 февраля 1661 года калмыцкіе тайши прислали въ Черкаскій городокъ мурзу Баатырша Янгильдѣева для мирныхъ переговоровъ.

Въ Черкаскѣ былъ заключенъ договоръ, по которому калмыки приняли на вѣчныя времена подданство русскому царю и договорившіяся стороны обязались вмѣстѣ стоять противъ общихъ непріятелей. Янгильдѣевъ принялъ въ этомъ присягу и богато ода-

ренный войскомъ, въ обезпеченіе вѣрности оставивъ въ Черкаскѣ двухъ аманатовъ, выѣхалъ въ свои кочевья.

Казаки съ своей стороны послали къ калмыкамъ въ улусы двухъ значныхъ старшинъ Ѳеодора Будана и Степана Разина.

Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы подтвердить отъ лица казаковъ заключенный въ Черкаскѣ договоръ, оставить своихъ аманатовъ и выпросить у калмыковъ вспомогательный отрядъ противъ турокъ и крымцевъ.

Свои задачи послы исполнили успѣшно и вернулись въ Черкаскій городокъ, приведя съ собою 500 калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чакула.

Безъ промедленія донцы въ соединеніи съ ратными людьми и калмыками выступили противъ ногайскихъ улусовъ, кочевавшихъ около Азова.

Наступленіе соединеннаго отряда было настолько удачно, что, несмотря на помощь ногайцамъ азовскихъ войскъ, они были разгромлены. Болѣе 500 человѣкъ татаръ и турокъ было убито, 500 человѣкъ взято въ плѣнъ и отбито около ста человѣкъ русскихъ невольниковъ.

Будучи прозорливыми политиками въ своихъ областныхъ дѣлахъ, казаки съ цѣлью польстить честолюбію своихъ новыхъ союзниковъ—калмыковъ, отдали имъ всѣхъ плѣнныхъ турокъ и татаръ, и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы тайши отъ себя стправили ихъ къ русскому государю.

Въ этомъ же году весь калмыцкій народъ присягнулъ на подданство московскому государю.

Россія въ эти годы была занята изнурительной войной съ Польшей. Крымскій ханъ былъ въ союзѣ съ поляками и его орда наносила огромный вредъ дѣйствіямъ московскихъ войскъ.

На Дону опасность отъ татаръ нисколько не уменьшилась, а въ станѣ воеводъ подъ Черкаскомъ не насчитывалось и 3000 ратныхъ людей. Остальные разбѣжались.

Снова казаки шлютъ въ Москву станицу бить челомъ Государю о присылкѣ войскъ, пушекъ и провіанта.

Отъ Государя послѣдовалъ приказъ князю Черкасскому стянуть астраханскія и терскія войска въ Царицынъ поближе къ Дону, калмыкамъ и запорожскому гетману Брюховецкому предписывалось ворваться въ Крымъ и произвести тамъ опустошеніе, донцамъ было прислано 8.000 руб., 5.000 четв. хлѣба, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороха и 100 пуд. свинца. Никогда до этого всевеликое войско такого огромнаго жалованья не получало. Всѣ русскія войска были заняты войной съ Польшей и Крымомъ и потому ратныхъ людей на Донъ не было послано.

Государь въ своей грамотѣ призывалъ казаковъ послужить ему и Россіи, вторгнуться въ Крымъ и внести туда смерть и мечъ.

На призывъ царя донцы закипѣли. Съ невѣроятной быстротой 26 казачьихъ струговъ были снаряжены въ морской походъ.

17 апрѣля 1662 года эта казачья флотилія, сопровождаемая изъ Черкаска всѣмъ войскомъ и отрядомъ Хитрово, двинулась къ устью Дона.

На казачьемъ ерикѣ турки изъ береговыхъ окоповъ обстрѣливали казачьи лодки.

Казаки пѣшіе двинулись на нихъ, быстро выбили ихъ изъ закрытій и занявъ ихъ, прорыли засыпанный ерикъ и по немъ провели въ море свои суда.

Извѣщенный азовцами крымскій ханъ прислалъ къ устью Дона Калгу съ многочисленнымъ войскомъ для воспрепятствованія казакамъ возвращенія на Донъ.

На помощь казакамъ въ іюнѣ пришелъ въ гирла Дона князь Каспулатъ Черкасскій съ своими войсками и калмыками.

Калга просилъ у хана присылки новыхъ войскъ и въ ожиданіи ихъ приступилъ къ постройкѣ новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика, который опять засыпалъ землей и камнями.

Между тѣмъ казаки разорили Керчь и всѣ улусы около него, освободивъ много русскихъ плѣнныхъ, потомъ перекинулись къ Трапезунду, произвели разгромы близъ него, а оттуда опять перекинулись къ крымскимъ берегамъ, еще пограбили, побили и съ огромной добычей вернулись къ устью Дона.

Походное войско казаковъ было отлично освѣдомлено о тѣхъ опасностяхъ и препятствіяхъ, которыя ожидали ихъ въ гирлахъ, поэтому заранѣе извѣстило главное войско о днѣ своего прибытія. Изъ Черкаска всѣ находившіяся тамъ войска двинулись къ Каланчинскимъ башнямъ водою и сухимъ путемъ.

Морской казачій отрядъ, оставивъ свои суда на морѣ подъ охраной 300 казаковъ, которымъ приказано было отвести струги въ р. Калміусъ, вышелъ на берегъ и завязалъ кровопролитный бой съ отрядомъ Калги и азовцевъ при рукавѣ Свиномъ.

Казакамъ приходилось каждый шагъ своего пути прокладывать мечемъ.

Съ тылу на мусульманъ навалились казаки и войска, пришедшіе на выручку изъ Черкаска.

Сдавленные сзади татары не могли сдержать страшнаго напора казаковъ спереди, хотя держались стойко и потерявъ много убитыми и ранеными, дали тылъ.

Казаки соединились съ отрядомъ, пришедшимъ изъ Черкаска.

Хотя побѣда была полная, но и казакамъ она обошлась не дешево.

Тѣ 300 казаковъ, которые были оставлены съ судами на морѣ, немедленно отвели ихъ въ р. Калміусъ и дождавшись товарищей изъ Черкаска, суда затопили, а потомъ караванъ съ добычей сталъ медленно двигаться степью къ Дону.

Калга, извѣщенный объ этомъ, со всѣми своими силами настигъ казаковъ на р. Тузловѣ. Предусмотрительные донцы окопались.

Нѣсколько дней Калга громилъ укрѣпленный таборъ казаковъ, но встрѣтивъ мужественный отпоръ и безполезно понеся значительныя потери, вынужденъ былъ уйти въ Крымъ.

Казаки благополучно дошли до Черкаска.

Спустя два мѣсяца 120 казаковъ, вытащивъ изъ Калміуса три струга изъ числа погруженныхъ, вышли въ море и поплыли къ крымскимъ берегамъ. Близъ Кафы они встрѣтили два турецкихъ корабля, нагруженныхъ хлѣбомъ для азовскаго гарнизона со 100 человѣкъ ратныхъ людей.

Выдержавъ упорный бой, казаки убили 40 турокъ, остальныхъ же съ кораблями и припасами забрали въ плѣнъ.

Въ 1662 и 1663 годахъ между русскимъ дворомъ и крымскимъ ханомъ происходили переговоры о мирѣ.

Ханъ требовалъ обузданія и даже уничтоженія донскихъ казаковъ, иначе грозилъ истребить ихъ самъ.

Переговоры эти окончились неудачей, но знаменательны они для донского казачества тѣмъ, что въ первый разъ московскій владыка въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича рѣшился открыто оправдывать донцовъ въ кровавыхъ нападеніяхъ и отпорахъ, даваемыхъ ими татарамъ и туркамъ.

До него же во всѣхъ многочисленныхъ дипломатическихъ переговорахъ и перепискахъ съ султанами и ханами казаковъ именовали ворами, разбойниками, людьми вольными, никому не подчиненными, за дѣйствія которыхъ государство московское не отвѣчаетъ и предоставляетъ право мусульманамъ раздѣлываться съ ними по своему усмотрѣнію.

Несмотря на вновь построенныя на Дону и Мертвомъ Донцѣ турками и татарами крѣпости, казаки по прежнему прорывались въ море, разоряли и громили крымскіе и турецкіе берега.

Для прохода ихъ струговъ служили р. Міусъ и прокопанный ими Казачій ерикъ.

Этими своими походами они озабочивали хана, изматывали и устрашали его орду, чѣмъ предупреждали разорительные набѣги

этихъ безпощадныхъ хищниковъ на русскія окраины. Съ другой стороны калмыки, боявшіеся воды, сильными конными партіями безпрерывно ходили подъ Перекопъ, нанося страшный вредъ крымцамъ.

Въ ноябрѣ 1665 года все войско Донское съ отрядомъ воеводы Ивана Хвостова разгромили весь азовскій гарнизонъ, убивъ коменданта Мустафу пашу, зятя султана.

Вслѣдствіе этого турки обнесли предмѣстье Азова каменной стѣной.

Въ 1666 г. новый азовскій комендантъ, желая отомстить казакамъ за смерть и пораженіе своего предмѣстника, послалъ подъ Черкаскъ сильную партію конныхъ и пѣшихъ татаръ и турокъ.

Войско это, не дойдя до Черкаска, расположилось станомъ.

Предусмотрительные и дѣятельные донцы въ ту самую ночь, когда азовцы отправились подъ Черкаскъ, въ свою очередь послали подъ Азовъ партію казаковъ въ 300 человѣкъ для добыванія языковъ.

Въ темнотѣ ночи партія эта примѣтила огни. Развѣдавъ, что то была непріятельская пѣхота, казаки атаковали ее, многихъ порубили, забрали человѣкъ 20 плѣнныхъ, остальныхъ разсѣяли. Увидѣвъ значительное число турецкой кавалеріи, казаки дали знать въ Черкаскъ войсковому атаману, а сами отступили.

Подоспѣвшіе изъ Черкаска наличные казаки сразились съ татарами и на голову разбили ихъ, захвативъ въ плѣнъ начальника азовскаго отряда Тахтамыша, котораго вмѣстѣ съ другими плѣнными повѣсили въ Черкаскѣ.

Въ 1667 году съ Польшей былъ заключенъ миръ и крымскій ханъ сталъ значительно сговорчивѣе, однако переговоры еще тянулись до 1670 года. По новому мирному договору, между прочимъ, русскій царь обязывался запретить донцамъ и запорожцамъ производить морскіе поиски въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ и нападать на улусы, подвластные крымскому хану.

## XXXIII.

Всевеликое войско Донское за время своего историческаго существованія свято чтило царя, доблестно и усердно служило ему и Россіи, грудью стояло за вѣру православную.

Называть казаковъ сплошь ворами и разбойниками, племенемъ какъ бы воровского, разбойническаго призванія, какъ это часто по трафарету говорятъ безграмотные лѣтописцы, а за ними повто-

ряютъ наши ученые историки, не только глубоко несправедливо, но просто возмутительно, потому что ни одна народность, входящая въ составъ Россійской имперіи, не имѣетъ такихъ великихъ боевыхъ заслугъ передъ родиной, какъ казачество вообще, а Донское—въ частности.

Тѣмъ не менѣе, Донское казачество въ отдаленныя отъ насъ времена выдѣляло иногда изъ среды своей разбойничьи шайки и партіи, которыя грабили караваны судовъ по Волгѣ и Каспійскому морю.

Никогда Донское казачество во всемъ своемъ цѣломъ не только не покровительствовало такимъ разбойникамъ, но всегда смотрѣло на нихъ косо, часто увѣщевало, а иногда безъ всякой пощады истребляло ихъ!

И казнь такихъ преступниковъ была жестока!

Провинившихся и не послушавшихъ увѣщаній всевеликаго товарищества вѣшали, сажали въ воду, забивали палками до смерти, жгли.

Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича всевеликое войско Донское шлетъ увѣщаніе за увѣщаніемъ своимъ 200 казакамъ, приставшимъ къ мятежному Заруцкому и Маринѣ Мнишекъ. Оно требуетъ отъ своихъ заблудшихъ членовъ, чтобы тѣ отстали отъ преступника и вернулись въ войско, грозя въ противномъ случаѣ пойти всѣмъ войскомъ противъ Заруцкаго.

Мятежные донцы вняли грозному голосу своего войска, ушли отъ смутьяна, а за ними оставили авантюриста яицкіе и терскіе казаки.

Всероссійская и польская преступная чернь еще держалась нѣкоторое время около Заруцкаго, но что значила эта жалкая, трусливая, преступная сволочь, когда единственныя и дѣйствительныя боевыя силы въ лицѣ казаковъ ушли отъ мятежника и его подруги?

Онъ долженъ былъ погибнуть и погибъ.

Всевеликому войску были такъ противны воровскія похожденія его отщепенцевъ, что въ 1627 году при атаманѣ Епифанѣ Родиловѣ былъ постановленъ на кругу негодующій единогласный приговоръ, которымъ всѣ разбойники и воры изъ казаковъ приговаривались къ жестокому наказанію и казни, а купцы, продававшіе ворамъ свинецъ и порохъ, къ наказанію кнутомъ, ограбленію и даже избіенію до смерти. Тогда же было подтверждено по всѣмъ казачьимъ городкамъ, чтобы никто съ Дона на Волгу для разбоевъ не ходилъ, въ противномъ случаѣ при возвращеніи каждый изъ ослушниковъ будетъ преданъ смерти.

И многіе изъ дерзнувшихъ ослушаться повелѣнія войска поплатились своими головами.

Въ 1660 году казаки приступомъ берутъ воровской городокъ, основанный между Паншинымъ и Иловлинскимъ городками, захватываютъ разбойничьяго атамана Василія Прокофьева съ оставшимися въ живыхъ его сообщниками и привезя въ Главное Войско, всѣхъ ихъ повѣсили, а городокъ выжгли и сравняли съ землей.

Но вскорѣ послѣ этого на Дону появился въ лицѣ Степана Разина воровской атаманъ такого размѣра, что вызванное и раздутое имъ пламя бунта одно время грозило разлиться пожаромъ по всей русской землѣ.

Стенька Разинъ происходилъ изъ казаковъ Черкаскаго городка.

Въ началѣ своего жизненнаго поприща Стенька былъ служилый казакъ и, видимо, служилъ не безъ успѣха, такъ какъ въ 1661 году ему, тогда значному старшинѣ, совмѣстно съ другимъ старшиной Ѳедоромъ Будановъ, было поручено всевеликимъ войскомъ закончить переговоры съ калмыками о совмѣстномъ нападеніи на Крымъ и привести ихъ къ присягѣ на вѣрность московскому государю.

Порученіе это выполнено обоими старшинами вполнѣ успѣшно.

Въ томъ же году Стенька ходилъ на богомолье въ Соловецкій монастырь.

Донскія пѣсни и преданія свидѣтельствуютъ, что Стенька три раза съ казаками ходилъ подъ турецкій Азовъ.

Съ этого времени и до 1667 года о Стенькѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Что заставило значнаго старшину сдѣлаться мятежнымъ атаманомъ — въ точности неизвѣстно. Объ этомъ можно судить только на основаніи болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній.

По нѣкоторымъ признакамъ кажется, что Стенька мѣтилъ въ войсковые атаманы, но кругъ предпочелъ выбрать болѣе спокойнаго и дипломатичнаго Корнилу Яковлева.

Несомнѣнно, такая неудача должна была внести много горечи и озлобленія въ мятежное сердце Стеньки и заставляла не разъ задумываться, къ чему, къ какому дѣлу приложить свои неизбывныя силы.

Иностранныя извѣстія говорятъ, что старшій братъ Стеньки въ 1665 году находился съ отрядомъ казаковъ въ войскѣ Юрія Долгорукова, дѣйствовавшаго противъ поляковъ. Наступила осень. Атаманъ Разинъ сталъ просить воеводу отпустить его съ казаками на Донъ. Воевода отказалъ. Тогда донцы самовольно ушли изъ войска. Ихъ догнали и атамана Разина казнили.

Братья казненнаго—Степанъ и Фролъ рѣшили отомстить. Отсюда первопричина разинскаго бунта. Это обстоятельство ни оффиціальными, ни частными русскими свидѣтельствами не подтверждается.

Вѣроятнѣе же всего, что разинская эпопея вытекала изъ самой могучей натуры Стеньки и тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя поставила его жизнь тогдашней Россіи.

Въ царской грамотѣ, полученной воеводами въ 1667 году, отчасти объясняются эти обстоятельства.

«Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженіемъ, писалъ Государь. На Дону собираются многіе казаки и хотятъ идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ»... ибо «во многіе донскіе городки пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой».

На Дону къ тому времени уже рѣзко обозначались двѣ группы казаковъ: одна—домовитая, степенная, зажиточная, вѣрная своему государю и Россіи, та, что составила силу и славу настоящаго казачества, другая состояла сплошь изъ голытьбы, т. е. людей, которымъ некуда было голову преклонить, нечѣмъ кормиться и готовыхъ на все.

Она составлялась большею частью изъ бѣглыхъ боярскихъ крестьянъ и холопей съ нѣкоторой примѣсью прирожденныхъ казаковъ—забулдыгъ и пьяницъ, которыхъ едва терпѣло всевеликое войско.

Все это былъ матеріалъ, изъ котораго можно было составить бунтовщическія и разбойничьи шайки, лишь бы нашелся предводитель, атаманъ, который сумѣлъ бы привязать ихъ и вдохнуть вѣру въ себя.

Потерпѣвъ крушеніе въ домогательствѣ главенства надъ всевеликимъ войскомъ, Стенька сблизился съ черкасскою кабацкой голью.

Къ веснѣ 1667 года у Стеньки образовалась шайка приверженцевъ человѣкъ въ 1000, съ которой онъ хотѣлъ махнуть, по примѣру предковъ—въ Азовское и Черное моря съ цѣлью хорошенько пошарпать крымскіе и турецкіе берега. Едва ли подлежитъ сомнѣнію то, что берега эти такъ же хорошо были знакомы Стенькѣ, какъ берега родного тихаго Дона, потому что, вѣроятно, не разъ ходилъ онъ на басурманъ въ удалыхъ донскихъ ватагахъ. И еще подлежитъ большому сомнѣнію, разсчитывалъ ли Стенька стать тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи, т. е. главою великаго бунтовщическаго движенія на Руси.

Но случилось такъ, что Корнило Яковлевъ, поддерживаемый

всей силой вѣрнаго царю, домовитаго казачества, не пустилъ Стеньку въ море, потому, что къ тому времени у донцовъ былъ миръ съ азовцами и государь настрого приказывалъ казакамъ не задирать крымцевъ и турокъ.

Тогда Стенька въ апрѣлѣ 1667 года поворотилъ свои струги вверхъ по Дону. Голытьбѣ нечѣмъ было питаться и по дорогѣ она грабила домовитыхъ казаковъ.

Корнило Яковлевъ отрядилъ въ погоню за Стенькой партію казаковъ, но удалые уже были далеко Они разбили свой укрѣпленный станъ на высокихъ буграхъ, между рѣкъ Тишини и Иловли, близъ городка Паншина.

Мѣсто это между Дономъ и Волгою всегда было притономъ для воровскихъ шаекъ.

Лишь только разнесся въ низовыхъ волжскихъ городахъ слухъ о томъ, что на Дону собираются казаки воровать, какъ явились молодцы и стали пошаливать на Волгѣ.

Собственно первое разбойничье дѣло разинской ватаги на Волгѣ заключалось въ томъ, что казаки остановили караванъ судовъ, въ которомъ были и казенные, и частные струги съ товарами и хлѣбомъ. Отрядъ стрѣльцовъ сопровождалъ этотъ караванъ.

Начальника отряда изрубили, хозяевъ судовъ и ихъ приказчиковъ перевѣшали или побросали въ воду, цѣловальниковъ при казенномъ хлѣбѣ пытали, жгли огнемъ, допрашивая о деньгахъ.

Стенька самъ сломалъ руку монаху—надсмотрщику на патріаршемъ суднѣ, а ссыльныхъ, слѣдовавшихъ въ этомъ караванѣ въ Астрахань и всѣхъ рабочихъ освободилъ.

Рабочимъ и стрѣльцамъ онъ заявилъ, что идетъ только противъ бояръ и богатыхъ, имъ же даетъ полную волю, куда хотятъ, туда пусть и идутъ, а если пристанутъ къ нему, будутъ вольными казаками.

Всѣ рабочіе и стрѣльцы пошли къ нему.

Стенька вышелъ изъ Черкасска только на четырехъ стругахъ, теперь у него было много судовъ, ружей, запасовъ и онъ поплылъ къ Царицыну.

Въ ватагѣ Стеньки ужъ насчитывалось около 1.500 человѣкъ.

Въ Царицынѣ не сопротивлялись, ни одна пушка не выстрѣлила въ Стенькину флотилію: «весь порохъ запаломъ выходилъ».

Стенька оказался вѣдуномъ, колдуномъ, чародѣемъ, котораго не брали ни пуля, ни пищаль, ни сабля.

Онъ послалъ къ воеводѣ Унковскому своего эсаула требовать наковальню, мѣха и кузнечную снасть.

Воевода былъ такъ напуганъ предшествующею молвой о не-

уязвимости и силѣ воровскаго атамана, что все просимое было выдано ему безпрекословно.

Стенька не тронулъ Царицына, не тронулъ и Чернаго Яра.

Теперь въ его флотиліи уже насчитывалось 30 судовъ съ 3000 человѣкъ.

Отъ Чернаго Яра удалые поплыли по Бузану. Воевода Семенъ Беклемишевъ встрѣтилъ ихъ съ отрядомъ войскъ. Сраженія не произошло, но самъ воевода оказался раненымъ въ руку и ограбленнымъ. Три его струга съ стрѣльцами пристали къ воровской шайкѣ. Спустившись въ Каспійское море, Стенька достигъ устья Яика. Тамъ ждали его сообщники.

Спрятавъ свою рать недалеко отъ Яицкаго городка, Стенька съ немногими своими приближенными обманомъ вошелъ въ городокъ, а потомъ впустилъ свою ватагу.

Воевода Иванъ Яцынъ не оказалъ ему ни малѣйшаго сопротивленія, однако, это не спасло его отъ смерти.

Астраханскій стрѣлецъ Чикмазъ передъ вырытой ямой отрубилъ воеводѣ голову и еще 170 начальникамъ и стрѣльцамъ; трупы свалили въ яму.

Тутъ только Стенька начинаетъ выясняться, какъ врагъ бояръ, воеводъ и всякихъ начальныхъ людей.

Остальнымъ стрѣльцамъ Стенька предложилъ или приставать къ его шайкѣ, или уходить по добру, по здорову.

Многіе стрѣльцы остались съ нимъ, другіе ушли въ Астрахань. Но имъ отъ этого не поздоровилось.

За ушедшими пьяный Стенька послалъ погоню. На Раковой косѣ казаки догнали стрѣльцовъ и потребовали, чтобы тѣ съ ними шли заодно. Получивъ отказъ, казаки принялись ихъ рубить и бросать въ воду. Многіе сдались, другіе попрятались въ камышахъ.

Въ Яикѣ Стенька объявилъ всѣмъ вольную волю, но потомъ осязательно разъяснилъ, какъ понималъ онъ эту волю: тѣхъ, кто не шелъ къ нему въ ватагу, онъ вѣшалъ и убивалъ.

Въ сентябрѣ Стенька съ сильно увеличившейся шайкой спустился въ море. На Емансугѣ кочевалъ улусъ едисанскихъ татаръ. Казаки напали на нихъ и разгромили его окончательно, забравъ въ полонъ женщинъ и дѣтей.

Ограбивъ въ морѣ какое-то турецкое судно, казаки вернулись въ Яикъ зимовать.

Калмыки, кочевавшіе между Яикомъ и Волгою, узнавъ о погромѣ казаками ихъ заклятыхъ враговъ-едисанцевъ, воспылали дружбой къ Стенькиной ватагѣ и перебравшись съ своими кибит-

ками къ Яику, всю зиму торговали съ казаками, поставляя имъ молоко и скотъ.

Астраханскій воевода Иванъ Хилковъ, которому приказано было унять разбойниковъ, ограничивался тѣмъ, что посылалъ противъ Стеньки партіи, которыя ни разу до Яика не доходили. Да и воевода только получалъ приказанія, но выполнить ихъ не имѣлъ никакой возможности. Просимыми же подкрѣпленіями—ратными людьми, снарядами и порохомъ, по всероссійской медлительности, его не снабжали во время.

Въ декабрѣ къ Стенькѣ прибыли съ Дона посланцы всевеликаго войска съ атаманомъ Леонтіемъ Терентьевымъ.

Стенька принялъ ихъ съ великимъ уваженіемъ и приказалъ собрать кругъ своей ватаги. Посланцы прочитали грамоту всевеликаго войска и астраханскаго воеводы.

Въ той и другой Стенькѣ предлагалось распустить вольницу, а служилыхъ людей отдать въ ихъ воинскія части.

Хитрый Стенька предложилъ своей вольницѣ самой рѣшить свою участь, напередъ зная, что она поступитъ согласно его желанію.

Стенька по приговору круга отвѣчалъ, что въ томъ только случаѣ онъ распуститъ своихъ товарищей и возвратитъ стрѣльцовъ, если къ нему придетъ милостивая царская грамота съ отпущеніемъ всѣхъ винъ какъ ему, такъ и его людямъ.

Дѣйствіями Хилкова остались недовольны и вмѣсто него на астраханское воеводство прислали князя Прозоровскаго. Не успѣлъ еще новый воевода доѣхать до Астрахани, какъ Хилковъ отправилъ противъ Разина степью Якова Безобразова.

Безобразовъ съ своимъ отрядомъ и 10,000 калмыкъ осадилъ Яикъ, но все это кончилось неудачно. Калмыки по веснѣ откочевали, Стенька повѣсилъ двухъ стрѣлецкихъ головъ, посланныхъ къ нему для увѣщанія и въ разныхъ мѣстахъ погромилъ отрядъ Безобразова.

## XXXIV.

23 марта 1668 года Стенька съ своими удальцами выплылъ въ открытое море и пропадалъ тамъ больше года.

Слухъ о его подвигахъ уже прокатился по всей Руси и особенный сочувственный откликъ нашелъ на тихомъ Дону.

Станичники, привыкшіе къ кровавымъ подвигамъ, теперь запертые на своей родной рѣкѣ, какъ звѣри въ клѣткѣ, стосковались безъ привычнаго дѣла.

Жизнь стала не въ мочь, руки чесались безъ работы, а тутъ чародѣй—Стенька указалъ и проложилъ новый путь. Говорили,

что онъ воюетъ Персидское царство, другіе увѣряли, что онъ пошелъ въ персидское подданство.

Во всякомъ случаѣ Стенька живетъ, дѣйствуетъ, а они помираютъ безъ дѣла отъ скуки.

Донцы стали собираться въ станицы и пускаться на соединеніе съ своей братіей.

Въ апрѣлѣ 1669 года атаманъ Сережка Кривой съ станицей человѣкъ въ 700 переволокся судами съ Дона на Волгу, прошелъ мимо Царицына, Чернаго Яра и поплылъ по Бузану.

Взявъ пять пушекъ, письменный голова Григорій Авксентьевъ, по порученію воеводы Прозоровскаго, погнался за Сережкой. У протока Карабулакъ стрѣльцы схватились съ казаками, но были разбиты на чисто. Самъ голова едва спасся въ маленькой лодочкѣ съ небольшимъ числомъ людей, сто стрѣльцовъ добровольно передались къ казакамъ, остальные были побиты. Двухъ плѣнныхъ офицеровъ сперва привѣсили къ ослопьямъ, а потомъ бросили въ воду.

Сережка Кривой нагналъ Стеньку близъ персидскаго города Раша (Решта) и присоединился къ его флотиліи.

По всей Донской сторонѣ составлялись станицы и шли на соединеніе съ Стенькой—верховые казаки водою по Волгѣ, низовцы другимъ путемъ по Кумѣ. Терскіе воеводы доносили, что прошелъ какой-то Алешка Протокинъ съ шайкой, потомъ Алешка Каторжный съ 2000 конныхъ донцовъ, потомъ какой-то Боба съ 400 запорожцевъ.

Между тѣмъ, Стенька, выйдя въ море, поплылъ прямо къ берегамъ Дагестана. У него было до 6000 человѣкъ.

Дагестанскіе татары, отличавшіеся нечеловѣческой свирѣпостью и промышлявшіе главнымъ образомъ, торговлей невольниками должны были столкнуться съ вольными сынами Дона, не терпѣвшими на своей родинѣ никакого вида рабства.

Такимъ образомъ въ лицѣ этихъ двухъ сторонъ сошлись два совершенно противоположные міра, два непохожихъ другъ на друга міросозерцанія.

Татары эти, пользовавшіеся недоброй славой въ русскомъ мірѣ, были ненавидимы казаками, и ихъ месть этимъ торговцамъ невольниками была безпощадна и свирѣпа. Донцы чинили татарамъ неистовыя мучительства.

Казаки приступили къ Таркамъ, но не могли взять ихъ и три дня грабили и опустошали окрестности ихъ, потомъ направились къ Дербенту и осадили его.

Верхній городъ, укрѣпленный толстой и высокой стѣною, удержался, за то нижній былъ сравненъ съ землей.

Казаки не задержались надъ нимъ, а прошли огнемъ и мечемъ отъ Дербента до Баку. Ни одно селеніе, ни одна деревня не уцѣлѣли. Жителей убивали и истязали, насиловали женщинъ. Погромили городъ Тарбанъ, разорили посадъ Баку и въ іюлѣ достигли Гилянскаго залива, имѣя уже много плѣна и добычи.

Тактика ихъ заключалась въ томъ, что они налетали на города и селенія совершенно неожиданно и погромивъ непріятеля, быстро удалялись на свои суда.

Уронъ у нихъ былъ ничтожный, вреда же они наносили много.

Въ Гилянскомъ заливѣ до казаковъ дошла вѣсть, что ихъ готова встрѣтить вооруженная персидская сила, высланная изъ Раша (Решта).

Стенька пустился на хитрости.

Онъ заявилъ Бударъ-Хану-правителю Решта, что съ своими товарищами бѣжалъ отъ несправедливыхъ притѣсненій русскаго правительства и наслышавшись о мудрости правленія персидскаго шаха, онъ и его товарищи рѣшили принять персидское подданство и просятъ дать имъ земли для поселенія на р. Ленкурѣ.

Бударъ-Ханъ не могъ не знать объ опустошеніяхъ, произведенныхъ казаками во владѣніяхъ его повелителя, но видимо такъ былъ польщенъ лестными отзывами Стеньки о персидскихъ порядкахъ, что согласился послать къ шаху въ Испагань казачьихъ пословъ и далъ вмѣсто нихъ аманатовъ.

Бударъ-Ханъ позволилъ казакамъ высадиться на берегъ, входить въ городъ и даже за каждый день ихъ пребыванія выдавалъ имъ кормовыя деньги.

Однако гости скоро показали себя въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Одинъ разъ они разбили погреба жителей, забрали вино и мертвецки перепились. Жители вступились за свое добро. Началась свалка. Пьяные пришельцы не въ силахъ были защищаться. Самъ атаманъ былъ такъ пьянъ, что, не защити его своей грудью казаки, его навѣрное зарѣзали бы

До 400 казаковъ погибло въ этой бойнѣ.

Снявшись съ якоря, казаки ушли къ Фарабату.

Пять дней они честь-честью на наличныя деньги покупали у жителей товары. На шестой день Стенька пришелъ на базаръ и поправилъ на головѣ шапку.

Это былъ условленный знакъ, по которому казаки бросились рѣзать мусульманъ.

Бывшіе тутъ христіане спасали свою жизнь и имущество именемъ Христа. Казаки щадили ихъ.

Фарабатъ былъ преданъ совершенному разоренію, погибло множество людей, увеселительные дворцы шаха были сожжены.

Говорятъ, что Стенька не разъ такимъ способомъ обманывалъ персіянъ и въ другихъ городахъ.

Плѣнныхъ у Стеньки и раньше было много, теперь стало еще больше. Онъ на полуостровѣ противъ Фарабата руками плѣнниковъ выстроилъ земляной городокъ и зазимовалъ въ немъ, потомъ сталъ обмѣнивать ихъ на христіанскихъ невольниковъ, при чемъ за одного персіанина бралъ по три и по четыре христіанина.

Многіе изъ выкупленныхъ имъ потомъ пошли въ ватагу Стеньки.

Разбойничій атаманъ и его товарищи хвастались впослѣдствіи своимъ рыцарствомъ...

Зимуя на островѣ, казаки не оставляли своихъ налетовъ на персидскіе берега.

Пока все это происходило, посланцы Стеньки, какъ ни въ чемъ не бывало, вели въ Испагани переговоры о подданствѣ шаху.

Походило это на явное издѣвательство, о которомъ персидскіе сановники долго не догадывались.

Наконецъ Стенька съ своими удальцами перебрался на восточный берегъ Каспійскаго моря и сталъ громить Трухменскій край. Въ одной изъ сшибокъ былъ убитъ неустрашимый сподвижникъ Стеньки, богатырь Сережка Кривой.

Атаманъ былъ огорченъ потерей своего удалого незамѣнимаго сподвижника и жестоко отомстилъ туркменамъ.

Разгромивъ Трухменскій край, Стенька перебрался съ своей флотиліей къ Свиному острову, гдѣ простоялъ 10 недѣль, дѣлая опустошительные набѣги на персидскіе берега.

Въ іюлѣ къ Свиному острову подошло 70 судовъ вновь выстроеннаго персидскаго флота, на которомъ было до 4000 персіянъ и наемныхъ горныхъ черкесовъ. Командовалъ флотомъ астаранскій Менеды-ханъ. Съ нимъ были его сынъ и 16-ти лѣтняя красавица дочь.

Завязалась кровопролитная битва. Въ ней разбойничій атаманъ показалъ себя отличнымъ флотоводцемъ, а его казаки чудесными моряками. Персидскій флотъ былъ уничтоженъ, только три струга съ несчастнымъ ханомъ спаслись отъ потопленія и полона, сынъ же и дочь хана оказались въ рукахъ Стеньки. Выиграно было настоящее морское сраженіе, одержана блестящая побѣда надъ персами.

Однако побѣда эта досталась атаману не дешево. За послѣднее время изъ рядовъ казаковъ выбыло не меньше 500 человѣкъ. Къ

тому же у шаха неисчерпаемый источникъ въ людяхъ, а казакамъ некѣмъ пополнять убыли. Награблено было много всякаго добра, денегъ и драгоцѣнностей, но ѣсть нечего и отъ соленой воды казаки стали пухнуть. Надо было думать о возвращенiи на Тихiй Донъ. Какъ-то примутъ на Руси, помилуетъ ли царь за убiйства и грабежи, учиненные на Волгѣ? Повидимому, Стенька разсчитывалъ на милость царскую.

## XXXV.

Обремененный добычей и плѣномъ, сопровождаемый военной славой, плылъ Стенька съ своими удальцами къ русскимъ берегамъ. По дорогѣ его удальцы разбили рыбные митрополичьи учуги, забрали рыбу, икру, рыболовныя снасти, разбили и ограбили одну персидскую бусу.

Отряды астраханскихъ стрѣльцовъ крейсировали въ морѣ, поджидая удальцовъ, чтобы заблаговременно извѣстить астраханскихъ воеводъ о ихъ приходѣ.

Въ Астрахани собрались встрѣтить Стеньку милостиво. Ему даже была выправлена снисходительная царская грамота.

Дѣло въ томъ, что громкая слава о подвигахъ Стеньки взбудоражила Тихiй Донъ. Тамъ восхищались имъ и находилось много людей, желавшихъ слѣдовать его примѣру. Москва боялась, какъ бы крутой расправой съ разбойничьимъ атаманомъ и его сподвижниками не вызвать поголовнаго бунта на Дону. Поэтому рѣшено было закрыть глаза на всѣ тѣ дебоши, какiе Стенька учинилъ на Руси и признать заслуги, которые онъ оказалъ разгромомъ персидскихъ береговъ, морской побѣдой и освобожденiемъ множества христiанскихъ плѣнниковъ. Подвиги Стеньки на Каспiйскомъ морѣ въ глазахъ народа и правящей Москвы являлись какъ бы суровымъ, но справедливымъ возмездiемъ мусульманскому мiру за его жестокости и вредъ, наносимый христiанству вообще и въ частности русскому государству и русскимъ людямъ. Счеты съ персiанами у Россiи были длинные и по этимъ счетамъ Стенька взялъ съ лихвой.

Къ тому же астраханскiе воеводы съ своими наличными силами потрухивали передъ удалымъ атаманомъ.

Лишь только хозяинъ ограбленной бусы и учужные рабочiе, добравшись до Астрахани, довели до свѣдѣнiя воеводы Прозоровскаго о появленiи казаковъ, онъ тотчасъ же на 36 стругахъ съ 4000 стрѣльцовъ отрядилъ князя Львова на встрѣчу Стеньки.

Князю Львову было приказано вступить въ бой съ казаками.

только въ крайности, но на всякій случай была дана и милостивая царская грамота.

Казаки высадились и расположились лагеремъ на каменистомъ высокомъ островѣ Четырехъ-Бугровъ при самомъ устьѣ Волги.

На кругу они рѣшили, если позволятъ обстоятельства, вступить въ бой или же, пересѣкши море, пробраться на Куму, забрать у черкесовъ лошадей и сухопутно идти на Тихій Донъ.

Увидя огромную флотилію царскихъ войскъ, удалые бросились на суда и ушли въ море.

Верстъ 20 гнался за ними князь Львовъ, наконецъ вступилъ въ переговоры черезъ Никиту Скрипицына, котораго послалъ къ нимъ съ государевой грамотой.

Скрипицынъ увѣрилъ атамана и казаковъ, что они будутъ прощены и отпущены на Донъ, если отдадутъ всѣ пушки, отпустятъ служилыхъ людей и отдадутъ плѣнниковъ.

Такое предложеніе было казакамъ какъ нельзя больше кстати. Отъ соленой воды, которую они поневолѣ пили, у нихъ каждый день умирало по нѣсколько человѣкъ, трудные морскіе походы притомили ихъ, добычи же было награблено столько, что она едва вмѣщалась въ ихъ стругахъ, пора и отдохнуть, пора домой. Они черезъ двухъ своихъ посланцевъ соглашались на требованіе воеводы, заявляя, что готовы служить государю, гдѣ онъ имъ укажетъ, просили только теперь отпустить ихъ со всѣми пожитками на Донъ, пушки обѣщались сдать въ Астрахани, а струги въ Царицынѣ.

Посланцы были приведены къ присягѣ, послѣ чего князь Львовъ поворотилъ съ своимъ отрядомъ къ Астрахани, а Стенька съ своими удальцами послѣдовалъ за нимъ.

## XXXVI.

Придя въ Астрахань, Стенька съ главными изъ своихъ казаковъ явился въ приказную избу и положилъ передъ воеводами свой бунчукъ—символъ власти, прося заступничества передъ государемъ, отпущенія ему и товарищамъ всѣхъ ихъ винъ и испрашивая позволенія послать въ Москву шестерыхъ казаковъ добить Государю челомъ.

Стенька говорилъ, что они, казаки, подклоняютъ великому государю тѣ острова, которые они добыли у персіянъ своею саблею.

По обычаю того времени Стенька не только одарилъ всѣхъ

приказныхъ, но поднесъ богатые поминки изъ дорогихъ персидскихъ тканей и самому главному воеводѣ—Прозоровскому.

На требованіе воеводъ Стенька выдалъ только пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ пушекъ, между тѣмъ, какъ въ одномъ только морскомъ сраженіи у Свиного острова казаки взяли у персіянъ 33 пушки, выдать плѣнныхъ персіянъ, кромѣ пяти-шести, а такъ же всю награбленную добычу Стенька на-отрѣзъ отказался, заявивъ, что все уже передѣлено между казаками и многое продано ими, невыдачу всѣхъ пушекъ онъ объяснялъ тѣмъ, что отъ Царицына до Паншина городка ему придется идти степью, по которой рыскаютъ партіи крымскихъ, азовскихъ и всякихъ иныхъ воинскихъ людей, отъ которыхъ придется обороняться, но отъ Паншина городка обѣщался всѣ пушки возвратить. Служилыхъ людей разбойничій атаманъ отпускомъ отъ себя не неволилъ.

Когда воеводы хотѣли переписать все Стенькино войско поголовно, атаманъ вспылилъ и отвѣчалъ, возвысивъ голосъ:

— Ну ужъ этому не бывать, да и въ грамотѣ государевой того не указано! У меня живутъ люди вольные, и переписывать на бумагу ихъ не зачѣмъ!

Морскіе струги обѣщалъ сдать, а взамѣнъ ихъ получить рѣчные.

Десять дней прожили казаки въ Астрахани, десять дней воеводы носились съ Стенькою, бывали у него въ гостяхъ, атаманъ ѣздилъ къ нимъ, пили, ѣли и пировали вмѣстѣ.

Астраханскіе жители поражены были богатствомъ Стенькиныхъ сподвижниковъ. Одѣвались они въ шелкъ и бархатъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, точно вѣнцами, украшены были ихъ шапки.

Самъ атаманъ въ одеждѣ ничѣмъ не отличался отъ своихъ казаковъ, кромѣ своего могучаго вида и того почтенія, какое оказывали ему казаки. Даже канаты и паруса на Стенькиныхъ стругахъ были шелковые и изъ другихъ дорогихъ матерій.

Въ обращеніи съ народомъ Стенька былъ ласковъ и необыкновенно щедръ, не отказывалъ ни въ чемъ нуждающимся и направо и налѣво сыпалъ серебромъ и золотомъ. За эти десять дней Стенька сталъ богомъ астраханской черни.

При встрѣчахъ ему кланялись до земли, становились передъ нимъ на колѣни, величали «батюшкой-атаманушкой».

Изъ разбойника Стеньки въ народномъ представленіи Разинъ выросъ въ «батюшку-атаманушку Степана Тимофеевича».

Что же это былъ за человѣкъ, сыгравшій такую страшную отрицательную роль въ исторіи нашего отечества?

Голландецъ Янъ-Янсенъ Стрейсъ, видѣвшій нѣсколько разъ Разина въ Астрахани, далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его наружности.

Разинъ былъ лѣтъ 40, высокій и дородный мужчина, креп-

каго сложенія, имѣлъ гордую поступь и лицо, нѣсколько попорченное оспой. Всегда молчаливъ и строгъ къ подчиненнымъ, онъ умѣлъ привязать ихъ къ себѣ и заставить повиноваться ему безропотно.

По опредѣленію историка С. Соловьева—Разинъ былъ истый казакъ, одинъ изъ тѣхъ стародавнихъ богатырей, которыхъ народное представленіе отождествляетъ съ казаками, которымъ обиліе силъ не позволяетъ укладываться въ обычныя жизненныя рамки.

Тѣ великія силы, которыя ключомъ били въ богатырской груди Разина, заставляли его искать подвига, искать дѣла себѣ по плечу.

Необыкновенная сила воли, которая сквозила во всемъ его физическомъ обликѣ, въ его изъ-сѣра-синихъ большихъ глазахъ, то ласковыхъ, то страшныхъ, покоряла ему не только простыхъ людей, готовыхъ идти за нимъ на край свѣта, на смерть, на муки, но даже и воеводъ, у которыхъ самъ Разинъ былъ въ рукахъ и которымъ—по здравой логикѣ, онъ долженъ былъ подчиняться.

Великій преобразователь Россіи Петръ I во времена окончательнаго завоеванія Азова, узнавъ, что Степанъ Разинъ три раза былъ подъ Азовомъ, приказалъ привести къ себѣ такого изъ казаковъ, который больше всѣхъ бывалъ въ походахъ съ мятежнымъ атаманомъ. Такимъ казакомъ оказался Морковкинъ. Ободренный царемъ и чарой вина, Морковкинъ долго и подробно разсказывалъ о походахъ и дѣяніяхъ Разина.

Великій царь внимательно слушалъ и въ заключеніе задумчиво сказалъ: «жалко, что не умѣли тогда изъ Степана Разина сдѣлать великую государственную пользу, и жалко, что онъ жилъ не въ мое время“.

Сложись для Степана иначе обстоятельства и изъ него вышелъ бы не бунтарь, потрясавшій государствомъ, а герой въ стилѣ Ермака.

Пока шли переговоры съ воеводами въ Астрахани, казаки торговали въ городѣ, пили, ѣли, катались на своихъ стругахъ по Волгѣ, соблазняя жителей своей волей, золотой казной и богатствомъ нарядовъ.

Не смотря на кажущуюся простоту отношеній, воля атамана въ его сборищѣ была закономъ, дисциплина поддерживалась желѣзная и за всякій проступокъ слѣдовали жестокія наказанія. На его струги женщины не допускались, но самъ атаманъ первый нарушилъ утвержденный имъ законъ.

Преданіе говоритъ, что грозный атаманъ чуть не съ перваго взгляда былъ плѣненъ юной прелестной персіянкой.

Потомъ оказалось, что чародѣй-богатырь умѣлъ не только по-

корять сердца мужчинъ и водить ихъ за собой на смерть, онъ умѣлъ околдовывать и привязывать сердца женщинъ.

Съ плѣнной княжной онъ поступилъ не какъ заурядный разбойникъ, а какъ рыцарь. Онъ не воспользовался ею грубо, какъ добычей, а долго и упорно добивался ея свободной любви.

И его богатырство, его безпредѣльная власть надъ тысячами добровольно подчинившихся ему товарищей, его нѣжность и смиреніе передъ нею, слабой плѣнницей его, привязали ея юное сердце къ могучему пожилому казаку. И Степанъ платилъ своей плѣнницѣ романтической любовью.

Но въ этотъ романъ досаднымъ диссонансомъ съ первой же минуты врѣзалась клиномъ весьма вѣская вещь: нарушеніе крѣпкихъ традицій, какъ бы закона со стороны атамана.

Казаки косо смотрѣли на грѣхъ безупречнаго съ ихъ точки зрѣнія во всемъ прочемъ атамана.

Если бы со стороны Разина это было бы только баловство, только скоропроходящая прихоть, они, казаки, всѣ лакомые до женскихъ прелестей, весело поскалозубствовали бы надъ маленькой слабостью атамана и только, но тутъ было другое, серьезное. Прелестная персіянка забрала власть надъ сердцемъ Разина и они, казаки, не разъ и не два уже почувствовали это.

Очевидно, что двѣ такія разнородныя вещи, какъ страсть къ женщинѣ и власть надъ вольными казаками совмѣстить нельзя. Онѣ не уживутся рядомъ. Представляется неизбѣжнымъ чѣмъ-нибудь поступиться.

Для такого человѣка, какъ Разинъ, нѣтъ колебаній въ выборѣ, но за то колебанія во времени.

Женщина туго натягиваетъ струну его отношеній къ его товарищамъ, къ его подчиненнымъ. Но вѣдь струна можетъ и лопнуть. А тогда пропало все, весь загадъ, всѣ планы, всѣ мечты. Къ чему приложить тогда свои неизбывныя силы?

Струна натянута до крайнихъ предѣловъ, струна дрожитъ, можетъ и лопнуть... Казаки же ропщутъ, еще немного, могутъ взбунтоваться. Онъ уже видитъ потупленные взоры, косые, недовольные взгляды.

Сколько разъ онъ хотѣлъ покончить съ плѣнницей, но жаль, нѣтъ силъ. Пора!

И вотъ одинъ разъ во время десятидневнаго пребыванія казаковъ подъ Астраханью въ разгаръ пира на своемъ стругѣ, въ которомъ принимала участіе и плѣнная княжна, разодѣтая въ шелкъ и бархатъ, блиставшая драгоцѣнными камнями и сіявшая своей юностью, довольствомъ и ослѣпительной красотой, пьяный

атаманъ неожиданно для присутствовавшихъ схватилъ ее одной рукой за горло, другой за ноги и поднесъ къ борту струга.

— Волга-матушка! Ты славная рѣка, ты доставила мнѣ много славы, много богатствъ и злата-серебра. Я ничѣмъ еще не отблагодарилъ тебя! Такъ возьми жъ отъ меня въ подарокъ это сокровище!

Съ этими словами Степанъ бросилъ въ рѣку прекрасную княжну, а самъ, крикнувъ музыкантамъ играть плясовую, пошелъ въ присядку «отдѣлывать» казачка.

Помраченное было вліяніе атамана на казаковъ сразу съ новой силой возстановилось.

Значитъ, у Степана была только прихоть, а если что-либо другое, то этимъ другимъ серьезнымъ онъ пожертвовалъ ради нихъ, своихъ соратниковъ.

Достойно замѣчанія, что Разинъ, вообще падкій до вина, съ этого времени пилъ почти безъ просыпа.

4-го сентября воеводамъ удалось спровадить Степана изъ Астрахани. Да и было время. Астраханская чернь только говорила и думала, что о казакахъ, ихъ богатствѣ, волѣ, удали и больше всего объ ихъ чудодѣѣ, вѣдунѣ, волшебникѣ-атаманѣ.

Воеводы дали казакамъ рѣчные струги вмѣсто морскихъ, но Разинъ все-таки не отдалъ 9 струговъ, 20 лучшихъ пушекъ и не выдалъ служилыхъ людей.

Очутившись на Волгѣ, казаки забуянили, въ Царицынѣ только чудомъ какимъ-то спасся изъ жестокихъ рукъ Разина воевода Унковскій. Тамъ же казаки ограбили два купеческихъ струга и выхвативъ изъ рукъ сотника царскую грамоту, бросили ее въ воду.

Разинъ пришелъ на Донъ, имѣя у себя 1500 приверженцевъ. Онъ не поѣхалъ въ Черкасскъ, а остановился на островѣ протяженіемъ версты въ три, между станицами Ведерниковской и Кагальницкою, построилъ на немъ городокъ изъ землянокъ и обнесъ его валомъ. Городокъ этотъ былъ названъ Кагальницкимъ.

Разинъ жилъ такъ же, какъ и всѣ его приверженцы, въ земляной избѣ, одѣвался хотя и богато, но не лучше другихъ, ѣлъ и пилъ тоже, что и его казаки, со всѣми былъ ласковъ, одѣлялъ бѣдняковъ и деньгами, и одеждой, и оружіемъ. Слава о его подвигахъ и щедрости привлекала къ нему голытьбу со всей тогдашней Руси. Къ нему шли верховые казаки съ Хопра и Бузулука, бѣжали мужики съ Волги, приходили запорожцы съ Украйны. Всѣ находили у него пріютъ и ласку.

Черезъ мѣсяцъ у Разина было уже 2700 человѣкъ вольницы. Онъ медлилъ являться въ Черкасскъ, пока у него не составилась тамъ партія, могущая помѣряться численностью съ вѣрными ка-

заками, а между тѣмъ въ Черкасскѣ у него жила жена съ дѣтьми и братъ Фролка.

Разину черезъ своихъ людей удалось получить семью. Она тайно бѣжала къ нему въ Кагальникъ. Прибылъ туда и братъ Фролка.

Разинъ сидѣлъ въ своемъ городкѣ смирно, никого не задиралъ, никого не грабилъ, видимо, къ чему-то готовился, но какъ ни старались, никто не могъ проникнуть въ его замыслы.

Торговцы, ѣхавшіе Дономъ въ Черкасскъ съ товарами, по приказанію Разина не пропускались, но никто ихъ и не грабилъ. Всѣ товары раскупались у нихъ по хорошей цѣнѣ въ Кагальникѣ, и тѣ были довольны, до небесъ превознося щедраго атамана.

Съ тревогой и недовѣріемъ поглядывали вѣрные казаки на смиренное поведеніе предводителя голытьбы. Они чуяли, что звѣрь отдыхаетъ, обдумываетъ новыя злодѣянія и что наступившее затишье въ недалекомъ будущемъ разразится бурей.

Въ концѣ зимы изъ Москвы въ Черкасскъ прибылъ жилецъ Евдокимовъ съ царской грамотой. Собрали войсковой кругъ.

На самомъ дѣлѣ, Евдокимовъ былъ посланъ на Донъ за тѣмъ, чтобы вывѣдать о замыслахъ Разина.

На другой день въ Черкасскъ совершенно неожиданно, сопровождаемый своей ватагой, прибылъ изъ Кагальника разбойничій атаманъ.

Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ собралъ новый кругъ для выбора казаковъ въ станицу, которая должна была сопровождать Евдокимова въ Москву.

Разинъ съ своими приверженцами вышелъ въ кругъ и сталъ бить Евдокимова. Какъ ни старался войсковой атаманъ защитить царскаго посла, все было тщетно.

Евдокимова избили до смерти и бросили въ Донъ.

Стенька открыто отгородился отъ вѣрныхъ казаковъ, гнѣвно крикнувъ Корнилѣ:

— Владѣй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ!

Товарищей Евдокимова посадили подъ стражу, Корнило Яковлевъ умудрился какъ-то ихъ освободить и тайно отослать въ Москву.

Теперь Корнило только по имени былъ атаманомъ. Буйная сила Стеньки увлекла казаковъ. Онъ распоряжался войскомъ, перебилъ многихъ старшинъ, разграбилъ ихъ дома, богохульствовалъ, выгналъ священниковъ, приказывалъ вѣнчаться, танцуя «вкругъ ракитова куста».

Одиннадцать дней неистовствовалъ Стенька въ Черкасскѣ и

сманивъ многихъ казаковъ, ушелъ къ себѣ въ Кагальницкій городокъ.

Какъ остался цѣлымъ во всѣхъ этихъ передрягахъ Корнило Яковлевъ, является загадкой. Впрочемъ, многіе свидѣтельствуютъ, что Стенька потому щадилъ старика, что тотъ былъ его крестнымъ отцомъ.

Едва ли такое предположеніе можно считать вѣроятнымъ. Для пьянаго звѣря уже ничего не было святого и едва ли онъ хотѣлъ щадить старика. Вѣроятнѣе всего, что Корнило Яковлевъ — человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный и ловкій, непоколебимо преданный царю, вынужденъ былъ до поры до времени лавировать между двумя теченіями.

## XXXVII.

Въ началѣ апрѣля 1670 года Разинъ съ своей голытьбой двинулся вверхъ по Дону и достигъ Паншина городка. Тутъ къ нему присталъ съ своей ватагой Васька Усъ или Чортовъ Усъ, какъ его называли, воръ, богатырь, удалая голова, человѣкъ, еще четыре года назадъ прославившійся своими разбойными похожденіями на Волгѣ, за что былъ битъ кнутомъ въ войсковомъ кругу на Дону. Разинъ пожаловалъ его въ свои эсаулы. Говорятъ, войско мятежнаго атамана достигало тогда 7000 человѣкъ. На кругу Стенька объявилъ, что идетъ подъ Царицынъ. Оказывается, царицынцы съ любопытствомъ и восторгомъ ожидали знаменитаго атамана. Самъ Разинъ пошелъ громить за 30 верстъ едисанскихъ татаръ, а Васька Усъ приступилъ къ Царицыну.

Сами горожане отбили замокъ и отперли ворота казакамъ. Воевода Тургеневъ съ немногими людьми заперся въ замкѣ.

Въ Царицынъ прибылъ самъ Разинъ. Башня была взята приступомъ, защитники перебиты, а воевода Тургеневъ съ веревкой на шеѣ, подъ гомонъ и крики пьяныхъ казаковъ, былъ приведенъ къ рѣкѣ, проколотъ копьемъ и брошенъ въ воду.

Атаманъ на кругу объявилъ, что идетъ вверхъ по Волгѣ подъ государевы города выводить бояръ, а потомъ къ Москвѣ, противъ бояръ. О царѣ же онъ всегда отзывался съ почтеніемъ и говорилъ, что служитъ ему. Кругъ закричалъ, что полагается во всемъ на волю своего атамана.

Между тѣмъ Разинъ укрѣпилъ Царицынъ. Но тутъ неожиданное обстоятельство перевернуло намѣченный путь слѣдованія Стеньки, устремило его совершенно въ противоположную сторону и этотъ случай несомнѣнно послужилъ къ спасенію Россіи отъ

еще большихъ потрясеній, чѣмъ тѣ, какія вызвалъ бунтъ Разина.

Скоро ему донесли, что изъ Москвы и изъ Астрахани противъ него идутъ стрѣлецкіе отряды.

Атаманъ разбилъ московскій отрядъ Лопатина. Человѣкъ 500 было убито, Лопатинъ казненъ, а 300 стрѣльцовъ Разинъ посадилъ гребцами на свои суда.

Астраханскихъ стрѣльцовъ Разинъ совершенно не боялся, зная, что достаточно ему появиться, чтобы они перебили своихъ начальныхъ людей и передались на его сторону. Слишкомъ велико было обаяніе воровского атамана.

2600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей подъ начальствомъ князя Львова выступили изъ Астрахани противъ Разина. И вотъ на нихъ-то и поворотилъ мятежный атаманъ внизъ по Волгѣ. Подъ Чернымъ Яромъ противники встрѣтились.

Восторженные клики понеслись съ астраханскихъ струговъ Разину на встрѣчу.

Мгновенно всѣ начальные люди были изрублены и брошены въ воду, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ только князь Львовъ. Весь астраханскій отрядъ передался атаману. Разинъ, вмѣсто того, чтобы двинуться вверхъ и врасплохъ захватить поволжскіе города, со всей своей силой пошелъ подъ Астрахань и безъ того ему преданную. Шествіе это было почти тріумфальнымъ. Астрахань, благодаря измѣнѣ стрѣлецкаго гарнизона и черни, явно тянувшая руку «батюшки Степана Тимофеевича», сдалась почти безъ боя. Самъ воевода князь Прозоровскій былъ раненъ въ животъ кѣмъ-то изъ своихъ людей. Его отнесли въ соборную церковь. Митрополитъ Іосифъ со слезами утѣшалъ страдальца.

Разинъ, войдя въ городъ, всегда пьяный и неистовый, сталъ творить судъ и расправу надъ связанными начальными людьми.

Своего недавняго начальника и друга, князя Прозоровскаго, лежавшаго на коврѣ подъ соборной колокольней, называвшейся раскатомъ, Разинъ взялъ подъ руку, ввелъ на верхъ и что-то шепнувъ ему на ухо, столкнулъ головой внизъ.

Сойдя съ раската, Разинъ приказалъ побить всѣхъ начальныхъ людей и дворянъ.

Началась расправа. Связанныхъ людей казаки и чернь рубили саблями, били бердышами и кольями. Какъ рѣка, текла кровь человѣческая. 441 тѣло убіенныхъ было погребено въ одной братской могилѣ въ Троицкомъ монастырѣ въ первый же день владычества Разина надъ Астраханью.

Три недѣли послѣ этого казаки и чернь неистовствовали въ городѣ. Были уничтожены всѣ бумаги, которыя такъ ненавидѣлъ

неистовый атаманъ, ограблены церковныя сокровища, торговые дворы, дворяне и богатые люди. Дворянъ и богатыхъ людей убивали, женъ и дочерей ихъ Разинъ вѣнчалъ съ казаками и стрѣльцами, въ Астрахани объявилъ казацкое устройство, подѣливъ жителей на тысячи, сотни и десятки, надъ которымъ главенствовалъ войсковой кругъ. Новыхъ казаковъ онъ приводилъ за городомъ къ присягѣ съ крестнымъ цѣлованiемъ на вѣрность царю, ему атаману, Степану Тимофеевичу и его войску.

Новички въ казачествѣ, астраханцы оказались, по свидѣтельству современниковъ, куда свирѣпѣе и безжалостнѣе природныхъ донцовъ. Они безперерывно просили у атамана позволенiя избить то тѣхъ, то другихъ неугодныхъ имъ людей.

Безъ просыпа пьяный Разинъ, видимо, иногда тяготился приставанiями своихъ новыхъ приверженцевъ.

— Когда я уѣду отсюда,—отвѣчалъ онъ,—тогда дѣлайте съ ними, что хотите.

Разинъ задержался въ Астрахани около пяти недѣль, проведя это время въ пьяномъ угарѣ и убiйствахъ. Опамятовавшись, онъ, оставивъ въ Астрахани начальнымъ атаманомъ Ваську Чертоуса, а старшинами Ѳедора Шелудяка и Ивана Терскаго, 20 iюля на 200 стругахъ грянулъ вверхъ по Волгѣ. Двѣ тысячи конницы шло по берегу.

Изъ Царицына двѣ тысячи казаковъ подъ начальствомъ атамановъ Фрола Минаева и Якова Гаврилова онъ отправилъ на Донъ съ награбленными сокровищами и казною.

Безъ всякаго сопротивленiя Разинъ взялъ Саратовъ, нѣсколько труднѣе досталась ему Самара, потому что тамъ была довольно сильная партiя, вѣрная царю. Однако партiя Степана одолѣла.

И въ Саратовѣ, и въ Самарѣ произошло тоже, что и въ Царицынѣ, и въ Астрахани. Жителямъ было дано казацкое устройство, начальныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ перебили, а ихъ имущество подуванили между собой казаки и чернь.

Между тѣмъ мятежныя письма Разина, въ которыхъ онъ призывалъ народъ истребить бояръ, дворянъ, начальныхъ людей и всякую власть и ввести по всей Руси казачество такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ, распространялись чуть ли не по всей тогдашней Россiи и произвели огромное броженiе въ народѣ.

Зная, что въ русскомъ народѣ неистребима приверженность къ царской власти и церкви, Разинъ возилъ съ собой два струга. Въ одномъ, покрытомъ краснымъ бархатомъ, онъ возилъ какого-то черкесскаго плѣннаго князька, котораго выдавалъ за царевича Алексѣя—сына царя Алексѣя Михайловича, на самомъ дѣлѣ умершаго 17-го января этого года. Въ другомъ стругѣ, обитомъ чер-

нымъ бархатомъ, будто бы находился низверженный патріархъ Никонъ.

4-го сентября Разинъ подошелъ къ Симбирску. Тамъ сидѣлъ воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій. 31-го августа изъ Казани прибылъ ему на подмогу князь Юрій Никитичъ Борятинскій съ 1,300 ратныхъ людей и загородилъ дорогу полчищамъ Степана.

5-го сентября завязался ожесточенный бой, длившійся съ утра до вечера. Ни та, ни другая сторона не одержала побѣды, утомленныя разошлись и на другой день стояли безъ дѣла другъ противъ друга.

Ночью Разинъ напалъ на Борятинскаго и произошелъ горячій бой. Борятинскій былъ отброшенъ отъ города и отошелъ въ Тетюши.

9-го сентября Разинъ подступилъ уже къ самому Симбирску.

На горѣ въ серединѣ находился собственно городъ, кремль, а за нимъ посадъ, обнесенный рвомъ и стѣною и въ немъ острогъ.

Жители посада тотчасъ же передались Разину, сдали ему острогъ и сами примкнули къ казакамъ. Но въ верхнемъ городѣ за высокими стѣнами кремля, вооруженными пушками, засѣлъ воевода Милославскій. У него былъ гарнизонъ изъ четырехъ стрѣлецкихъ приказовъ, значительное число дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Около мѣсяца Разинъ провозился надъ Симбирскомъ и хотя потратилъ много энергіи и выказалъ военное умѣніе, но не только не взялъ города, но даже не могъ зажечь его. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ къ нему стекались бѣглые холопы, крестьяне, чуваши, мордва, черемисы и увеличивали собою его полчища. Положеніе боярина Милославскаго и его отряда часъ отъ часу становилось безвыходнѣе. Онъ посылалъ гонцовъ въ Казань, умоляя о помощи, но въ разбушевавшейся округѣ гонцамъ нельзя было пробраться.

Наконецъ, около 1-го октября къ Симбирску уже съ значительными силами снова подошелъ князь Борятинскій.

Разинъ съ своими полчищами встрѣтилъ по европейски обученныя царскія войска въ двухъ верстахъ отъ его стана.

Борятинскій видя, что казаки наступаютъ, приказалъ своимъ солдатамъ стоять неподвижно и только, когда стороны сошлись сажень на двадцать, ратные люди стремительно ударили на мятежниковъ.

Битва была жаркая и упорная. Разинъ понималъ, что отъ исхода этого сраженія зависѣла судьба всего его преступнаго дѣла,

и напрягалъ всѣ свои силы, все свое умѣніе, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ царскихъ войскъ.

Въ яростномъ рукопашномъ бою люди перемѣшались до того, что съ трудомъ различали своихъ отъ чужихъ. Нестройныя, не привычныя къ военному дѣлу толпы мордвы и чувашей, несмотря на свою многочисленность, уступали ратнымъ людямъ и въ храбрости, и въ умѣніи владѣть оружіемъ и своею растерянностью вносили суматоху въ полчища атамана. Упорно и искусно дрались донскіе казаки, нанося огромную убыль въ рядахъ Борятинскаго. Собственно во всемъ многочисленномъ скопищѣ атамана эта горсть храбрыхъ людей съ воинской точки зрѣнія стоила что-нибудь, все остальное человѣческое стадо скорѣе мѣшало, чѣмъ помогало въ бою. Самъ Разинъ дрался, какъ левъ, могучими ударами своей сабли разилъ ратныхъ людей. Но саблей ему разсѣкли голову, пищалью прострѣлили ногу. Какой-то смѣлый алатырецъ бросился на истекающаго кровью атамана и уже свалилъ его на землю, но тутъ же былъ пристрѣленъ казаками.

Бой продолжался съ утра до ночи и принесъ побѣду царскимъ войскамъ.

Они отбили у мятежниковъ четыре пушки, литавры, знамена и 120 плѣнныхъ. Степанъ заперся съ одними донцами въ башнѣ.

Сидѣвшій въ кремлѣ Милославскій соединился съ Борятинскимъ.

Разинъ въ ночь на 3-е октября пытался зажечь кремль и взять его, но Борятинскій приказалъ полку Чубарова зайти за Свіягу и поднять крикъ.

Хитрость удалась: на израненнаго, ослабѣвшаго Разина напалъ страхъ. Онъ подумалъ, что къ Милославскому и Борятинскому подошли на помощь новыя войска. Разсчитывать на толпы мятежныхъ крестьянъ, мордвы и чувашей, которыя въ бояхъ только мѣшали, Разинъ уже не могъ.

Онъ собралъ на совѣтъ только донскихъ казаковъ и съ ними порѣшилъ бѣжать, такъ какъ бой съ воеводами при рѣзкомъ неравенствѣ силъ сулилъ ему только одно пораженіе.

Собравъ астраханцевъ, царицынцевъ, самарцевъ и саратовцевъ, онъ заявилъ имъ, чтобы они стояли на своихъ мѣстахъ, а онъ съ одними донцами выйдетъ противъ воеводъ.

Вмѣсто этого Разинъ съ донцами ночью кинулся на суда и поплылъ внизъ по Волгѣ.

На утро, убѣдившись въ побѣгѣ вожака, разношерстныя толпы мятежниковъ обезумѣли отъ охватившаго ихъ отчаянія.

Борятинскій и Милославскій жестоко расправились съ бунтарями. Побито, потоплено и перевѣшано было много народа.

Недавно еще, хотя и самозванный, но полновластный повелитель по всему нижнему Поволжью, батюшка-атаманушка, Степанъ Тимофеевичъ, идолъ черни, теперь не былъ принятъ ни въ Саратовѣ, ни въ Самарѣ.

Чудодѣйная сила удали и побѣды оставила Степана и люди оставляли его.

Разинъ съ Волги кинулся на родной Донъ.

## XXXVIII.

Но и тутъ атамана ждали неудачи.

Пока онъ распоряжался въ Астрахани и съ такимъ тріумфомъ двигался вверхъ по Волгѣ, горластая, разнузданная голытьба держала верхъ надъ домовитыми казаками и атаманомъ Корнилой Яковлевымъ. Но уже въ сентябрѣ, въ разгаръ славы Разина, когда на кругу въ Черкасскѣ вычитывали привезенную изъ Москвы царскую грамоту, дальновидный Корнило, со слезами на глазахъ, трижды говорилъ:

— Мы отъ вѣры христіанской и отъ соборной церкви отступили. Пора намъ вспокаяться, дурость отложить и великому государю служить по-прежнему.

Домовитые прирожденные казаки поддержали его, бушевали же и перечили атаману нѣкоторые изъ молодежи, да главнымъ образомъ, многочисленные выходцы изъ Московщины—голытьба. Но тутъ уже выяснилось, что этого наноснаго сора на Дону не столь много, какъ прежде. Разинъ увелъ съ собою главные кадры голытьбы и тѣмъ значительно очистилъ отъ вредной примѣси вѣрное царю казачество.

Когда же разбитый подъ Симбирскомъ Разинъ появился бѣглецомъ на Дону, отношеніе къ нему круто измѣнилось. Голытьба поняла, что и на Руси для нея иногда находится кнутъ, и сразу сбавила тона. Въ свою очередь домовитые казаки, наскучившіе смутой, внутренними неурядицами, постоянными тревогами, опираясь на своего умнаго войскового атамана, пріободрились.

Корнило Яковлевъ, воспользовавшись такимъ поворотомъ умовъ на Дону, сталъ дѣйствовать противъ Стеньки рѣшительнѣе и упорнѣе.

Оправившійся отъ ранъ и неудачъ Разинъ, сидя въ своемъ Кагальникѣ, сталъ снова энергично готовиться къ продолженію своего преступнаго дѣла. Но Стенька былъ уже не тотъ орелъ, въ стаю котораго охотно шли. Крылья его оказались уже на смерть подбитыми. Историкъ Костомаровъ говоритъ: «Напрасно Стенька разсылалъ по станицамъ свои воровскія письма. Бѣглецы

изъ Московщины, которые прежде въ такомъ множествѣ толпились на Дону и составляли главную силу мятежнаго полчища, уже прежде были имъ выведены съ Дона». Для прирожденныхъ же казаковъ онъ уже не былъ тѣмъ витяземъ, тѣмъ удалымъ атаманомъ, тѣмъ русскимъ богатыремъ, какимъ былъ годъ назадъ, когда гулялъ на стругахъ по Хвалынскому морю и громилъ царство басурманское. Теперь онъ бунтарь противъ своего законнаго Государя и Отечества.

Для здоровой натуры Донского казака, вся жизнь котораго есть сплошное служеніе своему Царю и Государству, Стенька оказался не ко двору.

Степанъ понялъ такое неблагопріятное для его замысловъ отношеніе и ухватился за послѣднее средство: онъ хотѣлъ страхомъ повести за собой всевеликое войско и своихъ недруговъ, вѣрныхъ Царю казаковъ, онъ сталъ жечь въ печкѣ, какъ дрова. Но тутъ-то и сорвался.

Донъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на неслыханныя звѣрства развѣнчаннаго атамана и весь закипѣлъ противъ него негодованіемъ.

Всевеликое войско теперь дѣятельно сносилось съ Москвою, прося у Государя помощи ратными людьми для окончательной расправы съ Стенькой.

Между тѣмъ, Разинъ не дремалъ. Онъ зналъ, что теперь каждый часъ для него такъ дорогъ, какъ никогда. Ему необходимо было завладѣть Черкасскомъ, ужасомъ и терроромъ удержать его въ своихъ рукахъ, а черезъ него повелѣвать и всевеликимъ войскомъ. Потомъ, уже имѣя въ своемъ распоряженіи такія силы, Разинъ хотѣлъ поспорить съ Москвой и, можетъ быть, отыграться.

Въ февралѣ 1671 года мятежный атаманъ съ своей шайкой подступалъ къ Черкасску, но его не пустили. Онъ удалился снова въ Кагальницкій городокъ, угрожая, что скоро вернется и изведетъ всѣхъ.

Это было той искоркой, которая производитъ взрывъ. Терпѣніе всевеликаго войска лопнуло. Оно рѣшило свести съ Степаномъ окончательные счеты.

Пока въ Москвѣ по церквамъ кричали Стенькѣ Разину анаѳему да снаряжали въ помощь казакамъ тысячный отрядъ отборныхъ рейтаръ и драгунъ для поимки вождя мятежниковъ, возмущенное войско Донское съ атаманомъ Корнилой Яковлевымъ во главѣ, не желая дальше дожидаться Московской помощи, въ первыхъ числахъ апрѣля окружило лодками Кагальницкій городокъ.

14-го апрѣля городокъ былъ взятъ, разрушенъ до основанія, всѣ сообщники Стеньки по войсковому праву были тутъ же по-

вѣшены, кромѣ самого атамана и его брата Фролки. Кажется, тутъ же погибла и семья Разина, состоявшая изъ жены и нѣсколькихъ сыновей.

Подробностей о взятіи Кагальницкаго городка до насъ не дошло. Одни говорятъ, что городокъ былъ взятъ приступомъ послѣ жестокой сѣчи, малороссійская же лѣтопись и иностранцы увѣряютъ, что Корнило, бывшій крестнымъ отцемъ Степана и потому въ свое время имъ пощаженный, будто бы взялъ его обманомъ, вдохнувъ ему надежду на милость Царскую.

Послѣднее едва-ли вѣрно.

Не таковъ былъ Степанъ Разинъ, чтобы повѣрить въ свое помилованіе. Вѣрнѣе предположить, что другого исхода у него не было, дѣваться некуда, а жизнь... что ему жизнь безъ воли, безъ власти, безъ буйства?! Онъ ею никогда не дорожилъ и можетъ быть, своей позорной смертью хотѣлъ хоть отчасти искупить свои великіе грѣхи. Вѣдь ходилъ же онъ когда то въ Соловецкій монастырь на богомолье.

Степана съ братомъ привезли въ Черкасскъ, а чтобы чародѣй не ушелъ, освященной толстой желѣзной цѣпью его приковали къ соборной паперти, иначе говоря, отдали святынѣ на храненіе.

Въ концѣ апрѣля самъ войсковой атаманъ Корнила Яковлевъ съ значнымъ казакомъ Михайлой Самаренинымъ и съ сильнымъ конвоемъ повезъ Стеньку и брата его Фролку въ Москву на судъ и расправу.

## XXXIX.

4-го іюня 1671 года въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что казаки везутъ пойманнаго страшнаго атамана Стеньку Разина.

Толпы народа повалили въ поле ему навстрѣчу.

За нѣсколько верстъ отъ столицы казачій поѣздъ остановился. Съ Степана сорвали его богатыя одежды, нарядили его въ лохмотья и поставили на большую телѣгу съ высокой висѣлицей, прикрѣпивъ его руки и ноги къ телѣгѣ, а за шею цѣпью приковали къ перекладинѣ.

Фролка, прикованный къ телѣгѣ, долженъ былъ бѣжать за ней, какъ собака.

Стенька ѣхалъ съ хладнокровнымъ видомъ, опустивъ глаза, точно боясь, чтобы зѣваки не прочитали того, что у него творится на душѣ.

Братьевъ доставили прямо въ земскій приказъ и начался допросъ.

На всѣ вопросы Стенька не издалъ ни единаго звука.

Его начали пытать.

Связавъ ремнями руки и ноги, его привѣсили къ потолку. Палачъ сѣлъ на ножной ремень и тянулъ тѣло внизъ, стараясь, чтобы руки вышли изъ суставовъ и пришлись вровень съ головой. Другой палачъ концомъ изъ толстой ременной полосы въ пять локтей длины изо всѣхъ силъ наносилъ удары по спинѣ вытянутаго могучаго тѣла богатыря.

Больше сотни было отвѣшено такихъ ударовъ. Вся спина покрылась кровоточивыми полосами.

Ни единаго стона, ни вздоха не вырвалось изъ груди казака. Стоявшіе тутъ приказные и даже палачи, не вѣря глазамъ своимъ, дивились.

Тогда Степану связали руки и ноги, продѣли между ними бревно и положили его на раскаленные угли.

Запахло жаренымъ мясомъ, точно отъ бараньей туши.

Многіе подъячіе не выдержали этого зрѣлища и выскочили изъ застѣнка на воздухъ, но Степанъ не издалъ ни единаго стона, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

Тогда по избитому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ.

Молчалъ Степанъ.

Ему дали передышку и принялись за Фролку.

Тотъ не выдержалъ и сталъ кричать и стонать отъ боли.

— Экая ты баба! сказалъ братъ. «Умѣлъ кататься, умѣй и саночки возить!» Вспомни, какъ мы съ тобой жили, какая слава у насъ была, сколькими тысячами людей мы повелѣвали! Надо умѣть и несчастіе переносить. Да развѣ это больно?! Словно баба уколола!

Тогда Степана стали испытывать самымъ страшнымъ родомъ мученій.

Ему обрили макушку, оставивъ виски.

— Вотъ какъ! пошутилъ Степанъ, обращаясь къ брату. Слыхалъ я, что въ попы ученыхъ людей ставятъ, а вотъ и насъ съ тобой, простаковъ, постригли!

На бритую макушку атаману стали лить по каплѣ ледяную воду. Какъ раскаленнымъ буравомъ пронизывали эти капли черепъ и мозгъ. Никогда ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не могъ перенести этой пытки. Многіе теряли сознаніе, другіе сходили съ ума. Лицо Степана осталось спокойнымъ, ни стона, ни звука не вырвалось изъ его могучей груди.

Все тѣло Степана представляло одну сплошную безобразную массу волдырей.

Палачи съ досады, что ничѣмъ его не доймешь, со всего размаха стали колотить его палками по ногамъ.

Молчалъ казакъ.

По законамъ того времени надо было подъ пыткой добиться сознанія вины отъ самого пытаемаго. Такъ какъ Разинъ молчалъ, то его приговорили къ смертной казни на основаніи очевидныхъ и гласныхъ на всю страну преступленій его.

6-го іюня братьевъ Разиныхъ вывели на Лобное мѣсто противъ храма Василія Блаженнаго. (Покрова Пресвятыя Богородицы). Вся Красная площадь была биткомъ набита народомъ. Съ непроницаемо-гордымъ видомъ взошелъ Степанъ на Лобное мѣсто, спокойно выслушалъ длинный приговоръ, въ которомъ высчитывались его вины и когда по окончаніи чтенія палачъ взялъ его подъ руки, Разинъ обернулся лицомъ къ церкви Василія Блаженнаго, истово перекрестился, потомъ поклонился народу на всѣ четыре стороны и внятно сказалъ: «простите»!

Его положили на помостъ. Палачъ отрубилъ ему сперва правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Кровь фонтанами хлестала на свѣже-тесаныя бѣлыя доски помоста. Степанъ не издалъ ни одного стона, точно онъ не чувствовалъ ни малѣйшей боли...

Фролка не выдержалъ страшнаго зрѣлища и, желая сохранить свою жизнь, закричалъ:

— Я знаю слово Государево!

— Молчи, собака! гнѣвно прошипѣлъ Стенька, такъ, что было слышно въ самыхъ отдаленныхъ углахъ обширной Красной площади.

То были послѣднія слова мятежнаго атамана. Подъ взмахомъ топора буйная голова Степана бухнулась на помостъ и съ тяжелымъ стукомъ покатилась по ступенькамъ.

Голову и разсѣченное на части туловище воткнули на колья, а внутренности бросили на съѣденіе бродячимъ собакамъ.

По свидѣтельству иностранцевъ, Фролкѣ была дарована жизнь съ осужденіемъ на вѣчное тюремное заключеніе.

Но со смертью Степана Разина зажженный имъ пожаръ бунта еще бушевалъ въ тогдашней Юго-Восточной Россіи, по Поволжью и даже прокрадывался къ центру. Но то уже были только отдѣльныя вспышки догорающаго пожарища. Не было объединителя, не было могучей воли Степана, которая одна только могла быть опасной Государству.

Московскіе воеводы боемъ и казнями усмирили бунтъ.

Въ Астрахани Разинскій атаманъ Васька Усъ перебилъ всѣхъ знатныхъ людей, какіе уцѣлѣли отъ руки самого Разина. Въ

концѣ концовъ 11-го мая преступники жгли на огнѣ митрополита Астраханскаго Іосифа и приведя на раскатъ, сбросили на землю.

Тихій Донъ, осудившій на смерть Разина, простилъ своего преступнаго сына. Онъ не хочетъ помнить его бунтъ противъ своего Царя, пролитые имъ потоки родной крови, его богохульство, онъ помнитъ и воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ раннюю пору его дѣятельности, когда онъ, какъ стародавній богатырь, какъ доблестный охотничій атаманъ, ходилъ добывать для своего Государя царство басурманское. Помнитъ Донъ и то, какъ достойно расплатился Степанъ за свои тяжкія вины, какъ мужественно выносилъ онъ муки, какъ передъ смертью помолился на церковь, т. е. примирился съ Богомъ, какъ попросилъ прощенія у народа и какъ безтрепетно—смѣло, чисто по-казачьи глядѣлъ онъ въ очи неминучей, мучительной смерти...

Атаманъ Яковлевъ и значный казакъ Саморенинъ, возвратившись изъ Москвы, разсказали на Дону о послѣднихъ дняхъ мятежнаго атамана.

## XL.

Послѣ того, какъ въ 1671 году Разинъ былъ казненъ, лихіе сподвижники его Васька Усъ, Ѳедька Шелудякъ и другіе еще нѣсколько мѣсяцевъ неистовствовали въ нижнемъ и среднемъ Поволжьѣ.

Васька Усъ умеръ, а Ѳедоръ Шелудякъ попался въ руки воеводы Милославскаго и былъ казненъ.

Послѣ этого мало-по-малу волненіе затихло.

Донъ, полонившій Разина и осудившій его на казнь, въ концѣ августа 1671 года весь поголовно присягнулъ на вѣрность Московскому царю.

Послѣ этого тянутся годы кровопролитной, изнурительной борьбы донцовъ съ ихъ исконными врагами: азовцами, турками, крымцами, ногайцами, черкесами, къ которымъ присоединилась новая могущественная калмыцкая орда, прикочевавшая къ Задонью въ серединѣ XVII-го столѣтія.

Въ началѣ эта дикая, воровливая орда ладила съ всевеликимъ войскомъ и даже совмѣстно съ казаками выступала противъ крымцевъ, азовцевъ и другихъ татаръ, но съ теченіемъ времени это вѣроломное племя сдѣлалось бичемъ казачьихъ городковъ.

Въ то время, какъ казаки по собственному почину или по царскимъ велѣніямъ отвлекались съ Дона въ походы противъ враговъ, большія партіи калмыковъ нападали на казачьи поселе-

нія, рѣзали жителей, жгли бѣдныя жилища, грабили имущество, отгоняли скотъ и лошадей.

Захваченныхъ въ полонъ людей нечеловѣчески мучили.

Возвращавшіеся изъ походовъ казаки, найдя свои городки сравненными съ землей, а семьи повырѣзанными или забранными въ плѣнъ, шли на улусы войной. И месть ихъ была безпощадна и страшна.

При этомъ положеніе казаковъ было самое невыгодное. Тогда какъ одна только калмыцкая орда считала въ своихъ рядахъ отъ 80 до 100 тысячъ бойцовъ, казаки едва могли набрать во всемъ войскѣ 5—6 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, калмыки часто дѣйствовали противъ донцовъ не въ одиночку, а вступали въ союзъ съ азовцами, крымцами, ногайцами и черкесами. И всѣ эти орды обрушивались сразу на эту малочисленную боевую стражу Руси. Но и этого мало: калмыки считались подданными Россіи и, воюя съ казаками, иногда пользовались защитой русскихъ воеводъ, которые круто расправлялись съ казаками. Въ свою очередь донцы, мстившіе калмыкамъ съ соизволенія царя, жаловались ему на дѣйствія воеводъ, всѣми мѣрами защищавшихъ мятежную орду. Получалась безконечная волокита.

И все-таки, несмотря на свое отчаянно-невыгодное положеніе среди цѣлаго сонма многолюдныхъ воинственныхъ ордъ, донцы рѣдко терпѣли пораженія, ихъ-же удары недругамъ не только были страшны, но иногда прямо смертельны. Многія когда-то многолюдныя, сильныя и страшныя для Руси ногайскія орды были или поголовно истреблены донцами, или такъ обезсилены, что не могли уже вредить нашему отечеству.

Въ 1670 году у Россіи былъ заключенъ миръ съ Польшей и Государь приказалъ донцамъ напасть на Азовъ, Крымъ и Турцію.

Казаки, постоянно сдерживаемые волей Царя, приняли это повелѣніе съ величайшимъ восторгомъ. Уже черезъ пять дней они явились подъ стѣнами Каланчинскихъ башенъ, одну изъ нихъ разрушили до основанія, но разлившаяся вода воспрепятствовала имъ довести столь важное дѣло до конца. Однако они успѣли побить много народа, взять 400 плѣнныхъ, отогнать огромныя стада разнаго скота и на 34-хъ стругахъ выйти въ море. Дѣйствія этой казачьей флотиліи были настолько быстры и успѣшны, что наполнили ужасомъ Царь-градъ и всю Турцію. Никто не хотѣлъ идти во флотъ, снаряжаемый противъ донцовъ, а народная молва преувеличила число казачьихъ струговъ до 700.

Доблестный, прославленный своими многочисленными морскими и сухопутными побѣдами Фролъ Минаевъ, вызванный въ Москву

для совѣщанія, клятвенно завѣрялъ, что Донъ выставитъ противъ Турціи 5000 отборныхъ воиновъ и, если Россія дастъ 8000 добраго войска, то съ этими силами онъ не только разгромитъ турецкое Азовское побережье, но приведетъ въ трепетъ и всю Турцію, но онъ-же умолялъ спѣшить присылкой ратныхъ людей.

На призывъ войска къ Черкасскому городку къ 12 іюня стеклось около 10.000 донцовъ, въ іюлѣ прибылъ воевода Хитрово, имѣя въ своемъ распоряженіи только 4.912 человѣкъ. Эту рать должны были подкрѣпить калмыки. Но вѣроломный Аюка-Тайша хитрилъ и ждалъ только случая напасть на казачьи городки и Украйну, какъ только донцы уйдутъ въ походъ.

Пришлось половину казаковъ оставить по городкамъ на Дону для защиты, съ другой половиной и отрядомъ ратныхъ людей идти подъ Каланчинскія башни.

5 Августа соединенные русскіе отряды выступили изъ Черкасска. Ратными людьми командовалъ воевода Хитрово, казаками Корнило Яковлевъ.

Всѣ дѣйствія казаковъ увѣнчивались частичнымъ успѣхомъ, въ станѣ-же ратныхъ людей были непорядки. Солдаты бунтовали и сбѣгали изъ отряда. Достаточно сказать, что только съ апрѣля и по 4 октября 1673 г. изъ отряда Хитрово сбѣжало 1.402 человѣка. Вслѣдствіе непривычныхъ тягостей много народа умирало.

Такъ растаялъ весь отрядъ воеводы Хитрово.

Казаки говорили, что русскіе ратные люди не помощь имъ, а сущее наказаніе Божіе.

Царь приказалъ въ гирлахъ Дона строить крѣпости.

Казаки заявляли, что они—не горододержцы, сидѣть въ крѣпостяхъ не любятъ и умѣютъ драться только въ полѣ, грудь на грудь съ какимъ-угодно врагомъ. Тѣмъ не менѣе, во исполненіе царской воли, они построили крѣпость при устьѣ Некленовой рѣки.

Новый воевода, Хованскій, прибывшій къ Черкасску вмѣсто неспособнаго Хитрово съ 3.000 отрядомъ ратныхъ людей, ничуть не улучшилъ операцій русскихъ войскъ противъ турокъ.

Мелкія-же казачьи партіи, безпрерывно шнырявшія по морямъ, топившія и грабившія суда, выжигавшія села, деревни и города по берегамъ Турціи и Крыма, держали въ постоянномъ страхѣ татаръ и турокъ.

Въ 1675 году Фролъ Минаевъ съ 300 отборныхъ казаковъ, съ княземъ Каспулатъ Черкасскимъ, съ калмыцкимъ мурзой Мазанъ-Батыремъ и съ знаменитымъ запорожскимъ атаманомъ Иваномъ Сѣрко врываются черезъ Перекопъ сухимъ путемъ въ Крымъ,

разбиваютъ огромный отрядъ крымцевъ подъ начальствомъ трехъ султановъ, разоряютъ 37 деревень и селъ и отягченные добычей, стадами и плѣномъ, возвращаются въ Россію.

Всевеликое войско Донское не могло отрядить въ этотъ походъ большихъ силъ, потому что калмыцкій Тайша Аюка уклонился исполнить повелѣніе царя и думалъ напасть на Донъ и Украйну.

Въ это-же время отважный донской старшина Беркулатъ съ 500 казаковъ разгромилъ подъ Азовомъ 20 турецкихъ судовъ, осаждалъ Каланчинскія башни и самый Азовъ, перебилъ множество татаръ и турокъ и каждый разъ съ добычей возвращался въ Черкасскъ.

Въ 1677 году 700 казаковъ опять громили Азовъ и Темрюкъ.

Въ 1678 году донцы въ числѣ 1000 человѣкъ доблестно сражались въ Чигиринскомъ дѣлѣ въ составѣ русскихъ войскъ противъ турокъ и крымскихъ татаръ подъ начальствомъ атамана Михаила Самаренина и полковника Фрола Минаева.

Въ 1679 году казаки разбили трехтысячный отрядъ ногайцевъ, азовцевъ и черкесовъ, перешедшихъ Донъ. Отразивъ непріятелей, донцы подъ предводительствомъ атамана Корнилы Яковлева въ числѣ 3000 человѣкъ двинулись подъ городъ Царевъ-Борисовъ для охраны Украйны отъ набѣговъ татаръ и турокъ.

Содинившись съ войсками князя Каспулата Черкасскаго, донцы настигли враговъ въ степи, когда они возвращались съ добычей и плѣномъ, разоривъ Чугуевъ, Печенѣги, Зміевъ, Соколовъ и другіе украинные города.

Нападеніе казаковъ было столь стремительно, что татары были окончательно разбиты, весь-же обозъ, лошади, награбленное имущество и плѣнные русскіе остались въ рукахъ побѣдителей.

Вѣроломный Аюка-Тайша, получая отъ Московскаго Государя жалованіе, уже въ 1679 году велъ тайные переговоры съ Крымскимъ ханомъ, предлагая передаться ему въ подданство со всей многочисленной калмыцкой ордой.

Донскіе казаки, отражавшіе съ великимъ урономъ для калмыковъ набѣги ихъ на казачьи городки, не разъ освѣдомляли Москву о замыслахъ Аюки. Но кромѣ увѣщаній Москва не принимала никакихъ мѣръ для обузданія калмыковъ.

Крымскій ханъ совершенно справедливо боялся подпускать близко къ своимъ владѣніямъ хищныя и многолюдныя калмыцкія орды, и подданство Аюки и другихъ тайшъ съ ихъ улусами отклонилъ.

## XLI.

Въ 1682 году взбунтовались башкиры и чуваши. Съ ними соединился Аюка съ своимъ братомъ Замсою и съ 40 тысячами калмыцкаго войска.

Они громили Уфу и Мензелинскъ, забрали много плѣнныхъ и стадъ и двинулись на югъ.

2600 донцовъ при атаманѣ Любимѣ Архиповѣ поспѣшили къ Царицыну. Ниже Чернаго Яра казаки узнали отъ двухъ плѣнныхъ калмыковъ, что Аюка кочуетъ на Уралѣ, а его союзники, едисанскіе и другіе татары, которые были съ нимъ подъ Уфою, рѣжутъ по Волгѣ русскихъ людей, подвергая ихъ всевозможнымъ мученіямъ. Казаки, скрытно подойдя, напали на этихъ союзниковъ Аюки и жестоко разгромили ихъ улусы, потомъ спустились ниже по Волгѣ и подъ Астраханью нанесли полное пораженіе мурзѣ Ишею Ишнирину, потерявъ въ обоихъ сраженіяхъ не больше 60 человѣкъ, перебивъ и забравъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ татаръ.

Свѣдавъ отъ плѣнныхъ, что партія едисанскихъ татаръ и калмыковъ идетъ подъ Красный Яръ, Архиповъ отдѣлилъ 1300 казаковъ съ старшиною Сергѣевымъ. Тѣ подплыли къ Красному Яру какъ разъ въ то время, когда татары съ другой стороны подходили къ городу.

Казаки разбили ихъ и многихъ потопили въ рѣкѣ. Аюка-Тайша съ многочисленными полчищами калмыковъ и татаръ спѣшилъ къ Черному Яру, чтобы отомстить донцамъ. Вслѣдствіе этого казаки всю зиму провели въ Красномъ Яру въ безпрерывныхъ битвахъ съ полчищами калмыковъ и татаръ. Этими боями они спасли городъ и нанесли громадный уронъ непріятелю.

Другая партія донцовъ всю зиму отстаивала отъ напора калмыковъ Царицынъ.

Весною калмыки, преслѣдуемые казаками, откочевали въ степи.

Въ маѣ 1683 года донцамъ было приказано вернуться домой.

Но Аюка-Тайша, несмотря на разгромы его полчищъ казаками, надѣясь на многочисленность своихъ ордъ, не только не смирился, но сейчасъ-же, какъ только казаки ушли на Донъ, началъ свои военныя дѣйствія противъ волжскихъ городовъ.

Снова поспѣшно былъ отправленъ на Волгу большой отрядъ донцовъ подъ начальствомъ атамана Максима Лащенова. Въ августѣ казаки уже заняли всѣ мѣста, на которыя могли опрокинуться мятежные калмыки.

Для подкрѣпленія этого отряда былъ двинутъ изъ Черкасска другой отрядъ подъ командой атамана Максима Скалозуба.

Тутъ, видимо, чортъ попуталъ дотолѣ честнаго, доблестнаго атамана.

Дойдя до Пятіизбянскаго городка на Дону, Максимъ задумалъ пойти по стопамъ Разина. У него уже собралось около 3000 человѣкъ казаковъ. На кругу они порѣшили перейти Волгу, взять городъ Терекъ, весною идти воевать Персидское царство и ждать милостивой царской грамоты.

Видимо, силъ на Дону накопилось настолько много, что въ безпрерывной кровавой борьбѣ съ татарскими и калмыцкими ордами ихъ не израсходовать. Эти силы рвались наружу, искали другого болѣе широкаго поприща. И такимъ поприщемъ представлялось завоеваніе Персидскаго царства. Раздѣлившись на два отряда, одинъ подъ командой самого Максима Скалозуба, другой—Калины Родіонова, казаки пошли къ Царицыну, таща за собою лодки.

Царицынскій воевода встревожился. Его посланцы еще за 10 верстъ до города предупредили казаковъ, что ихъ не пустятъ въ городъ. Казаки хотѣли пройти обманомъ. Для ихъ цѣлей имъ необходимо было перетащить свои суда на Волгу.

Воевода вывелъ весь царицынскій гарнизонъ съ артиллеріей за городъ. Произошло сраженіе. Отрядъ Родіонова бился съ царскими войсками пять часовъ. За это время обѣ казачьи части успѣли спустить свои суда на Волгу и соединиться. Царицынскій гарнизонъ, потерявшій много людей, былъ прогнанъ въ городъ.

Испуганный воевода вступилъ съ казаками въ переговоры.

Родіоновъ и 2000 казаковъ раскаялись и ушли на Донъ, Скалозубъ-же съ 1000 человѣкъ на 62 лодкахъ прокрался мимо Царицына и поплылъ внизъ по Волгѣ.

Государь далъ повелѣніе войску Донскому поймать Скалозуба и доставить въ Москву, а сообщниковъ его казнить по войсковому праву.

Но временное затмѣніе удалого атамана, подъ дѣйствіемъ раскаянія его товарища Родіонова и многихъ другихъ казаковъ, прошло тотчасъ-же, какъ только казаки миновали Царицынъ.

Они плыли внизъ по Волгѣ, не тронувъ ни одного городка, ни села, ни даже судна. Мысль ихъ была одна: за свои вины заслужить прощенія государя какой угодно цѣной.

Пройдя Волгой въ Каспійское море, удалые достигли устья Урала и поднялись по этой рѣкѣ вверхъ. Миновавъ Гурьевъ городокъ на два дня ѣзды, казаки напали на улусъ Замсы-Тайши, брата вѣроломнаго и опаснаго Аюки. Совершенно разгромивъ этотъ улусъ, забравъ плѣнныхъ и нагрузивъ свои суда мясомъ, они

достигли кочевій самого Аюки и, напавъ на аулъ тайши, послѣ кровопролитнаго боя не только разгромили его, но заняли и земляное укрѣпленіе, въ которомъ жилъ самъ Аюка.

Это было ихъ спасеніемъ, но на приступѣ донцы потеряли своего храбраго атамана Скалозуба, и на мѣсто его былъ избранъ Иванъ Беркулатъ.

Выборъ оказался удачнымъ.

Едва не попавшій въ руки казаковъ, Аюка, главнѣйшій и самый вліятельный изъ всѣхъ владыкъ калмыцкаго народа, осадилъ казаковъ съ 40 тысячами своего войска.

Пятнадцать дней и ночей Аюка-Тайша водилъ свои войска на приступъ. Казаки дрались богатырски. Калмыки каждый разъ отступали съ огромнымъ урономъ. Но казаки не довольствовались обороной за стѣнами. Они любили полевой бой, на просторѣ, часто дѣлали вылазки и каждый разъ побивали враговъ. Самъ мужественный тайша и его калмыки, понеся значительный уронъ, не имѣли уже нравственной силы атаковывать грозныхъ казаковъ и вынуждены были откочевать къ Волгѣ.

Во всѣхъ сраженіяхъ казаки потеряли 110 человѣкъ. Потери калмыковъ, по показанію плѣнныхъ, превосходили 5000 человѣкъ, въ томъ числѣ былъ убитъ братъ Аюки; еще болѣе оказалось раненыхъ.

Разбивъ опасныхъ враговъ, казаки снова поплыли вверхъ по Уралу. Настала зима. Вытащивъ суда на берегъ, донцы не безъ затрудненій только черезъ недѣлю добрались сухимъ путемъ на отдыхъ до Яицкаго городка. Отсюда Беркулатъ и казаки послали въ Москву станицу бить челомъ Государю о прощеніи. Казаки были помилованы, и всѣ 900 человѣкъ съ величайшими затрудненіями, бросая по дорогѣ больныхъ и раненыхъ, вернулись на Донъ въ Паншинъ городокъ.

## XLII.

Въ 1680 году Россія заключила миръ съ Турціей и Крымомъ. Изъ Москвы донцамъ строго было приказано ни въ коемъ случаѣ не воевать съ азовцами и Крымомъ.

Казаки, скрѣпя сердце и желая исполнить волю Царя, въ продолженіи 5-ти лѣтъ переносили всевозможныя обиды отъ крымцевъ и азовцевъ.

Нѣсколько разъ къ нимъ являлись посланцы отъ запорожскаго войска съ выгодными предложеніями послужить польскому королю противъ Крыма и Турціи, но каждый разъ донцы отклоняли такія предложенія, какъ не согласныя съ волей Царя.

Въ 1684 году азовцы и крымцы, не видя отпора со стороны казаковъ, настолько обнаглѣли, что во время мира разгромили на Донцѣ два казачьихъ городка Каменскій и Луганскій.

Этого уже донцы не въ силахъ были простить, и въ слѣдующемъ году флотилія съ 1000 человѣкъ казаковъ съ атаманомъ Корнѣемъ Матвѣевымъ вышла изъ Черкасска.

Въ устьяхъ Дона 500 конныхъ азовцевъ вздумали было загородить казакамъ путь, но были съ большими для нихъ потерями разбиты и разогнаны. Отсюда казачья флотилія направилась къ Темрюку, но жителей тамъ не нашла. Они ушли изъ города. При обратномъ возвращеніи флотиліи на Казачьемъ ерикѣ азовскій комендантъ со всѣми своими силами встрѣтилъ казаковъ. Произошелъ упорный бой, кончившійся пораженіемъ азовцевъ.

Въ 1685 году другія большія и малыя партіи казаковъ воевали съ азовцами съ перемѣннымъ успѣхомъ. Лѣтомъ въ 1686 году казаки получили отъ Царя позволеніе нападать на турецкія и крымскія владѣнія. Позволеніе было принято съ величайшей радостью. Безпрерывно составлялись морскія и сухопутныя партіи, врывались въ Турцію и Крымъ, внося съ собою ужасъ, смерть и опустошенія.

Весною 1687 года 800 отборныхъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Петра Калмыка вышли въ море, разгромили окрестности Темрюка, истребили много татарскихъ селеній и улусовъ по р. Кубани, но возвращаясь съ добычей на Донъ, темною ночью около Казачьяго ерика были окружены со всѣхъ сторонъ огромными силами азовцевъ, черкесовъ и другихъ татаръ. Всю ночь шла страшная рукопашная сѣча. Мужественные казаки валили вокругъ себя кучи враговъ. Но сила солому ломитъ. Несмотря на то что убитыхъ и раненыхъ враговъ оказалось несравненно болѣе, къ утру казаки потеряли больше 400 человѣкъ убитыми. Атаманъ Петръ Калмыкъ, истекающій кровью, былъ захваченъ въ плѣнъ и впослѣдствіи казненъ. Оставшіеся казаки отошли въ порядкѣ, но 40 струговъ ихъ съ богатой добычею, вытащенные казаками на сушу, были захвачены непріятелемъ.

Между тѣмъ самъ войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ повелъ свой отрядъ въ 500 человѣкъ конныхъ казаковъ и нѣкоторое число калмыковъ на соединеніе съ войсками князя Голицына, дѣйствовавшими противъ Крыма.

На Овечьихъ водахъ отборный отрядъ крымцевъ въ 1000 человѣкъ встрѣтился съ казаками. Произошелъ бой. Казаки и калмыки истребили $^{3}/_{4}$ непріятельскаго отряда, забравъ 50 человѣкъ плѣнными, весь обозъ и отбивъ 90 русскихъ плѣнниковъ.

Казаки пылали мщеніемъ за разгромъ партіи атамана Кал-

мыка и дожидаясь возвращенія изъ Крыма войскового атамана, вмѣстѣ съ калмыками дѣятельно готовились къ осадѣ Азова.

Страшный пожаръ, истребившій весь Черкасскъ, на нѣкоторое время отсрочилъ это рѣшеніе, но когда немного спустя казаки и калмыки приступили къ Азову, то сдѣлать ничего не могли и отступили, не понеся впрочемъ ни малѣйшаго урона.

Казаки готовились съ новой силой нанести удары крымцамъ и туркамъ, но тутъ выступилъ на сцену новый врагъ въ лицѣ русскихъ раскольниковъ.

Весь 1688 годъ казаки вынуждены были провести въ усмиреніи этихъ русскихъ людей, оказавшихся злѣйшими врагами православныхъ казаковъ.

Съ 1689 года и до времени азовскихъ походовъ Петра Великаго жизнь донскихъ казаковъ представляетъ собою сплошную кровопролитную войну на сушѣ и на морѣ. Много славныхъ подвиговъ совершено за эти годы донцами. Пересказать ихъ всѣ немыслимо. Достаточно упомянуть, что донцы мало того, что отряжаютъ свои партіи на подмогу царскимъ войскамъ на разные театры войны, они ведутъ самостоятельные набѣги на Азовъ, Крымъ и Турцію. Но и этого мало. Въ то-же время они ведутъ почти не прекращающуюся войну съ многочисленной калмыцкой ордой, объединившейся подъ владычествомъ стараго знакомаго казаковъ—Аюки-Тайши. Къ нимъ присоединились для совмѣстныхъ дѣйствій противъ казаковъ 20 тысячъ едисанскихъ татаръ. Имъ помогали русскіе раскольники.

Въ этой неравной нечеловѣческой борьбѣ донцы выходятъ всегда побѣдителями.

Въ такомъ положеніи ихъ застигаетъ 1695-ый годъ.

## XLIII.

Какъ извѣстно, донцы нѣсколько разъ брали Азовъ, жителей его облагали данью, но постоянно сталкиваясь со всѣмъ могуществомъ грозной тогда имперіи Османовъ, выпускали его изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. Жизненное-же значеніе этой крѣпости не только для нихъ, донцовъ, но и для всей Россіи они сознавали всегда.

Еще въ 1635 году Московскому послу Василію Струкову они говорили: «Если бы Государь повелѣлъ намъ взять Азовъ, то унялась бы литься кровь христіанская, православные не изнемогали бы въ рабствѣ у невѣрныхъ, тогда бы и самый Крымъ и ногаи склонились подъ Государеву руку». Государь не только не при-

казывалъ казакамъ брать Азовъ, но наоборотъ строго запрещалъ и чуть ли не въ каждой своей грамотѣ подтверждалъ свое запрещеніе.

Тѣмъ не менѣе донцы на свой страхъ и рискъ, не имѣя никакой артиллеріи, въ 1637 году взяли своими малыми силами грозную крѣпость, имѣвшую около 300 пушекъ.

Пять лѣтъ они владѣли ею, и за это время хищныя крымская, ногайская и другія орды, до этого дѣлавшія ежегодные систематическіе опустошительные набѣги на русскія украины, не посмѣли пошевельнуться. Донцы были полными властелинами Азовскаго и Чернаго морей и, разъѣзжая на своихъ челнахъ, наводили ужасъ на турокъ и татаръ.

Съ безпримѣрнымъ геройствомъ и удивительнымъ счастіемъ выдержавъ четырехмѣсячную осаду Азова, веденную всѣми боевыми силами тогдашней Турціи, разгромивъ эти силы, донцы въ послѣдній разъ предлагаютъ своему Государю Азовъ, заявляя, что они по крайнему своему малолюдству и полному отсутствію средствъ не въ силахъ защищать его отъ турокъ, но что они, донцы, готовы на развалинахъ Азова полечь всѣми своими головами съ оружіемъ въ рукахъ.

Россія отдала Азовъ туркамъ даромъ.

Многіе историки и до сего времени держатся того мнѣнія, что эта малодушная уступка мусульманству есть актъ высокой политической мудрости.

Печальныя послѣдствія отдачи Азова неисчислимы для Россіи и для всевеликаго войска Донского. Турки, крымцы ногаи и другія орды укрѣпились еще сильнѣе въ устьяхъ Дона, и русская кровь полилась рѣкой, русское, нажитое трудомъ добро переходило въ руки дикихъ хищниковъ...

Свою ошибку московское правительство сознало; черезъ нѣсколько десятилѣтій присылало свои войска и предписывало казакамъ взять Азовъ и турецкія твердыни въ устьяхъ Дона, но было поздно.

Завоевать Азовъ и утвердить русское господство на берегахъ Азовскаго моря удалось только Державному Исполину Россіи, царю Петру Великому.

Какъ только былъ задуманъ походъ подъ Азовъ, Петръ для отвлеченія турецкихъ силъ отправилъ огромное старое войско около 120 тысячъ человѣкъ подъ командой боярина Бориса Петровича Шереметева къ низовьямъ Днѣпра. Войско-же новаго иноземнаго строя, состоявшее изъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Бутырскаго и Лефортовскаго, изъ Московскихъ стрѣльцовъ, городовыхъ солдатъ и царедворцевъ—всего 31.000 человѣкъ, пред-

назначалось для завоеванія Азова. Желаніе Петра было, во что-бы то ни стало, скрыть отъ турокъ походъ русскихъ войскъ подъ Азовъ.

16 марта 1695 года въ Черкасскѣ была получена царская грамота, въ которой говорилось: «Мы, великіе Государи, указали быть на Нашей службѣ на Дону генералу Нашему Петру Гордону съ солдатскими и стрѣлецкими полками; сбираться имъ въ Тамбовѣ, итти съ Тамбова на Хоперъ, съ Хопра на Донъ въ Черкаской. И тебѣ, войсковому атаману Фролу Минаеву, и всему войску Донскому съ тѣми ратными людьми промышлять надъ непріятелями. Постараться бы вамъ, атаманамъ и казакамъ, чтобы о приходѣ нашихъ ратныхъ людей на Донъ азовцы прежде времени не увѣдали. Пусть указъ этотъ останется въ тайнѣ, чтобы никто, кромѣ тебя, атамана, и старшинъ о немъ не зналъ».

Призывъ Царя былъ встрѣченъ на Дону съ неописуемымъ подъемомъ. Подвижные, горячіе и быстрые въ воинскихъ дѣлахъ, донцы въ одинъ день изготовились къ походу. Поднялись всѣ городки, и только ждали съ великимъ нетерпѣніемъ подхода царскихъ войскъ.

Однако желаніе Петра скрыть свой походъ отъ азовцевъ не осуществилось.

Калмыцкій ханъ Аюка-Тайша, свѣдавъ о задуманномъ русскими походѣ отъ астраханцевъ, немедленно извѣстилъ объ этомъ азовскаго бея.

Не вполнѣ довѣряя вѣроломному Аюкѣ, азовскій бей всполошился и, желая провѣрить его сообщеніе, отрядилъ подъ Черкасскъ партію своихъ войскъ въ 3000 человѣкъ. Старый, доблестный воинъ Фролъ Минаевъ, имѣя подъ рукой только 500 казаковъ, на голову разбилъ азовцевъ, хотя и съ значительными для себя потерями. Взятые азовцами въ плѣнъ 9 казаковъ и сами ничего не знали о намѣреніяхъ русскаго правительства и при пыткѣ молчали.

Азовскій бей отрядилъ партіи татаръ и турокъ для нападенія на русскія украины и взятіе языковъ.

Донцы погнались за татарами и въ кровавыхъ сшибкахъ разсѣяли ихъ.

Казаки были давно готовы къ желанному походу. Драгоцѣнное время шло, а царскихъ войскъ все не было. Старый смертный грѣхъ Москвы—нерадѣніе къ государственнымъ дѣламъ и ужасающая медлительность даже и тутъ, при дѣятельномъ, огненнаго темперамента, Царѣ, сказался рѣзко, во всей силѣ.

Опытный, кипучій атаманъ Фролъ Минаевъ, лучше другихъ знавшій положеніе дѣлъ, негодовалъ и проклиналъ русскихъ за

ихъ непростительную тяжеловѣсность. На дорогахъ къ Астрахани и къ Крымской сторонѣ шныряли казачьи партіи, доставая языковъ и собирая вѣсти о намѣреніяхъ непріятеля. Въ главное войско принесены и вѣсти съ моря, и вѣсти неутѣшительныя: турецкій флотъ доставилъ въ Азовъ свѣжія войска, пушки, снаряды, провіантъ. А о русской рати ни звука. Наконецъ, въ половинѣ іюня стало извѣстно въ Черкасскѣ, что подходитъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Гордона.

Войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ съ знатнѣйшими старшинами выѣхалъ на встрѣчу русскому войску. На Сухомъ Донцѣ недалеко отъ Раздоръ онъ встрѣтился съ генераломъ Гордономъ.

Тотъ передалъ войсковому атаману новое повелѣніе Царя: атаману съ казаками присоединиться къ корпусу Гордона и немедленно итти подъ Азовъ.

Атаманъ и донскіе старшины съ горечью говорили, что войско Донское готово исполнить волю Царя, но идти съ такими малыми силами подъ Азовъ невыгодно для задуманнаго дѣла, лучше подождать бы прихода главныхъ силъ, что благопріятнаго времени такъ много пропущено, что поспѣшностью уже ничего поправить нельзя, а повредить можно.

Разсудительный Гордонъ, видимо, раздѣлялъ точку зрѣнія донскихъ атамановъ, но ослушаться повелѣнія Царя не рѣшился.

Соединенныя войска двинулись къ Азову, и по мѣрѣ того, какъ шли мимо городковъ, къ нимъ присоединялись все новыя и новыя партіи донцовъ.

Едва войска перешли на лѣвый берегъ Дона за Манычъ, какъ развѣдочныя казачьи партіи принесли извѣстіе, что близъ Азова на морѣ стоитъ много турецкихъ судовъ, а на сушѣ огромная татарская конница.

Атаманъ и старшины совѣтовали остановиться лагеремъ на р. Сусатѣ, донести Царю обо всемъ и поджидать подхода главныхъ силъ.

Гордонъ колебался и медлилъ.

Между тѣмъ по показаніямъ языковъ, снятыхъ казаками, въ Азовѣ было 6000 войска, и ожидалось 3 корабля и 10 фуркатъ съ солдатами, снарядами и продовольствіемъ.

Письменное приказаніе самого Великаго Бомбардира, пришедшее къ этому времени, прекратило колебанія Гордона. Царь приказывалъ занять удобный и безопасный лагерь и дожидаться его прихода.

Съ совѣта атамана и старшинъ казаки и армія Гордона стали лагеремъ и окопались 27 іюня при впаденіи Койсуга въ Донъ.

Вскорѣ прибылъ самъ Царь, а 5-го іюля остальныя двѣ осадныя арміи.

Азовъ обложили такимъ образомъ, что армія Головина составляла правое крыло, Гордонъ занялъ центръ, Лефортъ расположился на лѣвомъ флангѣ. Донскіе же казаки въ числѣ 7 тысячъ занимали пространство отъ арміи Лефорта до самаго моря.

Сразу-же выяснились всѣ невыгоды положенія осадной арміи.

Турки, благодаря русской медлительности, успѣли сосредоточить въ Азовѣ значительный гарнизонъ и артиллерію, снабдивъ съ избыткомъ крѣпость одеждой, снарядами, продовольствіемъ.

Поэтому, хотя съ воздвигнутыхъ аппрошей, батарей и редутовъ впродолженіе двухъ недѣль летѣли въ Азовъ бомбы, производя тамъ пожары, но существеннаго вреда крѣпости не принесли.

Зато татарская конница, оттѣсненная донцами отъ Азова, причиняла много безпокойствъ русской арміи со стороны Егарлыцкой степи, нападая въ тылъ осадныхъ корпусовъ и препятствуя доставленію къ арміи снарядовъ и припасовъ изъ лагеря при Койсугѣ (15 верстъ отъ Азова).

Доставлять водою эти припасы не представлялось никакой возможности, потому что по берегамъ Дона стояли турецкія Каланчинскія башни, вооруженныя пушками, а черезъ Донъ были перекинуты толстыя желѣзныя цѣпи для воспрепятствованія казачьимъ стругамъ прорываться на морской просторъ.

Необходимо было овладѣть Каланчинскими башнями. Нѣкоторые историки честь взятія ихъ приписываютъ царской гвардіи, но дневники, веденные генералами Гордономъ и Лефортомъ, и донесенія цесарскаго резидента Плейера неопровержимо свидѣтельствуютъ, что это трудное кровавое дѣло было совершено однѣми казачьими руками.

Самъ Царь вызвалъ охотниковъ изъ казаковъ для взятія одной Каланчинской башни на лѣвомъ берегу Дона, обѣщая каждому удальцу по 10 рублей награды.

Набралось 200 казаковъ. Имъ въ подкрѣпленіе назначенъ былъ солдатскій полкъ Шарфа.

На разсвѣтѣ 14-го іюля казаки-охотники, переплывъ Широкій ерикъ и подкравшись къ воротамъ башни, прицѣпили къ нимъ петарду. Послѣдовалъ взрывъ, но ворота устояли. Разгоряченные казаки, бросившись къ амбразурѣ, быстро расширили ее ломами и черезъ нее ворвались въ башню. Началась ужасающая работа саблями и кинжалами. Турки, какъ всегда въ минуты отчаянія, дрались со страшнымъ ожесточеніемъ. Бой происходилъ раннимъ утромъ, и говорятъ, самъ Царь съ едва сдерживаемымъ волне-

ніемъ смотрѣлъ на башню, ожидая конца разыгравшейся тамъ кровавой драмы.

Только 15 человѣкъ сдалось въ плѣнъ, большинство турокъ пало подъ ударами казачьихъ сабель, остальные бросились въ воду и потонули.

Этотъ первый частичный успѣхъ возбудилъ въ войскѣ радость неописанную.

Безумно смѣлыхъ храбрецовъ привѣтствовалъ самъ великій Царь, его полководцы и солдаты. Въ войскахъ служили молебны.

Но радость эта чуть ли не другой-же день омрачилась великимъ несчастіемъ, едва не погубившимъ великое предпріятіе Петра.

Бѣжавшій изъ русскаго лагеря голландскій матросъ Янсенъ разсказалъ азовскому коменданту о томъ, что русскія войска послѣ обѣда спятъ, и потому это самое удобное время для нападенія на нихъ.

И дѣйствительно, когда русскій лагерь въ томительную жару послѣ обѣда весь погрузился въ сонъ, турки осторожно вышли изъ крѣпости, пустивъ впереди себя одного изъ кубанскихъ или астраханскихъ раскольниковъ.

Этотъ русскій человѣкъ-изувѣръ подошелъ къ цѣпи осадной арміи и будучи окликнутъ часовымъ, отвѣтилъ, что онъ—казакъ.

Убѣдившись, что въ русскомъ станѣ всѣ крѣпко спятъ, онъ далъ знать объ этомъ туркамъ.

Тѣ стремительно ворвались въ лагерь, произвели страшную бойню соннымъ русскимъ и, хотя были отбиты съ большимъ для себя урономъ, однако успѣли увезти 9 полевыхъ орудій и перепортить всѣ осадныя.

Объ этомъ несчастномъ случаѣ Гордонъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «Стрѣльцы и солдаты разсѣялись по полю въ такомъ паническомъ страхѣ, какого я въ жизнь свою не видывалъ. Только подоспѣвшіе съ самимъ Царемъ потѣшные полки спасли отъ окончательнаго пораженія наши войска. Государь былъ огорченъ и недоволенъ на стрѣлецкихъ полковниковъ. Войска пришли въ уныніе. Но казаки новымъ своимъ подвигомъ заставили забыть эту тяжелую неудачу.

Изъ орудій, найденныхъ въ захваченной ими каланчѣ, они открыли такой жестокій огонь по другой крѣпости на противоположномъ берегу, что начальствовавшій въ ней ага, видя невозможность держаться, ушелъ ночью съ гарнизономъ, оставивъ 21 пушку. Покореніе второй каланчи доставило радость и выгоды арміи въ томъ отношеніи, что будары съ запасами воинскими и

съѣстными съ Койсуга могли свободно доставляться войскамъ, облегавшимъ Азовъ».

17-го іюля Петръ писалъ въ Москву: «И слава Богу! По взятіи оныхъ (т. е. каланчей), яко врата къ Азову счастія отворились».

По взятіи башенъ русскія войска вступили на Каланчинскій островъ и по правую сторону Дона, противъ Азова, устроили земляное укрѣпленіе, при построеніи котораго участвовало 200 казаковъ, которые повели отсюда подкопы къ Азову «по своему», какъ записалъ Гордонъ.

Бомбардировка со всѣхъ батарей мало вредила крѣпости, которая постоянно получала подкрѣпленія съ моря.

Приближалось осеннее время съ его холодами, слякотью, испорченными дорогами.

Необходимо было или снять осаду, или рѣшиться на какія-нибудь чрезвычайныя дѣйствія.

На военномъ совѣтѣ Царь, Лефортъ и Головинъ высказались за штурмъ крѣпости, болѣе дальновидный Гордонъ мужественно перечилъ Царю и своимъ боевымъ товарищамъ, называя такую затѣю безразсудной. Онъ доказывалъ, что на крѣпкія, вооруженныя артиллеріей стѣны, въ которыхъ не пробито ни единой бреши, пускать войска, все равно, что вести ихъ на вѣрный убой.

Того-же мнѣнія держались превосходившіе московскихъ воеводъ боевымъ опытомъ донскіе атаманы и старшины.

Тѣмъ не менѣе рѣшено было штурмовать.

Вызвали охотниковъ. Въ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полкахъ никто не шевельнулся и не вышелъ впередъ изъ строя. Всѣхъ страшила трудность задачи. Изъ казаковъ вызвалось 2500 охотниковъ, которые заявили, что если понадобится Царю, то ихъ наберется и больше.

Къ казакамъ придали по 2½ тысячи человѣкъ отъ каждой арміи и всѣхъ штурмующихъ раздѣлили на три колонны.

Не подготовленный артиллеріей, штурмъ 5-го августа не удался. Иностранные инженеры провели подкопы тоже неудачно. Хотя одна колонна, состоявшая изъ казаковъ и изъ солдатъ Бутырскаго и Тамбовскаго полковъ, и успѣла овладѣть однимъ угловымъ бастіономъ, но вторая дѣйствовала вяло и не поддержала первую. Третья колонна, состоявшая изъ 400 казаковъ-охотниковъ на 20 стругахъ подплыла Дономъ къ Азову и съ обычной храбростью бросилась на береговыя укрѣпленія, но вынуждена была отступить подъ залпами артиллеріи.

Русскіе безполезно потеряли 1500 человѣкъ. Уронъ турокъ не превышалъ 200.

Второй штурмъ 25 сентября былъ также неудаченъ какъ и первый. Казаки, въ числѣ 1000 человѣкъ участвовавшіе въ немъ и лучше другихъ понимавшіе неисполнимость замысла, дрались неохотно.

Неудачные штурмы и подкопы лишили армію многихъ славныхъ офицеровъ и солдатъ.

Наступили дожди, слякоть, дороги раскисли, подвозъ провіанта затруднился. Въ арміи уже ощущался недостатокъ жизненныхъ продуктовъ.

Все это заставило Царя снять осаду Азова до весны.

Единственный важный результатъ военныхъ операцій этого года—взятіе каланчей былъ добытъ самопожертвованіемъ и храбростью однихъ только донцовъ.

Каланчи были переименованы въ Новосергіевскую крѣпость, и въ нихъ оставленъ 3000 гарнизонъ подъ командой воеводы Ржевскаго,

Съ 28 по 30 сентября русская армія, дабы не быть замѣченной турками, снималась по ночамъ съ своихъ позицій и отступала въ глубь Россіи къ Валуйкамъ. Орудія и обозы отправлялись въ Черкасскъ.

Войску Донскому было повелѣно оказывать Новосергіевской крѣпости помощь въ случаѣ нападенія турокъ.

## XLIV.

Петръ Великій, наученный горькимъ опытомъ неудачной кампаніи, понялъ, что безъ флота овладѣть Азовомъ нельзя. Всю зиму онъ готовился къ новому походу и съ величайшей энергіей и поспѣшностью строилъ въ Воронежѣ флотъ.

Между тѣмъ послѣ ухода русской осадной арміи турки рѣшили овладѣть Новосергіевской крѣпостью.

Казаки своевременно провѣдали о замыслахъ турокъ, и 1-го января 1696 года изъ главнаго войска къ Новосергіевску двинулось скрытно 2000 отборныхъ испытанныхъ удальцовъ.

По соглашенію съ Ржевскимъ казачій отрядъ залегъ въ скрытныхъ мѣстахъ на пути наступленія турокъ.

Лишь только подошелъ къ Новосергіевску ничего не подозрѣвающій отрядъ азовцевъ, какъ казаки стремительно обрушились на враговъ.

Неожиданность нападенія такъ ошеломила татаръ и турокъ, что тѣ дали тылъ. Казаки многихъ изъ нихъ порубили, много

забрали плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного знатнаго татарина, отъ котораго получили цѣнныя свѣдѣнія.

Плѣнникъ говорилъ, что азовцы ожидаютъ къ себѣ изъ Крыма 900 емановъ и въ большомъ числѣ черкесовъ, ногаевъ и турокъ съ 5000 арбъ, нагруженныхъ провіантомъ, пушками, снарядами и всякимъ мелкимъ оружіемъ для осады Новосергіевска. Предводительствовать этими скопищами будутъ салтаны Шабанъ-Гирей, Капланъ-Гирей и Муртоза-паша. Свѣдѣнія эти подтверждались и 6 русскими, бѣжавшими изъ Азова.

Въ Новосергіевскъ на подкрѣпленіе воеводѣ немедленно-же было послано 400 лучшихъ казаковъ, а на переправахъ и по всей Крымской сторонѣ были усилены казаками разъѣзды и кордоны, въ Москву-же къ Царю была послана съ вѣстями станица, которая повезла съ собою и знатнаго плѣннаго татарина.

Благодаря принятымъ мѣрамъ, собравшаяся въ Крыму орда вмѣсто осады Новосергіевска поворотила на русскія украины. Петръ I-ый былъ отмѣнно доволенъ службой казаковъ подъ Азовомъ и сверхъ обычнаго жалованія прислалъ войску еще 5000 рублей и 3500 четвертей хлѣба.

Въ половинѣ мая 1696 года самъ Царь съ передовымъ отрядомъ былъ уже въ Черкасскѣ.

Чтобы не было раздоровъ между отдѣльными начальниками и разъединенности дѣйствій отрядовъ осадной арміи, такъ гибельно отражавшейся на дѣлѣ въ прошломъ году, главнокомандующимъ всѣхъ войскъ былъ назначенъ воевода Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Въ ожиданіи подхода главныхъ силъ, въ Черкасскѣ шла лихорадочная дѣятельность подъ непосредственнымъ наблюденіемъ неугомоннаго молодого Царя. На суда нагружались пушки, снаряды, всевозможные припасы, оставленные здѣсь съ прошлаго года.

Числа 15 мая станичный атаманъ Леонтій Поздѣевъ, съ 250 казаками наблюдавшій морское побережье, замѣтилъ на морѣ два большихъ турецкихъ корабля.

Казачье сердце разгорѣлось.

У казаковъ не было пушекъ, а борты вражескихъ кораблей были крѣпки и высоки. Тѣмъ не менѣе казаки на своихъ маленькихъ низкихъ стругахъ пошли въ атаку. По однимъ свѣдѣніямъ— смѣльчаки успѣли топорами прорубить бока кораблей, ворваться во внутрь, перебить экипажъ и пустить суда ко дну, по другимъ— они были отбиты артиллерійскимъ огнемъ.

Тѣмъ не менѣе, въ ночь на 18 мая атаманъ былъ съ донесеніемъ въ Черкасскѣ и объ этомъ случаѣ зналъ уже самъ Царь.

Петръ вскипѣлъ. Онъ сообразилъ, какой опасностью для опе-

рацій русской арміи подъ Азовомъ грозитъ появленіе тамъ турецкаго флота. Рѣшеніе было принято мгновенно.

Пѣхотнымъ полкамъ было приказано занять Каланчинскій островъ, дабы воспрепятствовать азовскому бею подать помощь турецкимъ кораблямъ. Самъ-же Царь съ своимъ новымъ флотомъ рѣшилъ атаковать турецкіе корабли.

Донская казачья флотилія подъ предводительствомъ атамана Фрола Минаева должна была провести царскій флотъ въ море и развѣдывать о непріятелѣ.

Къ вечеру 18 мая флотъ былъ уже у Новосергіевска. Собрался военный совѣтъ, состоявшій изъ Царя, Гордона, Головина и атамана Фрола Минаева. На немъ рѣшено было 9-ти царскимъ галерамъ въ сопровожденіи 40 казачьихъ струговъ, вмѣщавшихъ отъ 20 до 30 человѣкъ на каждомъ, выйти въ море и немедленно атаковать непріятельскіе корабли. Гордону-же вмѣнялось въ обязанность выступить съ 3 полками изъ крѣпости и угрожать тылу азовскаго горнизона, если-бы тотъ вышелъ на подмогу своимъ кораблямъ.

19 мая къ вечеру, какъ только стемнѣло, казаки на 40 стругахъ рѣкою Каланчею пустились въ море, за ними съ 9 галерами слѣдовалъ Петръ.

Къ несчастію дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и вода въ протокахъ спала. Верстъ за 8 до впаденія Дона въ море тяжелыя, неповоротливыя царскія галеры, нагруженныя людьми, пушками и снарядами, сѣли на мель, между тѣмъ какъ легкіе казачьи струги свободно прошли по мелководью.

Петръ рвалъ и металъ, но и Державному Исполину не всегда было подъ силу одолѣвать стихіи. Съ великой горечью оставивъ свои галеры, Петръ пересѣлъ въ казачій стругъ и протокомъ Каланчею вышелъ съ одними казаками въ море. Къ общему изумленію въ виду Азова на морѣ стояло не два, а цѣлыхъ тринадцать большихъ вооруженныхъ турецкихъ кораблей съ многими ушколами (галерами), тумбасами (транспортными судами) и мелкими лодками. И корабли, и тумбасы, и ушколы были переполнены солдатами и оружіемъ.

Вступить въ бой на легкихъ казачьихъ стругахъ съ такой махиной турецкаго флота было бы просто безуміемъ, обреченіемъ себя на разгромъ и гибель.

Огорченный и разстроенный Петръ, оставивъ казачью флотилію при устьѣ Каланчи наблюдать за непріятелемъ, отправился въ Новосергіевскъ.

Гордонъ съ войсками и Царь вернулись въ крѣпость, плохо, на-спѣхъ выстроенныя изъ мерзлаго дерева, не вполнѣ вооружен-

ныя галеры съ неопытнымъ экипажемъ только на другой день къ ночи тоже вернулись въ Новосергіевскъ и стали на якорь.

Одинъ на одинъ съ грознымъ турецкимъ флотомъ осталась только жалкая на видъ казачья флотилія.

Она притаилась въ устьяхъ Каланчи за Канаярскимъ островомъ и зорко наблюдала за всѣмъ происходившимъ на непріятельскихъ корабляхъ.

Днемъ на ихъ глазахъ около 500 янычаръ сдѣлали высадку на берегъ и никѣмъ не тревожимые, благополучно вошли и скрылись за крѣпостными азовскими воротами.

Звѣрь передъ лицомъ страстнаго охотника невредимо, непотревоженный, скрылся.

Такое именно чувство испытывали казаки при видѣ янычаръ. Глаза разгорались, сердце часто колотилось въ груди, безумно-отважныя мысли толкались въ головѣ. Правда, враговъ много, враги настолько превышаютъ ихъ кораблями, вооруженіемъ и численностью, что могутъ просто раздавить ихъ. Но развѣ имъ впервой идти одному противъ сотенъ враговъ, развѣ впервой только съ саблями и самопалами въ рукахъ одерживать блистательныя побѣды и отнимать у враговъ и громадные корабли, и пушки? Не попытать ли счастія и теперь? Вѣдь смѣлымъ Богъ владѣетъ! И имъ ли, православнымъ витязямъ, ежечасно, ежеминутно смотрящимъ въ самыя очи смерти, бояться ея. А тутъ по близости молодой Царь—орелъ. Онъ своимъ исполинскимъ ростомъ, своей смѣлостью и простотой, странно сочетавшейся съ прирожденной царственностью, безъ остатка полонилъ ихъ безхитростныя сердца. Они были свидѣтелями его недовольства и огорченія ходомъ дѣлъ подъ Азовомъ. Какъ бы хотѣлось имъ порадовать Его!

Казаки приступили къ войсковому атаману, робко прося его попытать счастія надъ турками.

— Да неужто мы такой случай пропустимъ?—говорили они. Бусурмане прямо къ намъ живьемъ въ руки лѣзутъ, а мы стоимъ—грачуемъ!

Всегда счастливый въ бояхъ, извѣстный своими сухопутными и морскими подвигами еще съ 1659 года, старикъ-атаманъ не меньше своихъ молодыхъ товарищей горѣлъ желаніемъ сразиться, но его удерживалъ приказъ Царя не ввязываться въ бой, не обнаруживать себя врагу, а только скрытно наблюдать за нимъ.

Разсчетливый въ бояхъ, но горячій по темпераменту и, какъ многіе изъ одаренныхъ военныхъ людей, обладавшій высшимъ

даромъ какого-то стихійнаго предвидѣнія, атаманъ отдалъ приказъ изготовиться къ бою и ждать его сигнала.

Томительно тянулись минуты, часы въ ожиданіи атаманскаго знака.

На корабляхъ у турокъ замѣчалась дѣловая суета: тамъ нагружали на тумбасы бочки съ порохомъ, ружья, сабли, бомбы, гранаты, одежду, рисъ, табакъ и прочее.

Передъ вечеромъ транспортъ изъ 13 тумбасовъ, сопровождаемый прикрытіемъ изъ 11 ушколъ, на которыхъ находились вооруженные янычары, отчалилъ отъ глубоко сидящихъ въ водѣ кораблей и медленно пошелъ къ Азову.

Какъ только транспортъ поравнялся съ Каланчинскимъ устьемъ, атаманъ далъ знакъ. Гребцы дружно ударили въ весла, и казачьи челны съ легкостью легкокрылыхъ чаекъ въ мигъ, въ стройномъ порядкѣ одинъ за другимъ вынеслись въ море. Тутъ они быстро, одновременно повернули фронтомъ къ турецкому транспорту и, какъ неожиданная буря, понеслись на него.

Невѣроятно дерзкій налетъ казаковъ въ виду всего могущественнаго флота такъ ошеломилъ и озадачилъ турокъ, что тѣ не успѣли и опомниться, какъ 10 тумбасовъ были уже въ казачьихъ рукахъ, гребцы были перебиты и потоплены, а страшные казаки гнались уже за ушколами, повернувшими къ кораблямъ, и мѣткими выстрѣлами разстрѣливали растерявшихся янычаръ.

Турки знали по опыту гибельныя для враговъ сноровки казаковъ. Эти бородатые дьяволы подскочатъ къ бокамъ кораблей, топорами прорубятъ ихъ и пустятъ со всѣмъ экипажемъ глотать соленую воду, а то возьмутъ на абордажъ, и какъ кочаны капусты полетятъ подъ острыми казачьими саблями головы правовѣрныхъ. Отъ гибнувшихъ на ушколахъ янычаръ, паника передалась и на корабли. Тамъ поднялась невообразимая суматоха. Вмѣсто того, чтобы пустить въ ходъ артиллерію, тамъ поднимали якоря и спѣшили уйти въ море. Два корабля остались на якорѣ. Казаки порубили на нихъ янычаръ, а корабли сожгли.

Казаки съ добычей отошли къ Канаярскому острову, пославъ въ Новосергіевскъ къ Государю гонцовъ съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ.

Вотъ что объ этомъ случаѣ въ своемъ дневникѣ отъ 21 мая говоритъ Гордонъ: «около 10 часовъ утра Государь зашелъ ко мнѣ и разсказалъ, что видѣлъ на морѣ до 20 кораблей и большое число грузовыхъ лодокъ и что, находя нападеніе слишкомъ отважнымъ, велѣлъ галерамъ воротиться. Его Величество былъ скученъ и грустенъ. Въ 3 часа пополудни Государь пришелъ ко мнѣ съ радостнымъ извѣстіемъ, что казаки наканунѣ вечеромъ

напали на турецкій флотъ, повредили и разогнали его, многихъ убили, взяли въ плѣнъ 27 человѣкъ со множествомъ добычи».

Петръ остался чрезвычайно доволенъ новымъ подвигомъ казаковъ и въ награду отдалъ имъ всю добычу, взятую ими у турокъ, кромѣ военныхъ припасовъ.

По свидѣтельству Гордона донцы захватили у турокъ до 700 копій, 600 сабель, 400 ружей, 8000 арш. сукна, огромное количество одежды и провіанта, рису, табаку, уксусу, а также много бомбъ, гранатъ, пороху и проч.

По другимъ свидѣтельствамъ — въ этомъ морскомъ бою турки потеряли, кромѣ потонувшихъ и сгорѣвшихъ, около 2000 человѣкъ убитыми. На отнятыхъ судахъ найдено 50 тысячъ червонцевъ, 70 мѣдныхъ пушекъ, 80 бочекъ пороха, множество свинцу, бомбъ, гранатъ и пр. На корабляхъ взяли 270 человѣкъ плѣнныхъ и одного агу, нѣсколько большихъ кораблей загнали на мель и захватили еще, кромѣ 9 тумбасовъ, 10 нагруженныхъ полугалеръ.

## XLV.

Эта морская побѣда, одержанная 1000 казаковъ надъ турецкимъ флотомъ, имѣла громадное значеніе въ дѣлѣ завоеванія Азова: въ то время, когда главныя силы русской арміи были еще въ пути, турки свободно подвозили къ Азову подкрѣпленія, провіантъ и оружіе.

Царскій флотъ опоздалъ для того, чтобы заградить морской путь къ Азову, одержать-же побѣду надъ турецкимъ флотомъ по своей слабости, неустройству и неопытности царскихъ моряковъ онъ не могъ и думать.

Разгромъ-же, нанесенный казаками турецкому флоту, привелъ турокъ въ такую растерянность, что они долго не рѣшались показываться въ морѣ.

Это обстоятельство дало возможность выиграть время. Прибыли главныя силы и флотъ, состоявшій изъ 22 галеръ, съ которымъ 27 мая Царь Петръ, сопровождаемый всей флотиліей Донскихъ казаковъ, и вышелъ въ Азовское море.

Вновь прибывшія войска въ числѣ 10,000 человѣкъ подъ начальствомъ Регимона безпрепятственно заняли брошенныя въ прошломъ году траншеи. 4000 донцовъ подъ командой походнаго атамана Лукьяна Савинова расположились на лѣвомъ флангѣ осадной арміи по лѣвому берегу Дона.

Турки немедленно-же сдѣлали вылазку, но жестоко побитые

казаками, удалились въ крѣпость и уже ничего больше не предпринимали.

7-го іюня осадная армія тѣснымъ кольцомъ обложила Азовъ. Началась бомбардировка, причинившая крѣпости мало вреда. Числа 14-го въ морѣ показался турецкій флотъ съ 4000 солдатъ подъ командой Анатолійскаго паши Турночи. Двѣ недѣли стоялъ этотъ флотъ въ какой-то нерѣшительности, наконецъ 28 іюня на 24 судахъ турецкія войска направились къ Азову, но едва только зашевелился русскій флотъ, какъ турки, помня недавній разгромъ, понесенный отъ казачьей флотиліи, поворотили въ море.

Между тѣмъ, Нурадинъ-султанъ съ многочисленной татарской конницей проявлялъ большую энергію, каждый день со стороны степи тревожа русскую армію, и только жестокій отпоръ, постоянно даваемый ему конными донцами атамана Савинова, не позволялъ ему нанести большого вреда русскимъ. Наконецъ, на подмогу донцамъ пришли подъ Азовъ 15.000 малороссійскихъ казаковъ. Только тутъ донцы, утомленные безсмѣнной сторожевой службой и постоянными схватками съ татарской конницей, немного отдохнули.

Громадные земляные валы, возведенные вокругъ Азова, и безпрерывная стрѣльба съ нихъ мало подвигали впередъ дѣло завоеванія крѣпости. Отдохнувшіе казаки чувствовали у себя недостатокъ продовольствія и, не любившіе московской медлительности, между собой рѣшили покончить съ крѣпостью разомъ. Съ этой цѣлью они просили Государя, чтобы онъ позволилъ имъ вести приступъ «по своему». Нетерпѣливый и недовольный ходомъ осады Петръ далъ имъ на это разрѣшеніе.

Прибывшій съ устья Дона войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ и наказной гетманъ черкасовъ Лизогубъ, условившись о способѣ дѣйствій, 17 іюля сами повели 2000 охотниковъ-казаковъ на штурмъ.

Казаки пошли на штурмъ съ такой быстротой и рѣшительностью, что опѣшившіе турки въ нѣсколько минутъ были смяты и сбиты съ вала. Казаки по ихъ пятамъ спустились во внутрь крѣпости и, безпощадно разя врага, едва не ворвались за нимъ въ каменный замокъ. Жестокій ружейный огонь изъ-за неуязвимыхъ каменныхъ стѣнъ остановилъ удальцовъ. Солдаты и стрѣльцы видимо пораженные тѣмъ, что происходило на ихъ глазахъ, не тронулись съ мѣста. А между тѣмъ помощь была необходима.

Казаки, потерявъ много людей подъ огнемъ изъ замка, безъ малѣйшаго замѣшательства быстро отошли на валъ и залегли въ угловомъ юго-западномъ бастіонѣ.

Турки, выйдя изъ замка, въ свою очередь напали на каза-

ковъ. Завязался ожесточенный бой. Тогда главнокомандующій вышелъ изъ своего страннаго оцѣпенѣнія и подкрѣпилъ удальцовъ пѣхотою. Послѣ 6-ти часового упорнаго боя казаки и пѣхота снова прогнали турокъ до каменнаго замка, вывезли изъ бастіона 4 пушки, а сами остались на валу, пославъ Великому Бомбардиру извѣстіе, что они взяли Азовскую валовую стѣну и башню.

Петръ, недовольный нераспорядительностью главнокомандующаго, упустившаго драгоцѣнный моментъ для овладѣнія крѣпостью, похвалилъ казаковъ за отмѣнную храбрость и повелѣлъ войскамъ готовиться къ общему штурму.

Но кровавый урокъ, данный казаками, не прошелъ для турокъ даромъ: на другой день, 18-го іюля, азовскій комендантъ выслалъ парламентера Кегая Мустафу Тарибердѣева съ заявленіемъ, что крѣпость сдается съ условіемъ выйти гарнизону въ полномъ вооруженіи, съ женами и дѣтьми.

Петръ согласился на такія условія.

Послѣ завоеванія Азова Царь прожилъ тамъ цѣлый мѣсяцъ, лично самъ распоряжаясь работами по укрѣпленію его.

Въ Азовѣ былъ оставленъ многотысячный солдатскій гарнизонъ съ сильной артиллеріей, русскій флотъ стоялъ при устьѣ Дона, всевеликому войску Донскому повелѣно было всѣми силами поддерживать гарнизонъ крѣпости въ случаѣ нападенія непріятеля.

Историкъ Соловьевъ говоритъ: «Взятіе Азова принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ торжествъ, которыя должны сильно поражать народное воображеніе. Это было первое торжество надъ страшными турками, которые недавно еще разорили Чигиринъ въ глазахъ нашего войска... Русскіе люди впервые были порадованы блестящимъ успѣхомъ русскаго оружія надъ турками».

Да и не только этимъ! Крымцы, какъ и предвидѣли старые донцы, вынуждены были навсегда прекратить свои набѣги на русскія украины, калмыки и ногаи признать не по имени только, а въ дѣйствительности подданство свое русскому Царю, хищныя кубанскія племена должны были откочевать за Кубань. Имъ уже не было мѣста въ Полѣ.

Но рѣзче всего завоеваніе Азова сказалось на положеніи Донского казачества.

Донцы отвоевывали Азовъ въ надеждѣ, что съ паденіемъ его рушится преграда, препятствовавшая имъ выходить въ море, разобьется тотъ крѣпкій замокъ, которымъ запиралась дверь на просторъ.

На самомъ дѣлѣ вышло совершенно обратное: государство

завладѣло Азовомъ и не позволило казакамъ распоряжаться въ морѣ.

Прежде всевеликое войско существовало, какъ независимая боевая община, не всегда согласовавшая свои дѣйствія съ интересами государства.

Теперь войско вынуждено было всецѣло подчинить свои частные интересы пользамъ государства.

Да и само государство Московское уже не такъ удалено было отъ дикаго Поля, какъ прежде. Теперь оно, какъ разросшійся во всѣ стороны могучій, молодой лѣсъ, близко—близко придвинулось къ Полю и настолько окрѣпло, что всякія своевольныя дѣйствія казачества могло задушить въ корнѣ.

Такимъ образомъ время завоеванія Петромъ Великимъ Азова по всей справедливости надо считать и концомъ самостоятельнаго существованія вольнаго Донского казачества, концомъ его собственной исторіи и началомъ слиянія съ государствомъ.

Прежняя вольная, свободная жизнь донцовъ съ лихими походами для добыванія «зипуновъ» кончилась, надо было находить себѣ пропитаніе инымъ путемъ.

Какимъ-же? Въ одной казачьей пѣснѣ поется, что, когда атаманъ спросилъ Петра: «Чѣмъ намъ на Дону кормиться?», Царь отвѣтилъ: «Жить на Дону во миру».

Легко сказать, но какъ это практически выполнить племени, которое ничѣмъ кромѣ войны не занималось, ничего другого не умѣло дѣлать и ко всякому иному труду, кромѣ ремесла воина, относилось съ презрѣніемъ, когда еще въ 1690 году на войсковомъ кругу было подтверждено старое войсковое постановленіе: «бить и грабить того, кто осмѣлится заниматься земледѣліемъ»?

Переходные годы отъ боевыхъ къ мирнымъ въ казачьей памяти остались, какъ самая черная, безпросвѣтная пора. Не нравилась донцамъ и служба съ царскими войсками, подъ начальствомъ воеводъ, не понимавшихъ ихъ духа, ихъ сноровокъ и способностей, но они доблестно и вѣрно служили.

Турки, продолжавшіе войну съ Россіей, въ маѣ 1697 года огромнымъ флотомъ съ дессантомъ подошли къ Азову съ тѣмъ, чтобы осадить его. Сторожившіе ихъ донцы дали турецкимъ бригантинамъ съ высаднымъ войскомъ спокойно и безпрепятственно войти въ устье Дона.

Но лишь только большія, неповоротливыя турецкія суда очутились въ узкой рѣкѣ, казаки на своихъ легкихъ лодкахъ мужественно понеслись на нихъ въ атаку. Произошелъ абордажный

бой. Казаки, понеся весьма незначительныя потери, потопили суда, перебили и перетопили много людей.

Дальнія суда спаслись бѣгствомъ.

Но еще съ февраля этого года большая турецкая армія изъ турокъ, ногайцевъ, татаръ, черкесовъ и другихъ горныхъ кавказскихъ племенъ собиралась около Тамани для осады Азова.

Всевѣдущіе донцы скоро узнали о приготовленіяхъ враговъ и съ легкой станицей послали извѣстіе объ этомъ въ Москву.

Къ іюлю этого года главнокомандующій бояринъ Шеинъ съ арміей и войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ съ казаками были уже подъ Азовомъ и заняли выгодныя позиціи.

Турецкая армія подъ предводительствомъ Калги-султана атаковала русскихъ. 11 часовъ продолжался кровопролитный бой. Турки были разбиты и разсѣяны. Донцы съ легкой вновь сформированной царской кавалеріей ожесточенно преслѣдовали бѣгущаго непріятеля до самаго Кагальника.

Въ 1698 году 1000 человѣкъ донцовъ съ атаманомъ Филипьевымъ участвовали въ арміи князя Долгорукова въ его походѣ противъ крымскихъ татаръ и во всѣхъ сраженіяхъ оказывали чудеса храбрости.

Въ этомъ-же году донцы одержали блестящую побѣду надъ турецкимъ флотомъ близь города Ачуева.

Всѣ эти годы они охраняютъ кавказскую и крымскую границы, ежедневно борясь съ татарскими ордами.

Въ 1700 году съ Турціей былъ заключенъ миръ, и донцамъ запрещено было воевать съ турками и татарами. Началась великая сѣверная война съ Швеціей. Донскіе полки вмѣстѣ съ царскими войсками ушли на непривѣтливый сѣверъ и своими дѣйствіями проявили много доблести и преданности Царю и родинѣ.

Въ 1705 году въ Астрахани вспыхнулъ бунтъ. Стрѣльцы не хотѣли брить бороды и носить новой формы кафтаны, какъ приказывалъ Царь. 30 іюля ночью они убили воеводу Тимофея Ржевскаго и 300 человѣкъ чиновниковъ и знатнѣйшихъ гражданъ, къ донцамъ они отправили посольство изъ 7-ми человѣкъ стрѣльцовъ съ просьбой пристать къ нимъ. Между тѣмъ заволновались терскіе и гребенскіе казаки.

Войсковой кругъ въ Черкасскѣ, выслушавъ мятежниковъ, арестовалъ ихъ, отвѣтивъ: «мы никогда къ такому злому дѣлу не пристанемъ, потому что Великому Государю служимъ вѣрно и неизмѣнно».

Тутъ-же войсковой кругъ единодушно порѣшилъ выступить противъ мятежниковъ.

Отрядъ донцовъ подъ начальствомъ походныхъ атамановъ

Максима Фролова и Василія Поздѣева разбилъ мятежниковъ подъ Царицыномъ и повѣсилъ тамъ-же 100 взбунтовавшихся солдатъ Петровскаго полка. Послѣ этого по недостатку продовольствія донцы ушли домой, оставивъ въ Царицынѣ 900 человѣкъ. Эти казаки спустились къ Черному Яру и заставили засѣвшихъ тамъ мятежниковъ сдаться.

Когда Царицынъ и Черный Яръ были уже въ рукахъ вѣрныхъ казаковъ, бояринъ Шереметьевъ съ русскими войсками взялъ въ Астрахани запершихся тамъ мятежниковъ.

Въ 1707 году на Дону разразился страшный бунтъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Булавинскаго.

Лучшая и самая вѣрная часть войска—прирожденные казаки давно уже ушли съ Дона, и вмѣстѣ съ царскими войсками одни участвовали въ великой сѣверной войнѣ, другіе были въ Польшѣ и въ южной Россіи.

На Дону накопилось множество голутвенныхъ казаковъ—сбродной московской черни, бѣглыхъ крестьянъ, холопей, преступниковъ.

Издавна уже московское правительство запрещало донцамъ принимать бѣглыхъ людей и приказывало выдавать бѣглецовъ. Всевеликое войско, опираясь на свое, освященное временемъ право, никогда такихъ людей не выдавало.

При Петрѣ правительство стало переписывать въ верхнихъ казачьихъ городкахъ бѣглыхъ людей и водворять на прежнее жительство.

Это послужило сигналомъ къ бунту, во главѣ котораго сталъ Бахмутскій станичный атаманъ Кондратій Булавинъ, казакъ смѣлый и буйный.

Главный контингентъ его полчищъ составляли бѣглые крестьяне и холопи, казаки только по названію, голутвенные казаки, человѣческій мусоръ Московскаго государства, такъ часто мутившій Донъ. Изъ чистокровныхъ казаковъ къ Булавину пристали только раскольники. Они-то и составляли его единственно-надежное боевое ядро.

Въ октябрѣ 1707 года войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, собравъ вѣрное казачество, разбилъ 20 тысячныя полчища Булавина, намѣревавшіяся было идти на Москву.

Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье и весною 1708 года съ 3000 запорожцевъ и множествомъ малороссійскихъ казаковъ двинулся къ р. Хопру. Тамъ уже ждали его Драный, Некрасовъ, Хохлачъ и Головъ съ многочисленнымъ войскомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ великороссійскихъ бѣглецовъ.

Съ этими силами Булавинъ двинулся по верхнему Дону и притокамъ.

Городки: Казанскій, Донецкій, Усть-Медвѣдицкій, Правоторовскій и Бурацкій, вѣрные своему Царю, дали мятежнику кровопролитный отпоръ.

Также поступили всѣ городки, расположенные внизъ по Дону, начиная отъ Нижне-Курмоярскаго до Черкасска. Здѣсь традиціи славнаго войска, традиціи вѣрности Царямъ и Россіи были особенно крѣпки въ казачьемъ населеніи.

Войсковой атаманъ съ 5000 вѣрныхъ казаковъ и калмыковъ близь Голубинской станицы встрѣтился съ мятежниками, вступилъ въ неравный бой, но принужденъ былъ отступить.

Булавинъ обманомъ овладѣлъ Черкасскомъ, убилъ войскового атамана Лукьяна Максимова, многихъ старшинъ, въ томъ числѣ доблестнаго Ефрема Петрова. Благородный воинъ, будучи уже въ рукахъ своего палача, мужественно и твердо обличалъ подлую измѣну и преступленія Булавина, за что былъ подвергнутъ мучительнымъ истязаніямъ и наконецъ удавленъ.

Государь отправилъ для усмиренія бунта двадцатитысячный отрядъ подъ начальствомъ князя Долгорукова,—брата убитаго Булавинымъ полковника Долгорукова.

Долгоруковъ приступилъ къ разоренію верхнихъ казачьихъ городковъ и къ жестокимъ казнямъ.

Между тѣмъ Булавинъ, сидя въ Черкасскѣ, посылалъ отряды въ разныя стороны по Дону. Отряды эти потерпѣли пораженіе отъ вѣрныхъ казаковъ и царскихъ войскъ, наконецъ вѣрные казаки Черкасскаго городка 7-го іюля провозгласили войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова и подъ его предводительствомъ осадили курень, въ которомъ находился Булавинъ съ своими сообщниками. Они хотѣли взять его живого.

Булавинъ отчаянно защищался и собственноручно убилъ двухъ казаковъ. Тогда изъ пушекъ и ружей стали громить его убѣжище. Булавинъ застрѣлился изъ пистолета. Сообщниковъ его отправили подъ конвоемъ въ Москву.

Атаманъ Игнатій Некрасовъ съ 600 семействъ казаковъ-раскольниковъ бѣжалъ на Кубань, отдавшись подъ покровительство крымскаго хана.

Въ Булавинскій бунтъ было побито много народа, главнымъ образомъ пришлой голытьбы, казачьи городки по Донцу по Лугански, по Айдару, Деркулу, Калитвамъ, по Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и по Иловлѣ по Иловлинскій городокъ были выжжены, земли у казаковъ отобраны и отданы великорусскимъ и малороссійскимъ поселенцамъ.

Этимъ я и закончу мои очерки по исторіи Тихаго Дона. Дальнѣйшая судьба Донского казачества уже совершенно сливается съ исторіей нашего великаго отечества, какъ часть съ цѣлымъ. Заканчивая-же свой трудъ, позволю себѣ сказать коечто о теперешнемъ положеніи Тихаго Дона.

---

Изъ моего краткаго очерка о прошломъ Донского казачества, въ которомъ обойдены и пропущены многіе славные подвиги казаковъ, мнѣ кажется, становится вполнѣ яснымъ, что это казачество съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно стало извѣстнымъ въ исторіи, было безсмѣннымъ, вѣрнымъ и грознымъ стражемъ Россіи на нашей юго-восточной окраинѣ. Оно сокрушило и привело къ покорности многочисленныя ногайскія и калмыцкія орды, оно оттѣснило за Кубань многія воинственныя горскія племена, оно безперерывной войной въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ ослабляло могущественную Турцію и Крымъ, наконецъ оно широко раздвинуло юго-восточные предѣлы Россіи и подъ скипетръ Московскаго Самодержца покорило необъятную Сибирь.

Послѣ окончательнаго слiянія съ Россіей, заслуги донскихъ казаковъ на боевомъ поприщѣ неисчислимы.

Мало найдется такихъ уголковъ въ Европѣ, гдѣ бы съ пикой и шашкой не побывалъ донецъ. Его бодрую, молодецкую фигуру на добромъ степнякѣ видѣли и снѣжныя вершины Альпъ, Балканъ, Кавказа и Крыма, былъ онъ и въ угрюмой Финляндіи, онъ бралъ Берлинъ, Парижъ, Варшаву, Измаилъ. Не разъ бывалъ подъ стѣнами Константинополя. Вездѣ онъ въ защиту своего Царя и отечества лилъ кровь враговъ и жертвовалъ своей жизнью.

Великій полководецъ Суворовъ всю свою долгую боевую жизнь провелъ среди донцовъ и изъ нихъ-же состояла его личная охрана.

Вотъ какъ отзывался о донцахъ полководецъ Румянцевъ-Задунайскій: «подвиги ихъ противъ непріятеля отлично споспѣшествовали всѣ славные успѣхи россійскаго оружія. Они составляли зимою и лѣтомъ первую стражу арміи, не утомляясь ни нуждою, ни невыгодами, особенно въ необитаемыхъ мѣстахъ. Ихъ бдѣнію и врожденному въ нихъ военному искусству мы особенно обязаны тѣмъ, что непріятель нигдѣ не могъ во вредъ нашъ скрыть своего движенія, но былъ часто самими казаками отбитъ. Казаки, побуждаемые доброю волею и рвеніемъ къ службѣ всюду, гдѣ было столкновеніе съ непріятелемъ, въ малыхъ и большихъ стычкахъ и въ самыхъ генеральныхъ сраженіяхъ, пускались въ огонь первые, отли-

чаясь храбростью чрезвычайною, повиновенiемъ власти и жертвованiемъ самой жизни обрѣтали многiя надъ непрiятелемъ побѣды. Доказательства ихъ мужества, военнаго искусства, старанiя и послушанiя въ дѣйствiяхъ, которыя я или генералы, командовавшiе отрядами, имъ поручали, такъ велики, что описать ихъ трудно и нельзя достаточно похвалить».

А вотъ что писалъ Потемкину не любившiй многословiя великiй Суворовъ: «Храбрость, стремительный ударъ и неустрашимость Донского войска не могу довольно восхвалить».

Удивляли донцы своей храбростью, боеспособностью и самопожертвованiемъ даже такихъ великихъ, враждебныхъ намъ полководцевъ, каковы Фридрихъ Великiй и Наполеонъ.

Не разъ донцы ополчались на защиту отечества всѣмъ войскомъ поголовно. На Дону оставались только дряхлые старцы, женщины да дѣти.

Такъ было въ 1737-мъ, въ 1741-мъ и въ 1812-мъ годахъ, когда никѣмъ не понуждаемые, а добровольно, по призыву своего атамана графа Платова пришли на подмогу своимъ отцамъ и братьямъ 26 Донскихъ казачьихъ полковъ. Въ ихъ рядахъ не было казаковъ служилаго возраста. Тѣ казаки давно уже были на поляхъ сраженiй или-же сложили свои головы, отстаивая отечество. Это были только отроки и юноши, да ихъ старые, сѣдые дѣды... Эти простые, темные дѣды и привели внуковъ, бросивъ послѣднiе рессурсы Дона, т. е. себя и внуковъ на вѣсы кровавой судьбы за общее отечество.

Но вотъ многоговорящiй фактъ: 27 и 28 февраля 1801 года по указу императора Павла I-го весь Донъ въ количествѣ 20.497 казаковъ о дву-конь каждый, при 510 офицерахъ, 500 артиллеристахъ и 500 калмыкахъ выступилъ въ походъ для завоеванiя Индiи. Никто способный носить оружiе не былъ оставленъ дома. Даже только что вернувшихся на Донъ изъ Итальянскаго похода около 800 больныхъ и раненыхъ не оставили дома для возстановленiя здоровья, а забрали съ собою. Хотя указъ былъ тайный и никто, кромѣ войскового атамана и 4-колонныхъ начальниковъ, не долженъ былъ знать о цѣли похода, но какими-то судьбами казаки узнали, что имъ приказано завоевать Индiю.

Въ зимнюю стужу, не обезпеченное фуражемъ и провiантомъ, бросивъ на произволъ судьбы свои домы и семьи, безпрекословно и сознательно пошло все войско Донское на край свѣта, на неимовѣрные труды, нужду и смерть! Ни малѣйшаго признака возмущенiя или ропота не поднималось въ рядахъ обреченнаго на гибель войска. Воля Монарха, какова бы она ни была, должна быть

исполнена! Такъ понимали и понимаютъ свой долгъ передъ Монархомъ донцы.

Внезапная кончина императора Павла положила конецъ этому походу.

Этотъ примѣръ доказываетъ безграничную покорность донцовъ волѣ своего Монарха.

Въ годину Отечественной войны и въ послѣдующіе годы доблесть Войска Донского неоспоримо признана всѣмъ міромъ.

Всѣхъ подвиговъ ихъ не перечесть.

Имена героевъ Дона: Краснощековыхъ, графа Платова, Денисова, Орлова, Ефремова, Ивана Краснова, Бакланова, Данилы Краснова и другихъ ясно свидѣтельствуютъ о заслугахъ Донского казачества въ дѣлѣ защиты отечества.

Появлявшіеся среди донцовъ бунтари никогда не могли увлечь за собой на преступный путь главнаго ядра войска, и само войско Донское обыкновенно справлялось съ такими бунтарями.

Такъ было съ Разинымъ, съ Булавинымъ и Пугачевымъ.

Кстати о Пугачевѣ. Онъ былъ донской казакъ Зимовейской станицы. Знамя бунта онъ поднялъ среди яицкихъ раскольниковъ, назвавшись царемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Донцы знали его по прежней его усердной службѣ въ ихъ полкахъ и обмануть ихъ также, какъ обманулъ онъ яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ и чернь, ему нечего было и пытатьзя. Родной Донъ поднялся на него, разгромилъ его мятежныя скопища, когда они ворвались въ предѣлы области.

Отрядъ полковника Михельсона, разбившій скопища Пугачева и захватившій самого Емельку, состоялъ главнымъ образомъ изъ добровольно вызвавшихся донскихъ казачьихъ полковъ.

Казаки Зимовейской станицы сравняли съ землей жилище Пугачева, съ разрѣшенія Государыни перевели станицу на другое мѣсто, назвали ее Потемкинской, а родъ Пугачевыхъ переименовали въ Сычевыхъ.

Такъ гнушались казаки бунтаремъ Пугачевымъ, опозорившимъ славное имя донца.

Не будемъ касаться далекаго прошлаго, вспомнимъ только недоброй памяти пережитые нами 1905—1906 годы.

Когда чуть ли не вся Русь, подобно взбѣсившейся лошади *),

---

*) Въ данномъ случаѣ, мы находимъ характеристику момента не вполнѣ точной. «Личный составъ» революціи сложился изъ инородцевъ, главнымъ образомъ, евреевъ, и лѣвой интеллигенціи. Этотъ двойственный союзъ организовалъ подонки спившейся деревни и фабрично-заводскую соціалъ-разбойную сволочь. «Революція эта имѣла внѣшній успѣхъ только въ силу растерянности государственной власти и общества. Но Русь вы-

вскинулась на дыбы и пошла крушить у себя на дворѣ все и вся, когда, казалось, не на что было опереться, Тихій Донъ, какъ одинъ человѣкъ, откликнулся на призывъ своего Царя. Онъ не дрогнулъ, не зашатался, не измѣнилъ.

Что стоилъ этотъ походъ казакамъ, ушедшимъ на умиротвореніе Россіи?

Какъ извѣстно, казакъ служитъ на собственномъ конѣ, имѣетъ собственное обмундированіе и снаряженіе, при собственной шашкѣ и пикѣ.

Десятки тысячъ рабочихъ рукъ были оторваны отъ земли, десятки тысячъ лошадей были уведены во внутрь Россіи. Въ результатѣ два года некому было обсѣменить казачьи поля.

То иногородное населеніе, которое правительство систематически, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, всѣми мѣрами втискивало въ Донскую область, распропагандированное и ореволюціонированное жидами и сбитыми съ толка интеллигентами, воспользовавшись отсутствіемъ казаковъ, грозило разорить станицы, перебить стариковъ, женщинъ и дѣтей, а казачью землю раздѣлить между собой. И только потому угроза не была приведена въ исполненіе, что по требованію стариковъ окружные атаманы выдали на каждую станицу по 50 и по 100 винтовокъ съ боевыми патронами...

Политику правительства относительно Дона за послѣдніе 50—60 лѣтъ нельзя признать цѣлесообразной и сколько-нибудь справедливой.

Правительство, разрушивъ стройное, вѣками органически сложившееся казачье самоуправленіе, ничего творческаго, благодѣтельнаго не внесло въ казачій бытъ.

Лишивъ казаковъ свободы выбирать изъ своей среды войсковыхъ атамановъ, оно съ средины прошлаго столѣтія, именно съ 1848 года, когда былъ назначенъ атаманомъ не казакъ Хомутовъ, ни одного прирожденнаго казака уже на это мѣсто не назначало.

На первый взглядъ, какъ будто нѣтъ въ этомъ большой бѣды.

Говорятъ, назначеніе въ войсковые атаманы не-казака обусловливалось опасеніемъ, какъ бы донцы, по примѣру предковъ,

---

двинула противъ революціонныхъ силъ насчитывавшуюся милліонами «черную сотню», которая и раздавила своей тяжелой пятой революцію. «Черная сотня» явилась *основной силой* въ борьбѣ съ революціей, она была силой, около которой централизовалось все остальное.

Разумѣется, мы этимъ не опровергаемъ неисчислимыхъ и высокоцѣнныхъ заслугъ Донскихъ героевъ въ 1905—1906 г.г. *Ред.*

когда нибудь не вздумали идти въ Россію «добывать зипуновъ»,— опасеніе дикое и смѣшное съ точки зрѣнія человѣка, хоть сколько нибудь знающаго теперешній бытъ и характеръ донского казака— вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги престола и отечества. Потомъ, когда въ глазахъ правительства этотъ страшный миражъ разсѣялся, придумали иную причину, а именно: назначеніе на должность атамана прирожденнаго казака породило бы на Дону кумовство, Донъ былъ бы захваченъ въ руки какой-то казачьей олигархіи. Удивительно, какъ будто въ остальной Россіи нигдѣ не процвѣтаетъ кумовство, протекція, радѣніе родному человѣку, и этого не боятся, а вотъ Донъ отъ этого оберегаютъ.

Все было бы хорошо, если бы на отвѣтственную должность войсковыхъ наказныхъ атамановъ назначались всегда люди мало-мальски подготовленные къ управленію этимъ обширнымъ своеобразнымъ краемъ, но къ несчастію, случалось, что этого высокаго, хорошо оплачиваемаго Войскомъ Донскимъ, назначенія удостаивались люди не только не знавшіе быта и духа казака, но иногда даже враждебные ему.

Мнѣ невольно вспоминаются сѣтованія одного донского старожила, по своему положенію прикосновеннаго къ донскимъ атаманскимъ кружкамъ. «Представить себѣ не можете, съ горечью говорилъ онъ,—какихъ людей даютъ намъ въ атаманы. Пріѣдетъ такой генералъ въ Новочеркасскъ, никогда въ глаза не видавшій жизни казачьей, и начинаетъ строчить приказы и вводить реформы, а между тѣмъ знакомство его съ краемъ настолько убогое, что иногда цѣлый годъ ему растолковываютъ, что такое казачій земельный паекъ. Наконецъ человѣкъ освоился, хоть въ теоріи-то понялъ эту казачью азбуку, смотришь его ужъ и убрали, а вмѣсто него прислали другого сановника, и снова начинается та же волынка... Согласитесь, что нельзя-же учиться управлять краемъ на живомъ народномъ тѣлѣ... Ну, а какъ такое управленіе отзывается на самомъ несчастномъ казакѣ, лучше и не говорить.

Погубили Донъ, доканали казака окончательно, и никто-то тамъ въ Петербургѣ видѣть этого не хочетъ»...

Правительство такъ было озабочено расказачиваніемъ многоцѣннаго исторически-сложившагося типа казака, такъ разсыропливало этотъ однотипный человѣческій матеріалъ, что по статистическимъ даннымъ къ 1 января 1910 года въ Донской области собственно казачьяго населенія обоего пола числилось 1.318.504 человѣка, причисленныхъ къ казакамъ калмыковъ 30.997 человѣкъ, иногороднихъ же 1.636.134 человѣка.

Нашъ обновленный государственный строй покуда принесъ донцамъ только однѣ бѣды и горе.

Часто приходится слышать вопросъ, почему вѣрноподданное Донское казачество, такъ неопровержимо и блистательно доказавшее въ минувшіе смутные годы свою непоколебимую вѣрность Престолу, высылаетъ въ Государственную Думу однихъ кадетовъ и революціонеровъ? Отвѣтъ на это до-нельзя простъ: Донское казачество совсѣмъ не высылаетъ своихъ представителей въ нашу нижнюю палату.

И вотъ почему: донская казачья интеллигенція, получившая образованіе во всероссійскихъ школахъ, въ политическомъ смыслѣ такъ-же погублена, какъ и россійская. Она также заражена оппозиціонностью правительству и соціализмомъ.

Но самое главное вотъ что: при значительномъ перевѣсѣ иногородняго населенія передъ казачьимъ, населенія распропагандированнаго «товарищами» и евреями, населенія завистливаго, темнаго, анархичнаго, при выборахъ въ Государственную Думу оно высылаетъ такое количество выборщиковъ, что они своей численностью всегда подавляютъ выборщиковъ чисто казачьяго происхожденія. Помимо этого все казачье населеніе вмѣстѣ съ калмыками, составляющее около 1.350.000 душъ имѣетъ въ Государственной Думѣ только одного своего представителя, и это тогда, когда армянскій городъ Нахичевань на Дону и населенный иногородними Александровскъ-Грушевскъ, едва ли каждый изъ нихъ насчитывающій по 50.000 жителей, имѣютъ тоже по одному своему представителю.

Выходитъ такъ, что въ глазахъ правительства интересы цѣлаго исторически-заслуженнаго Донского казачества равноцѣнны интересамъ сравнительно недавно возникшихъ городишекъ, изъ которыхъ одинъ армянскій, другой иногородній.

Но и этого мало. Выборный правительственный законъ фактически устранилъ казаковъ отъ выбора и своего единственнаго-то представителя въ Думу. Выборы на Дону происходятъ не по куріямъ, а общіе. Поэтому одна какая-нибудь партія, имѣющая численный перевѣсъ, сплошь проводитъ въ Думу только угодныхъ ей людей, людей своей партіи.

Такъ какъ лѣвыя партіи, въ силу численнаго перевѣса иногородняго и инороднаго населенія надъ казачьимъ, въ Донской области берутъ перевѣсъ надъ правыми, то онѣ и являются хозяевами положенія на выборахъ и проводятъ въ Думу тѣхъ, кого хотятъ, т. е. исключительно лѣвыхъ.

Вотъ характерный фактъ выбора въ 4-ю Государственную Думу представителя отъ казачьяго населенія и калмыковъ.

Всѣхъ собравшихся со всей области на выборы насчитывалось около 125 человѣкъ. Точной цифры не помню.

Выборщиковъ собственно отъ казачьяго и отъ калмыцкаго населенія было между ними только 18. Изъ этихъ-то 18-ти надо было выбрать въ Думу одного, но выборы производились всѣми наличными голосами.

Изъ числа этихъ 18-ти, составлявшихъ всю казачью курію, 15 выборщиковъ, видя по ходу дѣла, что признанный ими достойный кандидатъ—правый ни въ коемъ случаѣ не пройдетъ въ Думу, что выбирать будутъ не они, а тѣ лѣвые иногородніе и инородцы, на сторонѣ которыхъ оказался численный перевѣсъ, заявили о своемъ нежеланіи участвовать въ выборахъ и ушли изъ зала. За ними послѣдовали многіе выборщики другихъ курій изъ прирожденныхъ казаковъ.

Въ избирательномъ залѣ изъ казачьей куріи осталось только трое: одинъ молодой калмыкъ—помощникъ присяжнаго повѣреннаго, одинъ учитель—оба лѣваго толка—и одинъ станичный атаманъ—мелкій чиновникъ.

Изъ этихъ 3-хъ и предстояло выбрать достойнаго представителя въ нижнюю палату отъ всего казачьяго и калмыцкаго населенія Дона.

Всѣ пятнадцать выборщиковъ казачьей куріи, еще на предвыборныхъ собраніяхъ замѣтивъ странное поведеніе выборщика—станичнаго атамана, тутъ приступили къ нему съ требованіемъ присоединиться къ нимъ и уйти изъ зала. Но тотъ предпочелъ отмалчиваться.

Прямые, пылкіе казаки наговорили чиновнику въ лицо много «лестныхъ» словъ и на томъ покончили, потому что другого имъ ничего и не оставалось, за то не-обидчивый чиновникъ теперь въ качествѣ единственнаго представителя всего Донского казачьяго населенія украшаетъ своею особой лѣвыя скамьи Государственной Думы.

По здравому разумѣнію какой-же это представитель историческаго казачества, если казачьи выборщики отказались отъ выборовъ его и выбранъ онъ исключительно голосами иногороднихъ и инородцевъ, ненавидящихъ казаковъ?

Остальные 11 членовъ Государственной Думы отъ Донской области были выбраны шутя, безъ всякой борьбы, численно сильнѣйшимъ лѣвымъ блокомъ, т. е. опять-таки иногородними и инородцами. И хотя среди выбранныхъ членовъ Думы есть нѣсколько человѣкъ прирожденныхъ казаковъ, но это казаки отщепенцы, интеллигенты, продавшіе право своего первородства лѣвымъ партіямъ за «чечевичную похлебку» и служащіе не интересамъ породившаго ихъ казачества, а какъ разъ наоборотъ—интересамъ выбравшихъ ихъ лѣвыхъ партій.

Само собою разумѣется, что при такомъ выборномъ законѣ и при практикующейся системѣ выборовъ дѣйствительное представительство Донскихъ казаковъ въ нашей Государственной Думѣ ни въ коемъ случаѣ невозможно.

И пусть въ Россіи, имѣющей очень смутное понятіе о казакахъ, не удивляются, что въ Государственной Думѣ отъ Донской области засѣдаютъ только мирно-обновленцы, кадеты и «товарищи».

Тихій Донъ, т. е. древле-историческое казачество въ Думу никого не посылаетъ и лишено закономъ всякой возможности кого-либо послать туда, выбираетъ и посылаетъ въ Думу своихъ представителей Донская область, т. е. главнымъ образомъ иногородная и инородная часть ея.

Въ силу того обстоятельства, что Донскіе казаки не имѣютъ своихъ дѣйствительныхъ представителей въ Госуд. Думѣ, получаютъ одобреніе и силу такіе законы, которые не только нарушаютъ интересы казачества, но по своей вопіющей несправедливости губятъ и революціонизируютъ казаковъ, убиваютъ въ нихъ вѣру въ существованіе какой-либо правды и справедливости на Руси.

Къ такимъ недоброй памяти законамъ относится законъ о городовомъ положеніи въ Новочеркасскѣ, введенный съ 1 января 1913 года.

На первый взглядъ кажется, что ничего незакономѣрнаго и страшнаго нѣтъ въ томъ, что въ Новочеркасскѣ такъ-же, какъ и въ другихъ городахъ Россійской имперіи, ввели городовое положеніе.

На самомъ-же дѣлѣ при ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ незначительный фактъ является жестокимъ нарушеніемъ казачьихъ правъ и привиллегій, ведущимъ къ расказачиванію и гибели казачества.

Донское казачество издревле владѣетъ тою землей, которую оно мечемъ и кровью отвоевало и въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій отстаивало отъ турецко-татарскихъ ордъ. За неисчислимыя и важныя заслуги свои передъ Престоломъ и Родиной земля эта на вѣчныя времена закрѣплена и утверждена за казаками многими грамотами Всероссійскихъ Вѣнценосцевъ. Земля эта никакому отчужденію не подлежитъ и является собственностью не имперской, а единственно собственностью Войска Донского. Такъ какъ въ число ненарушимыхъ и незыблемыхъ привилегій Войска Донского входитъ и внутреннее самоуправленіе, то распоряжаться казачьей землей и устанавливать то или иное го-

родское самоуправленіе, особенно въ своемъ главномъ городѣ области, имѣютъ право только сами казаки и никто больше.

Между тѣмъ принудительнымъ навязываніемъ казакамъ городового положенія въ ихъ областномъ городѣ право на ихъ самоуправленіе жестоко нарушено.

Городъ Новочеркасскъ построенъ на казачьей землѣ, а не на общеимперской, войсковыя зданія, соборъ, церкви, мостовыя, водопроводъ, монументы, сады, аллеи и проч. воздвигнуты исключительно на войсковыя, а не на общеимперскія деньги. Цѣнность всѣхъ этихъ сооруженій измѣривается многими милліонами. Государство ни одной своей казенной копѣйки сюда не вложило, ни одного вершка своей казенной земли не дало. Надъ построеніемъ города въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ трудились два рабочихъ казачьихъ полка. Такимъ образомъ выходитъ, что и по закону, и по здравому смыслу городъ Новочеркасскъ есть чисто войсковое казачье достояніе и ничье больше.

Такимъ образомъ юридическимъ владѣльцемъ областного города является Войско Донское во всей своей совокупности и никто больше.

Между тѣмъ въ этомъ казачьемъ городѣ появилось иногородное населеніе изъ лавочниковъ, приказчиковъ, аптекарей, рабочихъ, ремесленниковъ и людей всевозможныхъ профессій. Люди эти прижились, многіе разбогатѣли и вѣроятно чувствовали себя не дурно, разъ оставались въ Новочеркасскѣ, а не выселялись изъ него.

Городъ Новочеркасскъ съ самаго своего основанія и до нынѣшняго 1913 года самоуправлялся такъ-же, какъ и всѣ казачьи станицы. Это былъ довольно чистый, чинный, тихій городокъ. Единственно, чѣмъ онъ отличался отъ другихъ «благоустроенныхъ» россійскихъ городовъ, это—полной безопасностью населенія у себя въ домахъ и на улицахъ; о современномъ бичѣ всѣхъ россійскихъ городовъ—хулиганствѣ тамъ знали только по наслышкѣ.

Теперь же вмѣстѣ съ городскимъ «благоустройствомъ» Новочеркасскъ осязательно ознакомился и съ хулиганами. Были уже случаи, когда они нападали на мирныхъ обывателей среди бѣла дня на главныхъ улицахъ.

Введеніемъ городового положенія въ городѣ Новочеркасскѣ неказачье населеніе этого города получило на чужую собственность, которую оно не наживало, такія-же права, какъ и хозяева этого города—казаки. При этомъ съ казаковъ не сложена ихъ обязанность поголовнаго отбыванія воинской повинности на собственный счетъ, за то за отобранную у нихъ часть правъ на ихъ имуще-

ство навязаны новыя повинности государственныхъ и городскихъ налоговъ.

Такимъ образомъ иногородные обыватели, получивъ ни за что ни про что права на чужую собственность, въ видѣ земли, сооруженій, имуществъ и капиталовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ то преимущество передъ казачьимъ населеніемъ города, что они свободны отъ отбыванія воинской повинности за собственный счетъ. Казакамъ же за то только, что лишили ихъ хозяйскихъ правъ, вмѣсто одного ярма нацѣпили на шею два.

Выходитъ такъ, что къ хозяину дома пріѣхалъ гость и поселился у него. Хозяинъ о немъ забылъ, а когда вспомнилъ, то оказалось, что по проискамъ гостя какой-то высшій судъ призналъ гостя совладѣльцемъ дома не только на равныхъ правахъ съ подлиннымъ хозяиномъ, но даже не наложилъ на новаго совладѣльца тѣхъ обязанностей, какія издревле несетъ хозяинъ.

Не правда-ли какъ это справедливо?

И можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что казаки не отстаивали своихъ правъ, не доказывали высшимъ властямъ той вопіющей несправедливости, которую онѣ собираются сдѣлать?

Нѣтъ, казаки доказывали съ исчерпывающей полнотой всю государственную невыгоду отъ нарушенія ихъ правъ, просили, молили защитить ихъ, стучались во всѣ двери. Все тщетно! Законъ получилъ силу и дѣйствуетъ. А вѣрноподданный Донъ замолчалъ, просить правды и справедливости пересталъ, потому что пришелъ къ убѣжденію, что ея не добиться.

Какимъ-же образомъ прошелъ такой несправедливый законъ въ нашихъ палатахъ, получилъ утвержденіе и силу?

Вотъ что по этому поводу говорится въ приговорѣ станичнаго сбора Новочеркасской станицы отъ 1-го ноября 1909 года за № 228. «Не было принято никакихъ мѣръ къ ознакомленію со взглядами многочисленнаго казачьяго населенія города (24.309 душъ) и его пожеланіями по вопросу предполагаемой реформы, а также и о согласіи его добровольно отказаться отъ упомянутыхъ правъ и привиллегій, которыя отъ него отпадаютъ съ введеніемъ въ Новочеркасскѣ общаго для всей Имперіи городового положенія; да и самыя работы комиссіи велись съ такой кабинетной замкнутостью», что казаки узнали о нихъ только случайно, когда работы были закончены, и проэктъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ.

Члены Государственной Думы отъ Донской области, всѣ принадлежащіе къ лѣвымъ политическимъ партіямъ, одни враждебные казакамъ, другіе отщепенцы—казаки тоже естественно не поже-

лали считаться съ взглядами казаковъ и поспѣшно провели законъ о городовомъ положеніи въ Думѣ, прошелъ онъ какъ-то съ удивительной для насъ молніеносностью и въ Государственномъ Совѣтѣ и удостоился утвержденія.

Высшее мѣстное начальство Донской области, несмотря на 49 приговоровъ казачьихъ станицъ, протестовавшихъ противъ введенія этого несправедливаго закона, проглядѣло какъ то его утвержденіе и вдругъ зашевелилось уже тогда, когда законъ вошелъ въ силу.

«Экспропріація, какъ говорится въ цитированномъ мною выше приговорѣ, то есть безвозмездное отобраніе у войска и отдача въ полную собственность пришлому элементу общественной войсковой казачьей земли 10.425 дес. 881 кв. саж.» со всѣми войсковыми зданіями, церквами, монументами—совершилась и совершилась съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ обрядностей.

Въ Новочеркасскѣ введено городовое положеніе общаго въ Имперіи типа, согласно закона 11-го іюня 1892 года, не взирая на то, что и въ обществѣ, и въ печати, и въ правительственныхъ сферахъ давно уже говорятъ о непригодности этого типа управленія и о необходимости его существеннаго измѣненія.

Иногородніе и отщепенцы-казаки своего добились и результаты уже начинаютъ сказываться: не засоренное паразитнымъ племенемъ Донское казачество, ревниво въ продолженіе вѣковъ не пускавшее въ свою родную землю евреевъ, теперь уже подвергается ихъ нашествію: на улицахъ Новочеркасска появились жидовскіе магазины и лавки.

Поговариваютъ о введеніи городового положенія и въ окружныхъ станицахъ (уѣздные городки). Что-жъ, «лиха бѣда начать», а начало уже положено.

Помимо ограбленія казачьяго населенія въ пользу иногороднихъ, такія мѣропріятія ведутъ къ тому, что племя іудеевъ крѣпко осядетъ въ Новочеркасскѣ и окружныхъ станицахъ и оттуда свои длинныя, цѣпкія, липкія щупальца протянетъ по всему Тихому Дону. Пройдетъ немного лѣтъ и боевое, заслуженное передъ родиной сословіе окажется въ полной матеріальной и нравственной кабалѣ у преступнаго племени.

Вотъ какъ отблагодарили Россія свою вѣрную рыцарскую стражу, вотъ какимъ способомъ она разрушили одинъ изъ самыхъ непоколебимыхъ устоевъ Престола!

Сдвинуть или разбить его однимъ ударомъ нельзя да и до очевидности глупо и небезопасно, слишкомъ велика сила его сопротивленія, за то почти незримо, незамѣтно, подло подточить вполнѣ возможно, и подтачиваніе уже началось...

«Одна бѣда не живетъ», говоритъ русская пословица. Вслѣдъ за первой бѣдой жди другую, а тамъ третью, пока слѣпой рокъ не устанетъ со всего размаха опускать свою тяжелую руку на обреченную голову.

Не такъ давно, вопреки Высочайшимъ грамотамъ о неотчуждаемости казачьей земли въ собственность иногороднимъ, вопреки ст. 5 приложенія къ 689 ст. тома IX-го произведено насильственно безвозмездное отчужденіе казачьей земли въ пользу города Александровскъ-Грушевска, населеннаго исключительно пришлымъ элементомъ. Также недавно состоялось разъясненіе Сената о допустимости отчужденія казачьихъ земель въ постороннюю собственность по земской давности, между тѣмъ какъ предшествовавшее разъясненіе того-же Сената 1894 года давало казакамъ увѣренность въ томъ, что самъ законъ оберегаетъ ихъ собственность отъ отчужденія.

Благодаря разъясненію Сената 1894 года, казаки не приняли своевременно мѣръ къ прекращенію давностного пользованія ихъ землею лицами пришлыми. По послѣднему-же разъясненію Сената огромное количество казачьей земли расхищается этими лицами на основаніи земской давности. Эти противорѣчивыя разъясненія Сенатомъ одного и того-же закона о владѣніи казаками ихъ собственной землею являются чѣмъ-то въ родѣ капкана для скорѣйшаго обезземеливанія Донского казака.

Теперь на Дону со страхомъ и трепетомъ ждутъ новой бѣды, проведенія новаго закона о введеніи земства въ Донской области.

Тѣ-же члены третьей Государственной Думы отъ Донской области, которые наградили Донъ городовымъ положеніемъ въ г. Новочеркасскѣ, чуть ли не съ молніеносной быстротой провели въ Думѣ проэктъ закона о земствѣ, но къ счастію ли казаковъ, или это только временная агонія, — проэктъ этого закона пока еще застрялъ въ Государственномъ Совѣтѣ и несмотря на чрезвычайныя усилія отцовъ этого проэкта, тѣхъ членовъ Государственной Думы 3-го созыва, которые попали и въ 4-ую, этотъ неудачный проектъ до сихъ поръ еще не разсмотрѣнъ.

Для Дона введеніе земства дѣло уже не новое. Въ либеральные 60-ые и 70-ые годы въ средѣ нашего правительства укоренился взглядъ на казаковъ, какъ на сословіе, которое, потерявъ свое окраинное положеніе, оказывалось ненужнымъ и нецѣлесообразнымъ въ мирномъ государствѣ. Результатомъ этого убѣжденія въ 1876 г. на Дону было введено земское положеніе на основаніяхъ закона 1864 г., т. е. совершенно не считаясь съ особенностями несенія государственныхъ повинностей казаками и во всемъ приравнивая ихъ къ крестьянамъ. Но уже въ слѣдующемъ 1877 году выяснилась

полная несостоятельность этой затѣи: казаки ни за что не хотѣли платить денежныхъ земскихъ повинностей, не хотѣли имѣть дѣла вмѣстѣ съ иногородними и проявляли такую острую вражду къ ненужнымъ имъ земскимъ учрежденіямъ съ значительнымъ штатомъ ненужныхъ людей, содержащихся на ихъ трудовыя деньги и корчащихъ изъ себя чиновниковъ, что даже не считавшееся съ ихъ голосомъ тогдашнее либеральное правительство вынуждено было обратить на это вниманіе.

Началось среди казаковъ глухое броженіе. Дѣло пахло опаснымъ взрывомъ. Собирались комиссіи, разсуждали, какъ заставить казаковъ носить новый непривычный имъ хомутъ, но въ концѣ концовъ Военное Министерство, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Донская область, пришло къ выводу, «что своеобразное устройство области Войска Донского и въ особенности лежащая на казакахъ поголовная воинская повинность, представляютъ условія, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, и поэтому признало заслуживающимъ полнаго вниманія мнѣніе большинства членовъ комиссіи относительно измѣненія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ для примѣненія къ Области Войска Донского».

Дѣло было передано на заключеніе Государственнаго Совѣта, который въ журналѣ своемъ отъ 20 марта 1882 года за № 28, между прочимъ выразился такъ: «содержащіяся въ обсужденномъ представленіи данныя доказываютъ съ полной очевидностью, что по исключительнымъ условіямъ, въ коихъ находится казачество, законоположенія о земскихъ учрежденіяхъ не могутъ дѣйствовать въ Донской области на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ они были къ ней примѣнены. Поэтому необходимость коренныхъ измѣненій въ опредѣленномъ этими узаконеніями порядкѣ завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами не подлежитъ сомнѣнію».

Уже 24 марта того же годъ Государь Императоръ Александръ III-й своимъ чуткимъ русскимъ сердцемъ понялъ, что въ угоду либеральнымъ утопистамъ нельзя насиловать и обездоливать цѣлое доблестное сословіе и мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ.

Такъ кончило свое существованіе выдуманное въ либеральныхъ канцеляріяхъ земство на Дону, но подлинное то земство съ отбываніемъ казаками земскихъ повинностей натурой существовало на Дону издревле, существуетъ и теперь.

Члены Государственной Думы Донской области ничего лучшаго не придумали, какъ старое положеніе о земствѣ, такъ скандально одинъ разъ сорвавшееся, теперь кое-гдѣ подкрашенное и заштука-

туренное провести въ нашей нижней законодательной палатѣ 3-го созыва.

Если правительство подаритъ казаковъ этимъ новымъ закономъ на старыхъ дрожжахъ, то въ примѣненіи его къ жизни на Дону его ждетъ новый неизбѣжный и скандальный провалъ. Если-же правительство будетъ упорствовать, то вызоветъ ненужное и крайне вредное возбужденіе и сопротивленіе. Зачѣмъ-же дѣлать все по указкѣ кадетовъ и «товарищей» на утѣху и радость враговъ Россіи?! Что за несчастная у насъ правительственная система!

На Дону съ давнихъ поръ существовало обязательное обученіе воинскому строю, владѣнію конемъ и оружіемъ малолѣтокъ, достигшихъ 17-тилѣтняго возраста. Они обучались на станичныхъ площадяхъ подъ руководствомъ опытныхъ и отвѣтственныхъ инструкторовъ изъ льготныхъ урядниковъ.

Все населеніе станицы отъ мала до велика слѣдило за обученіемъ молодежи, въ свободные отъ работъ зимніе дни любовалось молодецкими упражненіями и гордилось подготовкой юныхъ воиновъ.

Этотъ узаконенный прекрасный обычай имѣлъ огромное воспитательное и дисциплинирующее значеніе для подростающихъ казачьихъ поколѣній.

Подъ давленіемъ подстроеннаго жидами и интеллигентами «общественнаго мнѣнія» Военное Министерство вскорѣ послѣ «освободительной» смуты распустило инструкторовъ и погубило прекраснѣйшій древній обычай на Дону.

Старые казаки—отцы и дѣды недовольно ропщутъ на такую отмѣну, молодежь въ свободные зимніе дни вмѣсто строевыхъ занятій пьянствуетъ, бездѣльничаетъ, озорничаетъ и отбивается у отцовъ отъ рукъ.

Удивительно тутъ то, что въ настоящее время не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ искусственно формируются потѣшныя дружины, а на Дону, гдѣ эти потѣшные искони сами собой органически выросли и сформировались, само Военное Министерство ихъ разрушило.

На основаніи закона 26 мая 1835 года станичныя общества были надѣлены землей по расчету 30 десятинъ на каждаго казака, причемъ оставалась еще и запасная земля на случай увеличенія народонаселенія. Кромѣ того былъ еще и войсковой земельный запасъ. Въ 1906 году казачій надѣлъ уменьшился до 12 дес., въ настоящее время онъ уже меньше 10 дес.

Между тѣмъ, издавна поселившіеся на Донскихъ казачьихъ земляхъ частные коннозаводчики захватили по даннымъ Военнаго Министерства 753.541 дес., по другимъ даннымъ—784.687 дес. и 167.000 дес. взято подъ калмыцкое коневодство.

Такимъ образомъ около 950.000 десятинъ войсковой казачьей земли долгое время не приносило войску ни единаго гроша. Потомъ правительство стало ремонтировать регулярные кавалерійскіе полки лошадьми изъ этого Задонскаго коннозаводства.

Войску Донскому за пользованіе землей установлена была плата въ 3 коп. съ десятины. Наконецъ въ 1900 годахъ вслѣдствіе неотступныхъ настаиваній войскового начальства, Военное Министерство стало ежегодно отпускать въ войсковое казначейство сперва по 538,000 рублей, а въ послѣднее время по 1.791.300 р. въ возмѣщеніе за пользованіе этой землей. Между тѣмъ арендныя цѣны въ тѣхъ мѣстахъ таковы, что войско могло бы выручать за нихъ около 8.000.000 рублей ежегодно.

Тутъ-же выходитъ такъ, что Войско Донское, поступаясь своими общественными интересами, за свой счетъ должно выращивать лошадей для регулярной кавалеріи, т. е. не для потребностей Войска Донского, а для потребностей государства. Почему-же Донскіе казаки и безъ того малоземельные, раззоренные, несущіе такія тяготы по отбыванію воинской повинности, какой не несетъ никакая другая область въ Имперіи, и тутъ должны жертвовать своими интересами въ пользу государства?

Мало этого, такъ повелось, что государство, присвоивъ себѣ полную монополію на родившихся и выроіценныхъ въ Задонскихъ казачьихъ степяхъ лошадей, до послѣдняго времени не позволяло казакамъ пріобрѣтать у донскихъ коннозаводчиковъ строевыхъ лошадей.

По освободительному акту 19 февраля 1861 года отпущеннымъ на волю донскими помѣщиками крестьянамъ нарѣзано 2.051.195 десятинъ земли, на самомъ дѣлѣ принадлежащей не помѣщикамъ, а всему казачьему населенію Войска Донского.

Съ этого же года правительство, озабоченное уничтоженіемъ ненужнаго казачества (было тогда такое довольно сильное теченіе), всѣми мѣрами способствовало внѣдренію на Дону иногороднихъ переселенцевъ, а положеніемъ 21 апрѣля 1869 года разрѣшило лицамъ иногородняго происхожденія покупать казачьи усадебныя постройки и эксплоатировать казачьи земли.

Съ открытіемъ въ Новочеркасскѣ 28 февраля 1885 г. отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка казачья земля поплыла въ руки иногороднихъ. Послѣдній крестьянинъ-пропойца имѣлъ право брать ссуды на покупку земли, казакъ-же лишенъ этого права. Двери банка для него закрыты наглухо и заколочены. Казаки хлопотали, чтобы и имъ позволено было съ помощью крестьянскаго банка покупать землю. Долгіе годы попытки эти были тщетны. Не знаю, какъ это дѣло стоитъ теперь.

Развѣ въ этомъ мѣропріятіи правительства не видно явнаго

желанія обезземелить казака въ пользу крестьянина и развѣ не ясно, что у Россіи есть любимые, хотя, можетъ быть, и не оправдывающіе сентиментальныхъ надеждъ сынки и есть нелюбимые пасынки!

Къ числу неотъемлемыхъ, казалось бы, казачьихъ привиллегій относится безпошлинное винокуреніе и торговля виномъ въ предѣлахъ области. Это давало станицамъ значительный доходъ и позволяло сводить концы съ концами по снаряженію недостаточныхъ казаковъ на царскую службу.

Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія этотъ доходъ былъ отобранъ отъ станицъ въ пользу войска, а войско отчисляло станицамъ по расчету 50—56 коп. на человѣка ежегодно.

Но съ введеніемъ въ 60-хъ годахъ въ Донской области акцизной системы доходъ у станицъ отъ питейнаго дѣла былъ совсѣмъ взятъ. Правительство отобрало у Войска завѣдываніе питейнымъ дѣломъ, выплачивая ему ежегодно по 1,239,000 руб.

Тогда, т. е. въ 1863 году, такая перемѣна платежа за самовластно отобранную доходную статью, составляющую утвержденную Монархами привиллегію, можетъ быть, была и справедливымъ возмездіемъ, но теперь, когда ежегодный валовой доходъ съ Донской области къ 1906 году исчислялся въ 18, а чистый въ 14 милліоновъ рублей, бросать войску ничтожную подачку, установленную 50 лѣтъ назадъ, какъ будто не совсѣмъ прилично.

Словъ нѣтъ, съ древне-московской торговой точки зрѣнія, конечно, мудро получать 14 милліоновъ и изъ нихъ владѣльцу бросать ничтожныя подачки. Но кромѣ большой мудрости во внутренней политикѣ, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, нужно хоть немножко и справедливости.

И безъ того Донское казачество, хотя и не уплачивая никакихъ государственныхъ налоговъ, несетъ натурой такое тяжкое государственное бремя, какое ни одна область, ни одна губернія въ цѣлой Имперіи не несетъ и вполовину.

По подсчету комиссіи генералъ-лейтенанта Маслаковца—стоимость службы Донскихъ казаковъ, а также всѣхъ матеріальныхъ затратъ ихъ и всего войска на общегосударственныя потребности ежегодно выражается въ сравнительно колоссальной суммѣ, а именно 42.980.000 рублей.

Въ настоящее время въ казачьихъ донскихъ станицахъ безпрепятственно можетъ жить всякій иногородній пришелецъ. Среди этихъ господъ попадаются нерѣдко экземпляры не только сомнительнаго поведенія, но и прямо преступнаго образа мыслей. Эти господа развращаютъ и распропагандировываютъ казачью молодежь. Старики ропщутъ, но справиться съ этимъ зломъ безсильны. Прежде казаки могли удалить изъ своей среды всякаго пришельца,

теперь-же они имѣютъ право изгнать порочнаго члена своей общины, но пришелецъ считается личностью неприкосновенной. Создалось такое положенiе циркуляромъ покойнаго премьеръ-министра Столыпина, которымъ онъ лишилъ казаковъ ихъ древняго права выдворять отъ себя станичнымъ приговоромъ всякихъ вредныхъ пришельцевъ.

Отсюда полное безправiе и безсилiе казаковъ въ борьбѣ съ развивающимся хулиганствомъ, съ наплывомъ съ сѣвера того мусора, которымъ, какъ грязнымъ иломъ, затягивается порядливая, дисциплинированная, благообразная казачья жизнь.

Такимъ образомъ выходитъ, что обязанности казаковъ по отношенiю къ Имперiи остались тѣ же, какiя были и встарь, хотя выполненiе ихъ, вслѣдствiе все повышающейся общей дороговизны жизни, съ каждымъ годомъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе, права же и преимущества казаковъ Имперiей постепенно нарушаются, отбираются и сводятся на нѣтъ. Тогда какъ же понимать и какое придавать значенiе хотя бы слѣдующимъ словамъ Высочайшей грамоты, данной Войску Донскому Императоромъ Александромъ I-мъ 19 ноября 1817 года: «Въ довершенiе Всемилостивѣйшаго благоволенiя Нашего къ Донскому Войску, Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Бозѣ почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенiя, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей окружности его владѣнiй, со всѣми выгодами и угодьями, грамотами Любезнѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великiя 27-го Маiя 1793-го года и Нами въ 1811-мъ году Августа въ 6-й день утвержденную и толикими трудами, заслугами и кровiю отцовъ ихъ прiобрѣтенную».

Всѣ эти права и преимущества, дарованныя Войску Донскому, подтверждены всѣми послѣдующими россiйскими Монархами и нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ.

«Всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять», сказалъ Петръ Великiй.

Императорскiя грамоты, подписанныя Всероссiйскими Самодержцами, пока онѣ не отмѣнены, надо полагать—тѣ-же законы.

Если права и преимущества частныхъ лицъ ревниво охраняются всей мощью государства и отбираются только за особо тяжкiя преступленiя приговорами суда съ соблюденiемъ всѣхъ законныхъ формальностей, то мнѣ кажется, права и преимущества цѣлаго исторически-заслуженнаго сословiя требуютъ къ себѣ еще болѣе осмотрительнаго отношенiя со стороны государства.

Если это сословіе совершило особо тяжкія преступленія передъ отечествомъ, то пусть Имперія въ своихъ законодательныхъ палатахъ судитъ его открыто, отбираетъ то, что неоспоримо заслужено его предками и укрѣплено за нимъ самимъ закономъ, и объявитъ, что недостойные потомки доблестнаго сословія за такія-то вины лишены перешедшихъ къ нимъ по наслѣдству правъ и преимуществъ.

Тогда обѣимъ сторонамъ—и судящей, и подсудной—станетъ сразу легче хотя бы отъ одного того, что устранится великое лицемѣріе, въ силу котораго Имперія своей властью отбираетъ у казаковъ одно право за другимъ, объясняя свои мѣропріятія пользою для нихъ. А казаки, какъ та овца, съ которой понемножку снимаютъ шерсть и шкуру, причиняя длительную боль, все остается недовольной оказываемыми ей «благодѣяніями».

Отнявъ же законодательнымъ путемъ всѣ права и преимущества, освободивъ казаковъ и отъ особыхъ ихъ воинскихъ обязанностей, Имперія можетъ тогда съ легкимъ сердцемъ перекраивать ихъ органически вѣками сложившійся бытъ по своему хотѣнію, можетъ ввести ненужное, разорительное земство, имѣетъ право узаконить за собою давно отобранный питейный доходъ, отдать иногороднимъ и инородцамъ не только казачьи земли, не только одинъ областной городъ, но и всѣ станицы, поселки, хутора. Однимъ словомъ, государство на вполнѣ законномъ основаніи дѣлало бы то, что хотѣло, вплоть до уничтоженія самого имени казака, столь ненавистнаго еврейству и всѣмъ враждебнымъ государству элементамъ.

Но пока этого почему-то не случилось, отнимать по частямъ права и преимущества, оставляя казакамъ въ утѣшеніе только неощутимую тѣнь ихъ въ видѣ свитковъ несоблюдаемыхъ законовъ и Высочайшихъ грамотъ, за то требуя очень ощутимыхъ обязанностей, согласитесь, нелогично, несправедливо, не мудро, а главное—беззаконно.

Мѣстныя власти, убаюканныя благополучнымъ житіемъ, тишиной и миромъ, доносятъ куда слѣдуетъ, что на Дону «все обстоитъ благополучно».

Покорный, дисциплинированный характеръ казаковъ—этихъ вѣрныхъ слугъ Престола и Отечества—тому порукой.

Вотъ тутъ то и сказалось неизбывное горе казаковъ въ томъ, что въ войсковые атаманы назначаютъ сановниковъ, никакими кровными узами, никакими интересами не связанныхъ съ Дономъ, не знающихъ его нуждъ, не дорожащихъ его правами и преимуществами.

Они чужіе казачеству и казачество чужое имъ.

Какъ наша государственность страдаетъ отъ обилія инород-

чины въ средѣ власти, инородчины часто равнодушной, а подчасъ прямо враждебной русскимъ интересамъ, такъ и интересы казачества далеки отъ сановниковъ, для которыхъ мѣсто войскового наказного атамана только карьера, только видная ступень къ высшимъ должностямъ, только «приличный» войсковой окладъ, равный двумъ-тремъ окладамъ иныхъ членовъ Государственнаго Совѣта.

Я не дѣлаю никакихъ двусмысленныхъ намековъ, я знаю, что среди донскихъ атамановъ - не-казаковъ, были люди высокой доблести и чести, искренно любившіе и цѣнившіе казака. Однимъ изъ таковыхъ былъ и доблестный генералъ-адъютантъ П. И. Мищенко. Но я знаю, психологію людей среднихъ, дѣлающихъ служебную карьеру, а такихъ подавляющее большинство. Что имъ интересы чуждаго имъ сословія? Вѣдь если онъ, атаманъ, станетъ ихъ отстаивать, пойдетъ противъ господствующаго на верхахъ теченія, онъ въ концѣ концовъ окажется неугоднымъ начальству, а тогда прощай карьера, власть, многотысячный окладъ, все личное благополучіе.

Не лучше ли плыть по теченію, не перечить власти, во всемъ поступать согласно съ «видами» правительства, хотя бы «виды» эти постепенно и незамѣтно свели казачество на нѣтъ.

Больше основаній надѣяться, что атаманъ изъ прирожденныхъ казаковъ, ближе знающій нужды породившаго его сословія, лучше разбирающійся въ его бытѣ и больше цѣнящій его права и преимущества, такъ сказать, насквозь органически пропитанный ими, крѣпче станетъ отстаивать ихъ, какъ нѣчто свое родное, цѣнное, неотъемлемое отъ все нивеллирующихъ, все обезличивающихъ властныхъ теченій.

Наши высшія власти не со зла, не по враждебности къ казачеству, наносятъ ему сокрушительные удары, а по незнанію и по старой привычкѣ все на Руси подгонять подъ одну мѣрку.

И при теперешнемъ положеніи вещей разъяснить и вступиться за кровные интересы казаковъ некому.

Я ничего не буду говорить о настроеніи въ казачьей средѣ, ограничусь только замѣчаніемъ, что оно разительно измѣнилось съ 1905—1906 годовъ. И не казаки тому причиной...

Одинъ умный малороссъ, родившійся и всю жизнь прожившій среди казаковъ, въ разговорѣ обмолвился многознаменательной фразой, что на Дону теперь «тыхо-тыхо, ажъ кыпіть». (Тихо-тихо ажъ кипитъ). Въ объясненіе своихъ словъ онъ сказалъ, что когда начинаютъ нагрѣвать воду, то она шипитъ, булькаетъ и пѣнится, когда же она доведена до степени кипѣнія, то булькать и шипѣть перестаетъ.

Жизнь мало чему научаетъ русское общество и русское правительство. Они на все смотрятъ черезъ чужіе очки, мѣряютъ

чужою мѣркою и часто и очки и мѣрки незамѣтно навязаны имъ ихъ же врагами.

Смутные 1905—1906 годы воочію доказали, кто сталъ грудью за Царя и порядокъ и кто производилъ разгромы, бунты. И въ первыхъ рядахъ за Царя стали казаки вообще, донскіе въ частности, и ихъ усиліямъ, ихъ самопожертвованію Россія главнымъ образомъ обязана водвореніемъ порядка. Но судьба казаковъ удивительна въ нашей исторіи. Лѣтописцы часто смѣшивали этихъ вольныхъ витязей, приходившихъ съ Дона для защиты Россіи отъ иноземцевъ, съ самозванными казаками—разбойниками, отребьемъ русскаго народа, московское правительство, страха ради передъ турскимъ султаномъ или крымскимъ ханомъ, неизмѣнно во всѣхъ своихъ дипломатическихъ актахъ отпихивалось отъ нихъ, называя ихъ ворами, разбойниками, людьми, никому не подчиненными. Ученые мужи—историки все это принимали за чистую монету и такъ въ своихъ многотомныхъ трудахъ и трактовали всѣхъ казаковъ, какъ безшабашную вольницу, какъ воровъ и разбойниковъ. Такъ о нихъ думаетъ и наше общество. Боюсь, что нѣчто подобное случится и въ отдаленномъ будущемъ. Наша жидовская и ожидовѣвшая печать въ годы смуты клеветала на казаковъ и обливала ихъ помоями. Пройдутъ года, вымрутъ очевидцы и участники событій нашихъ дней, изгладится изъ памяти грядущихъ поколѣній и характеръ дѣяній и роль казачества въ подавленіи смуты. Ученые мужи будутъ рыться въ архивахъ, будутъ читать клеветническій еврейскій хламъ и, по своей природѣ историка принявъ клевету за чистую монету, напишутъ исторію нашей смуты... такую исторію, по которой казаки окажутся мятежными «палачами», пьяной кровожадной вольницей, возмутившейся противъ своего отечества, сжигавшей помѣщичьи усадьбы, села, города, избивавшей старцевъ, женъ и дѣтей и наконецъ усмиренной и прогнанной возставшимъ противъ бунтарей изстрадавшимся и измученнымъ народомъ...

Все возможно.

Мнѣніе, что роль казаковъ кончена, совершенно ошибочно.

Я отвѣчу на это словами прекрасной записки, поданной въ свое время колежскимъ совѣтникомъ В. С. Ивановымъ бывшему войсковому Наказному Атаману Войска Донского барону Таубе: «Правда, нынѣ нѣтъ дикихъ ордъ, опустошающихъ своими набѣгами окраины Россіи, казачьи станицы перестали быть воинскими станами и казалось бы, что поэтому нѣтъ болѣе нужды и въ самомъ казачествѣ, существовавшемъ въ былое время исключительно для защиты отъ тѣхъ кочевниковъ русскихъ окраинъ.

«Но говорящіе такимъ образомъ, очевидно, не приняли въ расчетъ современное положеніе политической жизни государствъ,

а именно, что при быстро развивающемся среди народовъ земного шара милитаризмѣ, цѣлыя государства, вооружаясь съ ногъ до головы, превращаются въ воинскіе станы...

«Если принять все это во вниманіе, то невольно придемъ къ несомнѣнному выводу, что казачій историческій культъ воспитанія военныхъ людей не только не является отжившимъ, но наоборотъ онъ какъ нельзя болѣе согласуется съ отвѣчающимъ духу времени идеаломъ военнаго воспитанія всѣхъ россійскихъ гражданъ.

«Всѣ отмѣчаемыя и отмѣчавшіяся когда-либо исключительныя достоинства казачьихъ войскъ вырабатывались не однимъ только прохожденіемъ различныхъ уставовъ военной службы и шагистикой, а совокупностью всѣхъ условій ихъ жизненнаго склада, въ томъ числѣ и исторически сложившимися формами и порядками ихъ общежитія».

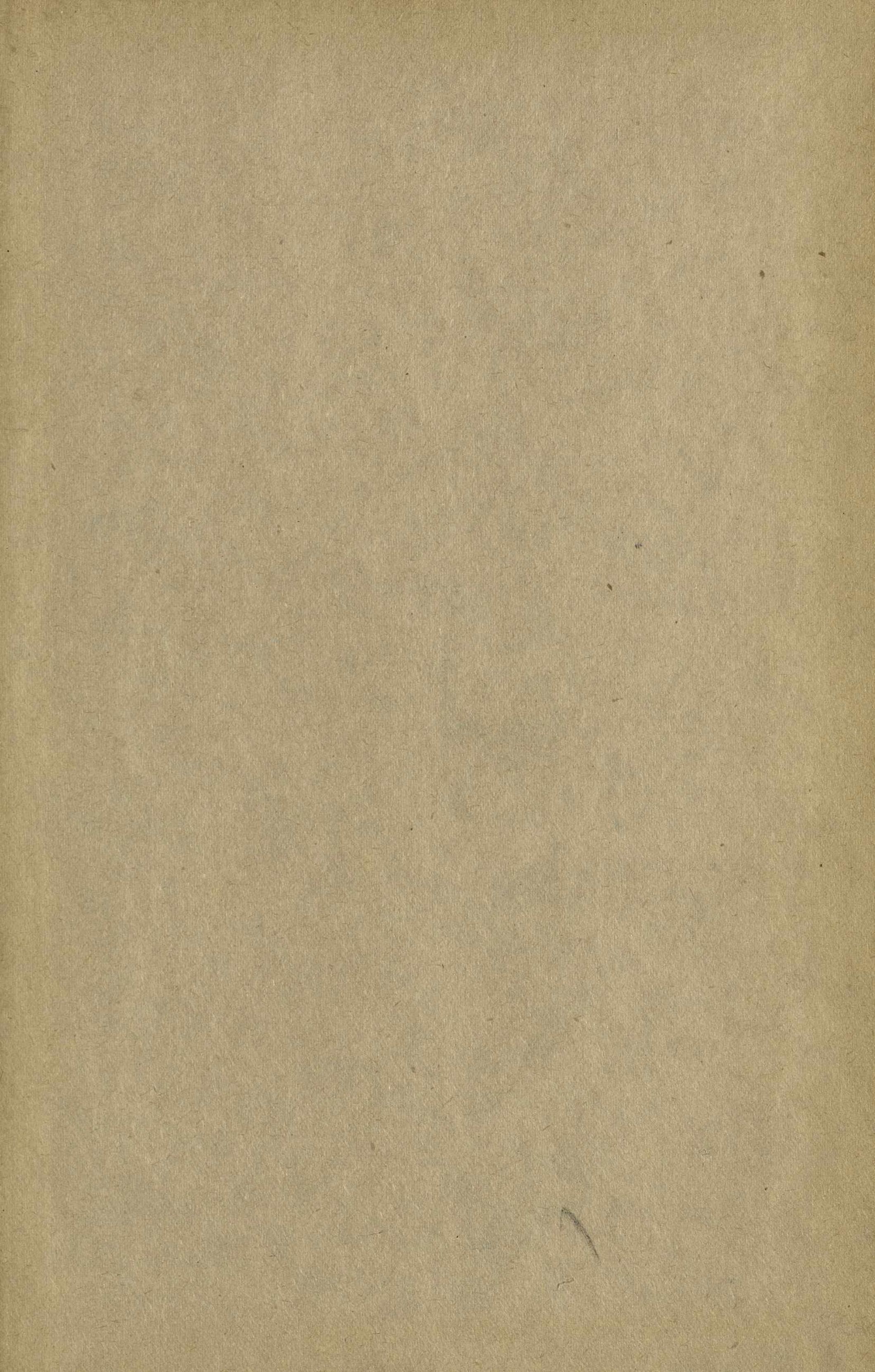
Надо бы помнить слова одного умнаго француза: «Не сабельные удары вызываютъ въ людяхъ наибольшее страданіе и раздраженіе, а непрерывные булавочные уколы».

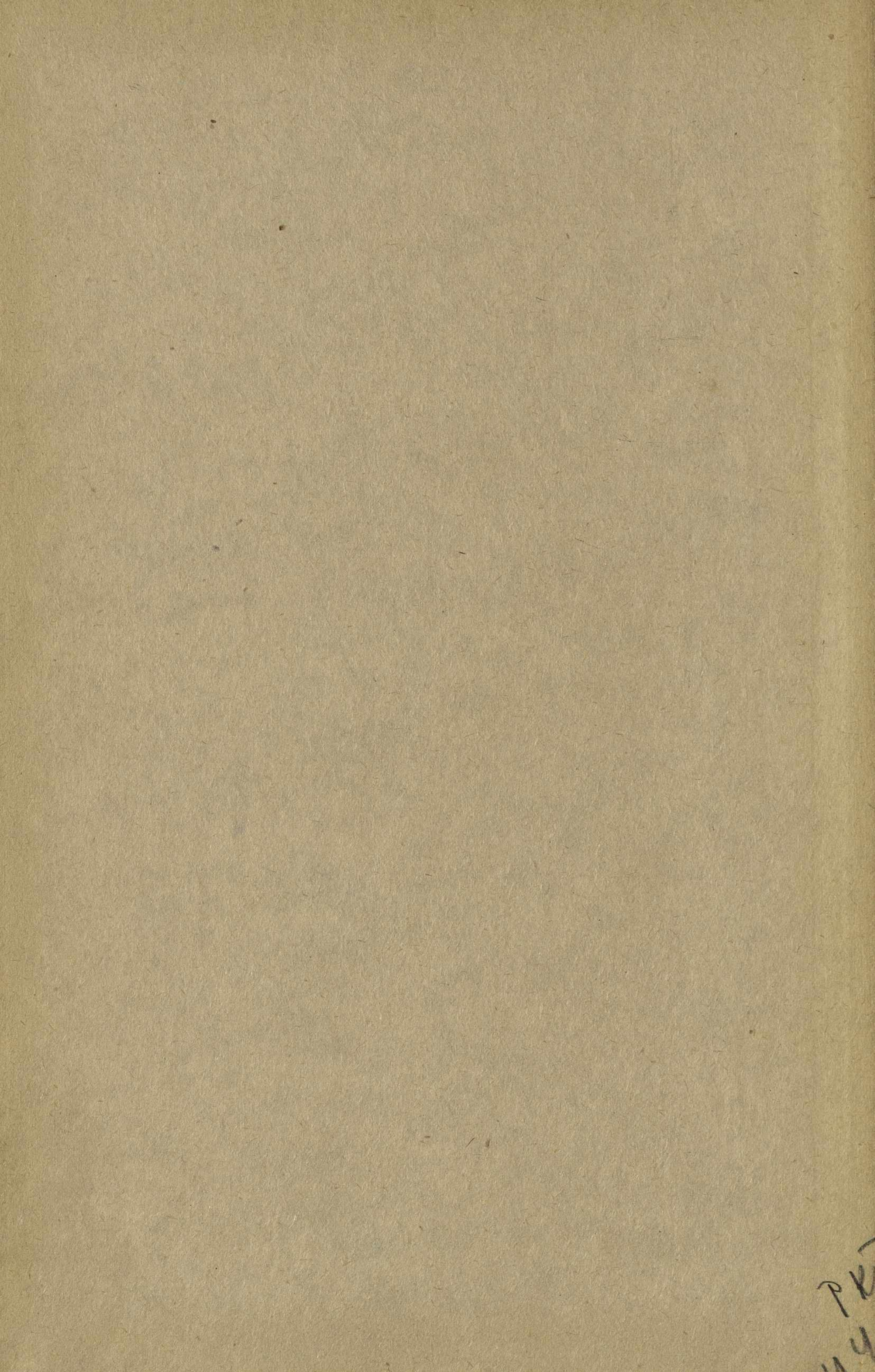
Одно изъ двухъ: или казачество отжило и оказалось лишнимъ, тогда на радость іудеямъ и ихъ многочисленнымъ шабесгоямъ съ нимъ надо разомъ и навсегда покончить, или если оно еще нужно отечеству, не нарушать его правъ, не отнимать привиллегій, не уродовать его вѣкового быта, т. е. не раздражать его булавочными уколами.

Политика прятанія головы въ песокъ, политика уступокъ не вѣчна. Придетъ время, и оно не за горами, когда уступать будетъ больше нечего, и мы будемъ прижаты къ стѣнѣ и волей-неволей будемъ вынуждены вынуть свой кровавый жребій въ битвѣ народовъ.

Пусть вершители судебъ нашего отечества вспомнятъ, какія услуги оказало пренебрегаемое и судимое теперь казачество въ различныя страшныя и смутныя эпохи нашей родины. Не были ли такія «маленькія» казачьи услуги иногда рѣшающими въ благопріятную сторону судьбы нашего племени и нашей государственности?! По прошлому-же надо судить и о будущемъ, надо беречь казачество, надо уважать его права, а не ломать по теоретическому либеральному трафарету то старое, заслуженное передъ родиной сословіе, въ активѣ котораго насчитывается не мало незабвенныхъ заслугъ.

**Ив. Родіоновъ.**






2020126631